

Академия наук СССР
Институт русского языка

Русская речь

6 НОЯБРЬ
ДЕКАБРЬ
1989

Научно – популярный журнал

Издается с января 1967 г.
Выходит 6 раз в год

МОСКВА "НАУКА"

В НОМЕРЕ:
ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 3 Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы.
На вопросы отвечает член-корреспондент АН СССР
В. М. Солнцев

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Имя в наследство*
9 *И. Б. Левонтина.* «Выдумывай неведомый язык!»
(Несколько замечаний о языке В. Г. Бенедиктова) ©
Из наблюдений текстолога
17 *К. М. Азадовский.* «Плач в родительскую субботу»
Николая Клюева ©
Слово в драматургии
25 *М. Ш. Кипнис.* Стилистические особенности «Перла-
мутровой Зинаиды» М. Рощина ©
Филологические беседы
31 *А. П. Чудаков.* О характере научной медитации и
стиля В. В. Виноградова ©

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

- 37 *Владимир Высоцкий* ©

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 45 *Н. И. Формановская.* Беседы о речевом этикете ©
50 *А. М. Бахтызин.* Из истории судебного красноре-
чия. Ораторское мастерство Ф. Н. Плевако ©

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

- 57 *П. С. Кузнецов.* К истории фонем [ф] и [ф'] в рус-
ском языке ©

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

- 63 Э. Я. Гребнева. «...Сеяшется и растяшеть уособицами» ©
 66 Я. Г. Солодкин. Кто он, летописец Иосиф? ©

НА КАРТЕ РОДИНЫ

- 71 И. Ю. Юрьева. Топонимика пушкинских мест ©
В исторических именах — связь времен
 80 В. В. Фадеев. Словом создавать города ©
 83 Л. Т. Масенко. Не только возвращение... ©
 86 Э. В. Рубцова. Названия деревень — часть народной культуры ©
 91 Б. И. Кошечкин. Над судовыми журналами «Святого Иоанна» ©

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

- 96 Н. Д. Насилова. Сложить голову ©
 99 В. Н. Сергеев. Колокольный звон ©

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 102 Г. П. Бурова. «Земля зовет: спешите любить, творить...» (О стихотворении И. А. Бунина «Ночные пикады») ©
 105 Л. И. Игнатьева. Видео ©
 108 Р. И. Кочубей. Дефис — «единительный» знак ©

СРЕДИ КНИГ

- 113 П. Сергеев. Искусство речи на суде
 115 И. Г. Милославский. Зачем нужна грамматика?

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

- 117 Прошлое и настоящее слова *коммерческий* ©
 120 Так какого же роста были лошади? ©

- 122 Тематический указатель статей, опубликованных в журнале «Русская речь» в 1989 году

На обложке рисунок В. Леонова ©

Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы*

В. М. Солнцев,
член-корреспондент АН СССР

1. Языковая ситуация в СССР определяется многонациональным характером государства и потребностями межнационального общения в стране. Наряду с «большими» и «малыми» языками (языки делятся на «большие» и «малые» только по числу говорящих на них. Перед историей и наукой все языки равноправны) народов СССР в стране имеется общий для СССР язык, который, с одной стороны, обслуживает общегосударственные нужды (армия, все виды внешних сношений, всесоюзная массовая коммуникация, делопроизводство центральных учреждений, космонавтика и т. д.), с другой – служит средством межнационального общения. Таким языком является русский язык, который в силу ряда исторических причин еще до революции, в условиях бывшей Российской империи, приобрел функции языка межнационального общения, хотя основная масса нерусского населения им не владела.

Использование общего для страны языка привело к складыванию ситуации двуязычия (в отдельных районах – многоязычия). Основной вид двуязычия – национально-русское двуязычие. Кроме того, в национальных республиках и регионах получило развитие среди русскоязычного населения русско-национальное двуязычие. Наряду с этим в стране имелись и имеются довольно значительные массы одноязычного населения.

Как свидетельствует весь мировой опыт многонациональных стран, двуязычие и многоязычие – необходимый и практически единственный путь решения проблемы преодоления языковых барьеров и обеспечения общения между собой всех членов общества, говорящих на разных языках.

По сравнению с дореволюционным периодом, в языковой ситуации нашей страны произошли серьезные изменения. Свыше 50 ранее бесписьменных языков получили письменность. На многих ранее бесписьменных языках стала создаваться и развиваться лите-

* Продолжение. Начало см.: Русская речь, 1989. № 5.

ратура. Обогатился лексический состав, расширились функции национальных языков. Получило дальнейшее развитие двуязычие и многоязычие.

Совершенствование языковых отношений, создание письменностей, написание грамматик, составление словарей и вообще вся деятельность по стандартизации и нормализации литературных языков — все это получило название «языковое строительство», период которого охватывает 20-е и 30-е годы. Позднее в языковой ситуации страны наряду с положительными результатами языкового строительства стали накапливаться негативные явления.

Во многих регионах страны было ослаблено внимание к развитию родных языков, использованию их в образовании, в массовой коммуникации, для издания литературы (книг, газет, журналов и т. д.). Кое-где проводилась русификаторская политика, в частности, проявляющаяся в закрытии национальных школ, в необоснованной замене национальных названий русскими. Отрицательную роль сыграл лозунг 50–60-х годов о том, что граждане СССР должны иметь два родных языка. Этот лозунг был, во-первых, нереалистичен (владеть двумя языками как родными могут относительно немногие люди). Во-вторых, он был ошибочен психологически: родным языком может быть лишь один язык, язык того народа, к которому принадлежит данный человек. Очень мало внимания уделялось «малым» языкам, поэтому некоторые из них находятся на грани исчезновения в связи с переходом населения, говорящего на этих языках, на русский язык или на языки соседних более многочисленных народов.

Негативные моменты в языковой политике во многом явились причиной серьезного обострения национально-языковых отношений в стране. Это факторы субъективные. Наряду с ними существуют определенные объективные процессы языкового развития, которые определяются не субъективными пожеланиями людей, а их объективными социальными, культурными и экономическими потребностями. Эти объективные процессы часто обостряют межязыковые противоречия, проявляются такие объективные процессы, в частности, в выборе родителями языка обучения для детей. Родители (особенно это касается малых народов) нередко предпочитают отдавать детей в русские школы, а не в национальные, поскольку это открывает большие возможности для получения дальнейшего образования, позволяет жить и работать в разных местах страны и т. д. При этом ухудшается степень владения родным языком, а стало быть, и использование родного языка, что вызывает обычно чувство горечи и обиды, ностальгию по родному языку.

Далее. Стремление (совершенно понятное в условиях роста национального самосознания) издавать, например, научную литературу преимущественно на родном языке вступает в противоречие с возможностями распространения этой литературы в масштабах всей страны, а также за рубежом, и фактически сужает книжный рынок до региона, где распространен этот язык. (Замечу попутно, что в некоторых даже высокоразвитых странах основная научная литература издается на английском языке.)

2. Принцип свободного развития языков народов СССР — это важнейшее средство решения языкового вопроса, урегулирования языковых конфликтов и снятия напряженности в национально-языковых отношениях.

Реализация этого принципа, по-видимому, должна начинаться с обеспечения представителям всех народов СССР возможности обучения детей на родном языке. Если на каком-либо по числу говорящих малом языке невозможно обеспечить высшее или даже среднее образование, и родители предпочитают отдавать детей в школы с русским языком или с языком какого-либо другого народа, то необходимо в этих школах организовать серьезное обучение родному языку. Для групп населения, говорящих на каком-либо языке и проживающих вне территории распространения своего языка, необходимо создать школы и обеспечить возможность обучения на родном языке. Короче говоря, должны быть созданы реальные условия для обучения на родном языке и в то же время должна существовать полная свобода выбора языка обучения без какого-либо принуждения.

Всем народам СССР должна быть предоставлена полная возможность использовать родной язык в пределах своей территории в любых функциях. В то же время должна быть обеспечена возможность серьезного обучения языку межнационального общения, языку, обслуживающему общегосударственные потребности.

3. В настоящее время уровень правового обеспечения современного состояния национально-языковых отношений, на мой взгляд, не является удовлетворительным. Это также одна из причин обострения национально-языковых отношений, которая создает возможность для проявления негативных эмоций и различных спекуляций вокруг языкового вопроса. Необходимо всесоюзное законодательство, регулирующее использование всех языков народов СССР, включая и общий для страны язык. Такое законодательство должно быть подготовлено с участием представителей всех республик, должно иметь характер своего рода межнационального договора.

Наряду с таким законодательством следует иметь законодательства и в союзных (а также автономных) республиках, нацио-

нальных округах и областях, обеспечивающих правовые гарантии использования языков.

Понятие «государственный язык» в свое время, как известно, получило отрицательную оценку В. И. Ленина. Эта оценка была дана в определенный исторический период, когда понятие «государственный язык» ассоциировалось с национальным угнетением.

В настоящее время в СССР в целом ряде союзных республик (и одной автономной) национальные языки объявлены государственными. В современных условиях, на мой взгляд, это возражения не вызывает, поскольку направлено на повышение престижа того или иного национального языка. Следует при этом учесть, что практически все республики многонациональны, и придание языкам основной нации статуса государственного не должно ущемлять интересов проживающего в этих республиках иноязычного населения.

Введение в союзных (и автономных) республиках «государственных языков» ставит вопрос и о статусе языка межнационального общения. Понятие «язык межнационального общения» не раскрывает роли и места русского языка в стране. В качестве средства межнационального общения мог быть выбран любой иностранный язык (как это имеет место во многих бывших колониях) или, например, искусственный язык эсперанто и т. п. Функции же русского языка намного шире — это общегосударственный язык, обслуживающий потребности всего общества в целом, той многонациональной общности, которая имеет название *советский народ*. Как отмечалось на XIX партийной конференции, понятие советский народ — это историческая реальность, означающая принадлежность людей к единому государству с одним общественным строем.

Русский язык не виноват в том, что он выполняет общегосударственные функции. Эту роль мог бы выполнять любой развитый язык народов СССР. Но так распорядилась история. Как язык с общесоюзными функциями он принадлежит всем народам СССР, а не только русскому народу, для которого он родной. Русский язык нельзя навязывать народам СССР насильно, а тем более требовать, чтобы он стал «вторым родным языком». Как я уже писал выше, такое требование оскорбительно, потому что родным языком должен быть язык матери.

Но статус русского языка должен быть определен. Русский язык для республики в сущности выполняет те же функции, что и национальные языки республик для народов, проживающих в этих республиках. Если в республике национальные языки имеют или получают статус государственных в пределах республик, то

почему не иметь государственного языка для СССР как целого? Думаю, что нет необходимости настаивать на термине «государственный язык» для общего языка страны, если это вызывает негативные эмоции. Его можно назвать *официальным* или *общим*. Определение русского языка как *межнационального*, на мой взгляд, недостаточно. Как бы то ни было, статус русского языка (как и других языков) должен быть определен и юридически закреплен.

4. Двужычие, видимо, должно быть генеральной линией языковой политики. Нужно и национально-русское двужычие, и русско-национальное двужычие (в республиках, национальных округах и областях), нужны и другие виды двужычия (или даже многоязычия), поскольку союзные республики многонациональны.

При двужычии родным должен быть один язык. Вторым языком нужно владеть хорошо, для того чтобы им практически пользоваться в общении, на работе и т. д.

Имеющиеся в нашей печати нападки на двужычие не имеют под собой научного основания. Двужычие — не зло, а благо. Об этом говорит мировой опыт. Если действительно обнаруживаются ситуации, когда «двужычные» лица толком не знают ни одного языка, то в этом виновато не двужычие как таковое, а низкий культурный уровень соответствующих лиц и низкий уровень обучения и преподавания. По словам академика Л. В. Щербы, можно лишь завидовать тем народам, которые силой вещей приводятся к двужычию.

5. О языковом союзе в СССР в том смысле, в каком мы говорим, например об алтайском языковом или балканском языковом союзе и т. п., видимо, говорить трудно. Однако в СССР существует высокая степень взаимодействия русского языка с другими языками народов СССР, а также многих национальных языков между собой. Создается своего рода союз русского языка с другими языками СССР, а также ряд местных союзов языков, взаимодействующих между собой в пределах своего распространения.

Отношения, похожие на союзные, проявляются, в частности, в общности терминологии (а это обширный пласт лексики), которая создается на русской основе (включая русифицированную международную терминологию) и сплошь и рядом не переводится на национальные языки, а лишь адаптируется к фонетическому строю соответствующих языков. Во многих национальных языках наблюдаются значительные пласты и других лексических заимствований из русского языка. Имеется и влияние национальных языков на русский язык. Так, язык русскоязычного населения, постоянно проживающего среди народов, говорящих на других языках, испытывает определенное фонетическое и лексическое влия-

ние местных языков. Полагаю, что вопрос о взаимодействиях языков СССР между собой нуждается в специальном исследовании, в частности с точки зрения возможности применения к языковой ситуации в СССР понятия языкового союза, или языковых союзов.

6. Состояние изучения национально-языковых проблем в СССР, на мой взгляд, не удовлетворительно. Мало профессиональных социолингвистов, хорошо владеющих специальными методами социолингвистических исследований. Специалисты не имеют доступа к статистическим и другим материалам, не имеют необходимых материальных условий для проведения исследований. В стране отсутствует центр по изучению национально-языковых проблем страны. Должна быть оказана материальная поддержка создаваемому Центру по национально-языковым исследованиям при Институте языкознания АН СССР. Без материальных вложений сдвинуть с места исследование национально-языковых проблем невозможно. Пора отрешиться от мысли, что исследования в области общественных наук не требуют материальных затрат. Нужна серьезная база для изучения национально-языковых вопросов. Это окупит себя с лихвой. Национально-языковой вопрос — это вопрос государственной важности. Его нельзя решать старыми средствами, без серьезного материально-кадрового обеспечения.

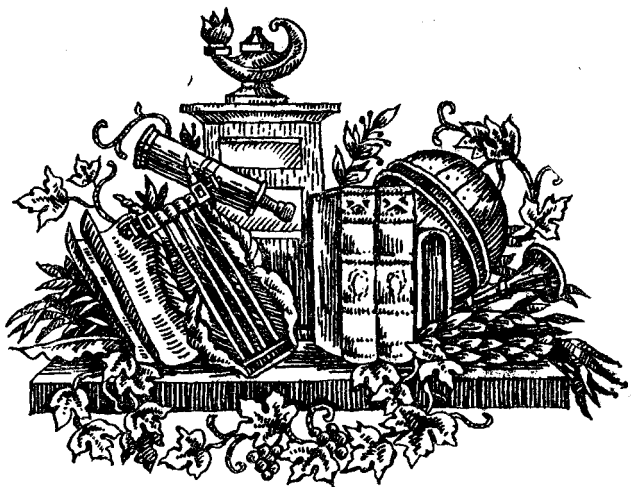
7. Поскольку языковые отношения — это составная часть национальных отношений, постольку их совершенствование и гармонизация должны происходить одновременно с совершенствованием и гармонизацией национальных отношений в целом.

Нужна активная языковая политика, которая должна опираться на широкое и серьезное научное исследование. Мы вступаем в новый этап языкового строительства. Он характеризуется тем, что в СССР имеется много развитых языков, высок уровень национального самосознания народов СССР, тем, что мы имеем как положительный, так и отрицательный опыт языковой политики, который может и должен быть учтен.

Всем языкам должны быть обеспечены условия для свободного функционирования. Особенно важно позаботиться о «малых» языках, которые могут в скором времени сойти с исторической сцены.

Надо добиться, чтобы «большие» языки активно функционировали в своих республиках, чтобы активно использовались народами и «малые» языки. Надо всем народам дать возможность изучать, знать и использовать свои родные языки. Нужна широкая сеть национальных и двуязычных школ, обеспеченных квалифицированными преподавателями и оснащенными хорошими учебниками и современными техническими средствами обучения.

ИМЯ В НАСЛЕДСТВО

*«Выдумывай
неведомый язык!»*

Несколько замечаний о языке В. Г. Бенедиктова

И. Б. Левонтина

Любой разговор о Владимире Григорьевиче Бенедиктове (1807—1873) с какой-то почти обреченностью начинается с удивления по поводу резкого контраста между ажиотажем, сопровождавшим его появление в поэзии, и той пустотой, которой он окружен сегодня. Однако печальная история Бенедиктова (сравнимая, наверное, лишь с участью Тредиаковского) — проявление общей закономерности: для современников поэт существует во времени, поэтому решающим для его оценки является критерий новизны, а для потомков все поэты пишут «одновременно» (суждения читателей о смелости «для того времени» чаще вызваны недоразумениями), поэтому на первый план выдвигается критерий гармоничности, верности писателя законам, «им самим над собою признанным». Оттого «не-

дооценивают» современники прежде всего стихотворцев, которые, завершая этап развития поэтического языка, создают идеальную систему средств выражения, и «переоценивают» тех, которые пытаются, круто ломая старую систему, заговорить совершенно новому. Таково кредо Бенедиктова:

Чтоб выразить таинственные муки,
 Чтоб сердца огонь в словах твоих изник,
 Изобретай неслыханные звуки,
 Выдумывай неведомый язык!

Отрывки, (1837)

Необычайный успех Бенедиктова, правда, оказался и необычайно кратковременным. Ему сразу не повезло: в ожесточенном споре, который вели о русской литературе С. П. Шевырев и В. Г. Белинский, в их борьбе за власть над умами Бенедиктов неожиданно оказался одной из ставок. Спор этот только еще разгорался, когда в 1835 году появилась его первая книжка, и Шевырев в «Московском наблюдателе» встретил ее восторженной статьей, в которой назвал Бенедиктова «поэтом мысли», открывающим новый этап в поэзии, и молниеносно Белинский отозвался на эти два события роковой для литературной судьбы Бенедиктова статьей в «Телескопе». Парадокс, однако, заключается в том, что, хотя мнение Белинского совпало с мнением потомков в общей оценке творчества Бенедиктова и по отношению к отдельным явным провалам, но критик на самом деле судил Бенедиктова по нормам предшествующего этапа поэзии, не замечая перспективности его поисков. Современному читателю некоторые претензии критика просто непонятны: почему, например, плохо, что валы *лижут* пята утеса?..

Позже известный лингвист Р. Ф. Брандт в спокойной и корректной работе «Несколько слов о Бенедиктове» (Казань, 1918) показал, как Белинский вырывал цитаты из контекста, доводил примеры до абсурда, но это случилось уже в нашем веке. А тогда, в пылу журнальной полемики, действие первой и последующих статей Белинского было неотразимо. Влияние его было велико. Постепенно восхищаться Бенедиктовым стало как бы даже дурным тоном. Вокруг его имени возник миф, который совершенно не соответствовал его влиянию на русскую поэзию.

Итак, Бенедиктов... Поэт, которому прочили славу нового Пушкина — и который добрые слова Пушкина принял за насмешку, а после неласкового отзыва неистового критика замолчал на годы. Крупный и своеобразный художник, который вдруг начинал вымарывать наиболее смелые свои находки и учепически подражать

другим поэтам. Автор стихов о феерической любви и роскошных красавицах, невзрачный и глубоко неудачливый в личной жизни человек, который умер, всеми забытый, на руках сестры. Участник Польской кампании, отказавшийся от военной карьеры, чиновник, исправно служивший по финансам — и мечтатель, увлекавшийся астрономией, без памяти влюбленный в поэзию. Умный человек, уважаемый достойнейшими литераторами, — «сослуживец» Ковьмы Пруткова, излюбленная мишень пародистов.

Какое только лыко не ставили Бенедиктову в строку! Даже его математические способности оказывались свидетельством непростичности его натуры. Даже за то, что он переделывал свои произведения после критических отзывов, ругали его: истинный поэт, дескать, уверен в своем вдохновении. А что уж говорить о его служебной добросовестности! Его называли и Чичиковым, взявшимся за перо, и молчалинские добродетели — «умеренность и аккуратность» — ему приписывали — и тут же обвиняли в неумеренном экспериментировании над языком.

Нам трудно оценить меру смелости поэта, ибо мы произведения начала XIX века читаем сквозь призму всей последующей поэзии. А ведь тогда слово в стихе жило совсем по-другому.

Традиция, от которой Бенедиктов отталкивался, — это язык «школы гармонической точности» (так назвал Пушкин школу Жуковского и Батюшкова). Требование «точности» предполагает ясность текста, однозначную соотношенность каждого имени с объектом и не допускает затрудненности текста, загадочности. «Точность» вовсе не означает отсутствия метафор и других тропов. В этом языке как раз очень много поэтических имен, но они освящены традицией, изменять их можно лишь с большой осторожностью, чтобы не затруднить понимание. Такие формулы выбираются почти независимо от контекста. Так, у К. Н. Батюшкова есть фраза: «Слез ручей блестит в ее очах». Ведь слезы можно сравнить с ручьем, только когда они уже текут по щекам, но не когда стят в глазах. Однако выражение *ручей слез* в этой эстетике просто поэтический синоним слова *слезы*. Он нужен для указания на то, что речь идет о некотором идеальном мире, прекрасном и «гармоническом». Это может быть мир мечты или «условной древности», в нем все отличается от реальности и каждый предмет совершенен. Необходимость разгадывать, что скрывается за именем, привлекла бы внимание к причудам индивидуального восприятия, «импрессионизм» с точки зрения гармонической точности должен расцениваться как погрешность против вкуса. Поэт творит чудный мир, а не рассказывает читателю о своих впечатлениях. С. П. Шевырев в этом смысле был прав, говоря об эпохе «изящного

материализма» в поэзии (Московский наблюдатель. 1835. Ч. 3. Кн. 1. С. 442).

Эти-то принципы и расшатывает Бенедиктов. Часто он берет даже традиционные формулы, но заставляет их взаимодействовать с контекстом. Так, у Батюшкова сказано: «(...)катит Рейн свой серебряный кристалл» или «Пространство всё ее текуща кристалла/ Древа, соплетшихся ветвями, осеняли./Питались влагою и берег украшали». (*Текущий кристалл* не надо здесь понимать как оксюморон; просто *текущая кристалльной водой река*). И совсем иначе у Бенедиктова в стихотворении «Ватерлоо» (1836):

Самодовольней плещет море,
Как бы гордясь, что удержат могло
Гиганта пленника своим кристаллом синим
И грозного земным твердыням
В оковах влаги сберегло (...)

Вполне традиционное обозначение водной стихии как кристалла получает у него новую мотивировку: оказывается, море можно сравнить с кристаллом, потому что оно крепко и надежно удерживает пленника; эта идея подкрепляется далее словами *твердыня* и *оковы*. Поэтому метафора оживает, то есть мы видим море как бы сквозь нарисованный на стекле кристалл.

Но этим смысловые преобразования традиционной формулы не исчерпываются. У Батюшкова в сочетании *серебряный кристалл Рейна* (= кристалл серебряного Рейна) эпитет *серебряный* относится непосредственно к Рейну. У Бенедиктова же кристалл материализовался, поэтому и эпитет меняет свой адрес. И *синий кристалл* становится еще более самостоятельной сущностью. Этот случай ясно показывает, как не очень заметное смещение может вызвать целую цепочку смысловых переключек с обратной связью, что в принципе не характерно для предшествующего этапа. Но Бенедиктов не был бы Бенедиктовым, если бы в том же стихотворении «Ватерлоо» не написал: «И туч пелена небосклон *оковала*» (курсив в стихотворных примерах здесь и далее наш.— И. Л.). У этих слов нет ничего общего, цепочка не замыкается. Обе метафоры остаются мертвыми. Таким образом, в одном стихотворении сосуществуют два разных принципа словоупотребления.

Однако необходимо вернуться к *синему кристаллу*. Изменение функции эпитета у Бенедиктова тоже необычайно важно. Традиция предписывала относить эпитет непосредственно к объекту, не согласуя его по смыслу с именем, которым этот объект назван. Ср. у Батюшкова: *пустой дым* (славы, веселий); эпитет *пустой* применительно к дыму вообще лишен смысла, он относится к славе (веселиям). Ветер может быть тихим, он может тихо веять,

поэтому у того же Батюшкова ветер веет *тихими крылами* и *тихими устами*. И Бенедиктову пужна была незаурядная смелость, чтобы написать:

По небу несется широкая туча.
Взгляните: как ветер (...)
Приняв ее тяжесть на *мягкие* крылья,
Ее по пространству воздушному мчит.

Туча, (1843)

Мягкие крылья! Это все меняет. Если раньше ветер сравнивался с крыльями просто потому, что при взмахе крыла возникает поток воздуха, то теперь ветер действительно предстает в виде какого-то крылатого существа. И Бенедиктов стремился к этому эффекту (ср.: «Взмахнул крылами ветр» — Гроза (1835); «И ветер ударит по влаге крылом» — Море (1837)). И совсем другое дело, когда крыльями называются края облака:

Вот — ширится и крыльями *густыми*
Объемлет дол(...)

Облака, (1835)

Крылья облака — не традиционная метафора. Поэтому эпитет *густой*, который как раз больше подходит *облаку*, не может присоединиться непосредственно к нему, минуя *крылья*. Рождается новый синтетический образ, объект нового качества. И в знаменитых, понравившихся Пушкину строках из того же стихотворения:

Чаша неба голубая
Опрокинута на мир —

принципиально важно, что *чаша голубая*, а не чаша голубого неба. Поскольку сравнение дотоле неизвестное, возникает действительно образ чаши, и оттого, что эпитет задерживается на нем, образ этот становится еще ярче.

Новаторство Бенедиктова — не в отдельных свежих образах, а в том, что он хотел заставить слово вообще по-иному жить в стихе: разрушить его цельность, вычленив в нем отдельные смысловые элементы, чтобы разные слова свободно перекликались друг с другом. Иначе говоря, он мучительно искал то, что нам, читателям XX века, кажется чем-то само собой разумеющимся.

Обозначение водного пространства как зыби было традиционно, оно не было связано со специальной задачей указания на волны (*стекло зыбей* — обычно для первой половины XIX в.). Точно так же *твердь* — просто поэтический синоним неба, идея твердости давно стерлась (ср. у Вяземского: «Звездами *вытканная* твердь»). Бе-

недиктов же пишет:

О, как бы я жадно окинул очами
Лазурную зыбь и лазурную твердь!
Море, (1837)

Море и небо, оба лазурные, противопоставлены как *зыбь* и *твердь* — и вспоминаются прямые значения слов. Еще пример из стихотворения «К женщине» (1839):

И грустно в небе голубом:
Твой взор, столь ясный, видит в нем
Одни лазоревые степи;
Там пусто (...)

Бенедиктов постулирует, что *голубое небо* и *лазоревые степи* — не одно и то же. *Лазоревая степь* — это не просто небо, а небо, увиденное одиноким, тоскующим человеком, который даже в раю не надеется найти утешение. Для сравнения можно привести конструкцию Вяземского *океан воздушной степи*, где само напизывание метафор свидетельствует о том, что в задачу автора не входило вызвать представление об океане или степи.

Конечно, фрагменты, подобные только что приведенным, окружены в текстах Бенедиктова многочисленными случаями традиционного использования языковых средств: предсказуемыми эпитетами «(...)спешит/Дева в бархатное поле...» — Роза и дева (1835), не связанными с контекстом поэтическими именами (ср.: «Лик неба синего чудно меняется(...)» — К Полярной звезде (1835)). Здесь было бы неверно ставить Бенедиктову в вину то, что, обозначив небо как лик, он неуместно указал при этом на его синеву. Это в рамках традиционной поэтики. Но в общем контексте поэзии Бенедиктова у читателя невольно изменяется ориентация, повышается внимание к внутренней форме языковых выражений. Ведь тот же автор написал в своем «Ватерлоо»:

И облака стекаются, как думы,
На сумрачном челе небес.

Очень показателен для Бенедиктова следующий случай: речка

(...) чистого поля ковер изумрудный,
Резвься, огибает алмазной каймой (...)
Реки, (1838)

Как и в случае с *лазурной зыбью* и *твердью*, все составляющие здесь традиционны, но в сочетании друг с другом метафоры готовы ожить. Однако получается, что, с одной стороны, *поле* сравнивается с *ковром*, а *речка* — с его *каймой*, а с другой стороны,

поле названо *изумрудным*, а речка *алмазной*. Эти два осмысления мешают друг другу, создают путаницу. В сочетании *изумрудный ковер поля* эпитет *изумрудный* можно понять только как указание на цвет (в отличие от *изумрудного поля*), но из-за слова *алмазный* у читателя невольно в следующей строке возникает представление о ковре из камня. В этом фрагменте, как в капле воды, отразилась ситуация: Бенедиктов выпустил джинна, освободив смыслы слов из-под власти формул, но не всегда может этим джинном управлять.

Одна из самых ярких черт языка Бенедиктова — новые, открытые им сходства. Многие из его метафор действительно выглядят прорывами в будущее. Приведем лишь несколько примеров. Вот совершенно тютчевская строка:

Всё одето ризой света (...)

Искра, 1836

В. Ф. Ходасевич в статье о Ф. И. Тютчеве писал о том, что у Тютчева нетрадиционно описывается смена дня и ночи: не ночь покрывает природу, а день — «златотканый покров», чему соответствует представление о мысли как о «златотканом покрове» над бездной пророческих снов (Ходасевич Владислав. Избр. проза. Нью-Йорк, 1982. Russica Publishers. С. 97, 99). Как видим, эта метафора появляется у Бенедиктова, хотя вряд ли у него она отражает столь глубокий сдвиг в представлениях о мире. Строки из стихотворения «Услышанная молитва» (1837):

Сквозь тучи ярко проглянула
Эмаль божественных высот (...)

современному читателю не могут не напомнить мандельштамовскую *бледно-голубую эмаль*. Правда, если у О. Э. Мандельштама метафора отвечает общему эстетизированному, окультуренному видению мира, да и в самом стихотворении она всячески проясняется, развивается, то у Бенедиктова это прекрасное, но отдельное от контекста озарение.

Яблоко земли Бенедиктова — конечно, еще не пастернаковские *булки фонарей*, но и недооценивать его смелость тоже было бы неверно: подобные метафоры-сравнения, основанные на сходстве двух предметов по форме, очень консервативны. Но дело даже не в этом; важно, в каком контексте появляется это выражение. В стихотворении «Облака» (1835) дождь описывается так:

(...) и слезы потекли
В обитель слез, на яблоко земли (...)

Здесь возможны два понимания. Можно игнорировать внутреннюю форму выражения *яблоко земли*, тогда дождевые капли просто упали на землю. Но если считать способ именованя объекта значимым, то получается потрясающая картина: в пределах одной строки мгновенно изменяется точка зрения. Наблюдатель, для которого земля — *обитель слез*, находится на ней, а чтобы увидеть землю, как яблоко, нужно оказаться на огромном расстоянии от нее. (Традиционно же наблюдатель был всевидящим; ср. у Батюшкова: «Завида *вдалеке* твои, о Рейн, *волны*»).

Косвенным подтверждением того, что изначально смелая идея молниеносного мысленного полета (а Бенедиктов, как известно, был астроном и космическую тему в поэзии любил) была заложена в тексте, является и более поздний, 1856 года, вариант, в котором эти строки изменены: «И капли слез с той вышины престольной/В обитель слез — на мир упали дольний(...)» (Хотя возможно, что просто само выражение *яблоко земли* показалось слишком неожиданным. Как бы там ни было, мы имеем право подходить к тексту с оптимистической презумпцией, там, разумеется, где она оправданна). Однако для лингвиста вопрос вовсе не в том, что имел в виду поэт «на самом деле». Психология творчества вне компетенции лингвистики. Мы имеем дело с текстом как данностью. Главное отметить, что в бенедиктовских текстах, как на оккупированной территории, действуют два закона.

Язык поэзии Бенедиктова содержит богатейший материал для анализа, он почти не изучен. Исследователи пока останавливались только на отдельных, ярких его свойствах (см. работы Л. Я. Гинзбург и С. Б. Рассадина). Заметим также, что здесь приводились примеры в основном из ранних стихотворений поэта. Указать на это важно, чтобы тезис С. Б. Рассадина (см. его статью «Неудачник Бенедиктов» // Рассадин Ст. «Спутники...» М., 1983) о том, что Бенедиктов шел к себе постепенно, дополнить антитезисом: Бенедиктов сразу вошел в литературу со своим представлением о языке, а значит и о мире, со своим импульсом, и даже его болезненная неуверенность в себе не могла подавить это своеобразие.

К какой бы особенности языка Бенедиктова мы ни обратились, везде увидим проявление одного и того же противоречия, своеобразной лингвистической драмы: везде мощный порыв к «неведомому языку», который бы позволил сделать предметом анализа сам процесс творчества, мучительно противоборствует с равной ему по силе инерцией традиционных средств поэтической речи.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ ТЕКСТОЛОГА

«Плач в родительскую
субботу»

Николая Клюева

К. М. Азадовский,
кандидат филологических наук

Среди крупных русских поэтов нашего века, чьи имена были долгое время незаслуженно преданы забвению, выделяется имя Николая Алексеевича Клюева (1884–1937?), талантливого самородка, выходца из Олонецкой губернии (ныне Вологодской области). Родившийся и проживший многие годы в глухих деревнях Вытегорского уезда, Клюев поражал современников своими произведениями — то мастерски выполненными в духе символистской школы, то стилизованными в «народной» манере. На фоне бурных диспутов об «интеллигенции» и «народе» он казался подчас «пророком», «предтечей», посланцем из глубин крестьянской России, пришедшим, по словам Андрея Белого, «из молитвенных чащ и молелен Севера» (Александр Блок в воспоминаниях современников: В 2 т. М., 1980. Т. 1. С. 249). Так воспринимали его одно время Блок, Городецкий, Гумилев, А. Н. Толстой, О. Форш и другие писатели, с которыми Клюев был знаком лично. Впрочем, в исследованиях последних лет этот экзотический, во многом загадочный облик поэта начинает приобретать реальные, подлинные черты.

Ранние стихотворения Клюева появились в печати в 1904–1905 гг., однако истинное признание ему принес первый поэтический сборник «Сосен перезвон», изданный в Москве осенью 1911

года (на обложке — 1912). Книга эта вышла с посвящением Александру Блоку (Клюев несколько лет состоял в переписке с Блоком), а предисловие к ней было написано Валерием Брюсовым. По страницам русских газет и журналов прокатилась волна одобрительных откликов на стихи Клюева, и олоонецкий поэт сравнительно быстро, уже в 1917 году, получил всероссийскую известность.

Но даже в ту пору у внимательных читателей его стихов нередко возникало недоумение: Клюев ли это? Слишком многое казалось знакомым, ранее известным. Порой и самому поэту приходилось выслушивать упреки в том, что он, якобы, приписывает себе сочинения других авторов. На этой почве произошел, например, в конце 1912 года разрыв его отношений с И. П. Брихничевым, священником, лишенным сана, публицистом-популяризатором (подробнее о Брихничеве см.: Базанов В. Г. Трудная биография // Звезда. 1979. № 12. С. 176—188). В своем написанном тогда памфлете «Новый Хлестаков» Брихничев утверждал, что «многие (...) если не все» произведения — «не самого Клюева, а какого-нибудь оставшегося неизвестным поэта из народа, стихами которого господин Клюев воспользовался, как обыкновенно пользуются чужой вещью, — и выдал за свои». (Памфлет этот опубликован не был и распространялся лишь в списках; один из них сохранился в архиве Брюсова — ГБЛ, ф. 386, карт. 55, ед. хр. 21).

Сомнения в авторстве Клюева были прежде всего вызваны тем, что олоонецкий поэт (как в раннем, так и в зрелом творчестве) часто и весьма искусно прибегал к использованию фольклорных текстов — былин, песен, сказок, баллад, духовных стихов, поминальных и бытовых причитаний и т. д. (Клюев сам был собирателем фольклора и великолепным его знатоком). Ориентация на народное творчество видна уже в сборнике «Сосен перезвон». Эта тенденция заметно углубляется в двух следующих книгах — «Братские песни» (1912) и «Лесные были» (1913). Задуманные как собрание сектантских песнопений, «Братские песни» состояли из религиозных гимнов, молитв и т. п. Все они, как утверждал Клюев в своем вступлении, были сложены еще до стихотворений, составивших книгу «Сосен перезвон», «передавались устно или письменно» и лишь затем были восстановлены им «уже со слов других или по посторонним запискам» (Клюев Н. Братские песни. М., 1912. С. XV).

Как видно, Клюев всячески подчеркивал «народный» характер своих произведений и хотел убедить читателей в том, что его «песни» широко распространяются в среде верующих. Он как бы стремился говорить от имени «народа» и голосом «народа», претендовал на «художественное воплощение нового народного созна-

ния». «Я — посвященный от народа (...)» — гордо заявлял поэт в одном из своих стихотворений (Клюев Н. Песноплов. Книга вторая. Пг., 1919. С. 201).

В свою очередь «Лесные были» также состоят в основном из клюевских стилизаций народных песен и «былей», относящихся к 1908—1912 гг. Характерны сами названия стихотворений — «Девичья», «Свадебная», «Досюльная», «Кабацкая», «Рекрутская», «Святая быль» и т. д. Вот начало одной из удачных клюевских стилизаций — песня под названием «Слободская»:

Как во нашей ли деревне —
 В развеселой слободе,
 Был детина, как малина,
 Тонкоплеч и чернобров;
 Он головушкой покорец,
 Сердцем-полымем ретив,
 Дозволения ожениться
 У родителя просил.
 На кручинное моленье
 Не отвечивал отец, —
 Тем на утреннем пролете
 Сиза голубя сгубил (...)

Почти все исследователи Клюева задаются вопросом: как соотносятся в его поэзии «литературный» и «фольклорный» элементы. Не претендуя на исчерпывающий ответ, отметим лишь, что Клюев двойно использовал народно-поэтическое творчество: с одной стороны, он стилизовал ту или иную из собственных «песен» или «былей», стремясь приблизить их к фольклорной первооснове, с другой, — «олитературивал» подлинные народные тексты. Впрочем, обе эти творческие манеры иногда сливаются у него в пределах одного произведения, так что различить их становится невозможно.

Исследуя клюевские «Песни из Заонежья», ученый-фольклорист В. Г. Базанов пришел к выводу, что в этот цикл вошли «фольклорные тексты в записи Клюева или воспроизведенные им по памяти». Но это не значит, продолжает ученый, что поэт не создает на основе народных песен и свои собственные редакции. «(...) Даже самые фольклорные по стилю „заонежские“ песни могут быть и клюевскими, наполовину сочиненными самим поэтом. (...) Мера фольклоризма отдельных песен различна, непостоянна» (Базанов В. Г. Поэзия Николая Клюева // Николай Клюев. Стихотворения и поэмы. Л., 1977. С. 30).

В этой статье мы попытаемся путем сопоставления двух вариантов одного и того же поминального плача показать «механизм» использования Клюевым народного песнотворчества.

Обрядовый фольклор, и в частности плачи, особенно привлек к себе внимание Клюева. Поэт великолепно знал олоонецкую причету, и не только от своей матери, плачем и вопленицы, — эта традиция повсеместно сохранялась на русском Севере в своих красочных, высокохудожественных формах. «Из среды народа, — писал Е. В. Барсов, собиратель и исследователь северного фольклора, — выступают личности, которые долго еще являются носителями древней, погребальной причеты, известные под именем плакальщиц или воплениц; в данных случаях они пользуются едва ли не священным уважением в народе. (...) Время и история мало по малу стирают содержание плачей, но они долго еще не могут осилить присущей им свежести и силы живых явлений природы и совсем уничтожить их воздействие на человеческую душу» (Причитанья Северного края, собранные Е. В. Барсовым. М., 1872. Ч. 1. С. 11).

Элементы плача можно обнаружить уже в ранних стихах Клюева («Обидин плач», 1908), но они становятся ведущими в его поэзии 1915–1916 гг. — в произведениях, посвященных павшим русским воинам («Поминный причит» и другие стихотворения из сборника «Мирские думы», 1916). Богато использовал Клюев искусство народных воплениц в своем скорбном «Плаче о Сергее Есенине» (1926).

Первый из сохранившихся текстов, записанный рукою Клюева и озаглавленный им «Плач в родительскую субботу» (Родительская суббота — день поминовения усопших, когда на кладбищах собираются люди и оплакивают своих близких родственников. По православному календарю, родительских суббот в году бывает несколько: Мясопустная, Троицкая, субботы второй, третьей и четвертой недель Великого поста и т. д.), представляет собой подлинно народный поминальный плач по умершему. Об этом свидетельствует и помета Клюева внизу листа: «Голошон плачейей Еремеевной на могиле моей матери (в) 1922 году» (ИРЛИ, ф. 172, ед. хр. 349–352, л. 7. Текст записан по старой орфографии. После слов «Голошон плачейей Еремеевной...» зачеркнуто: «А я пуще ее плакал». Здесь же сообщим, что несколько строк из этого плача приведены В. Г. Базановым в его статье «„Плач о Есенине“ Николая Клюева», причем слова *плачейей Еремеевной* прочитаны неверно: *Пелагеей Еремеевой* — Русская литература. 1977. № 3. С. 192–193).

Видимо, посетив могилу матери в поминальный («родительский») день 1922 года, Клюев попросил одну из вытегорских воплениц «голосить» (в такой просьбе не было ничего необычного).

Приводим первый вариант «Плача в родительскую субботу» (знаки препинания и ударения в нем в основном соответствуют автографу, во втором варианте, знакомство с которым предстоит

следом, — расставлены автором данной публикации):

Заросла да путь-дороженька,
 Узка маленька тропиночка,
 Она ельником, березником,
 Частым, меленьким осинником,
 Она крапивами жигучими,
 Да колюхами колючими...—
 Мне-ка сметь да понасмелиться
 Обожечь да ножки резвые,
 Околоть да руки белые,—
 Подойти да ко могилушке —
 Ко кресту животворящему,—
 Ко великому желаньцу...
 Ты пойдешь, родитель-матушка,
 Во любимое гостибьще,
 Что не ради объеданьца,
 И не ради опиваньца,—
 Ради кровного свиданьца
 На совет, на думу крепкую,
 На потайные на басенки!
 Тайных басенок побаяти,
 Крепкой думушки подумати!
 Ты пойдеш(ь), родитель-матушка,
 Что ль на тихую на тишинку
 Во полёвое безлюдьце
 На горячий, синий камешек!
 Станешь ты меня выспрашивать,
 Буду я тебе высказывать:
 Как у меня, родитель-матушка,
 На ретивоём сердечушке
 Есть заносы снега белого,
 Погреба — да льда студёного...
 Посулись-ка ты, пояснись-ка
 Во любимое гостибьще!...
 Пригоню за милой гостенкой
 Я улётов -- коней добрых,
 Буде это тебе нелюбо,
 Понесу тебя на рученьках,
 Как река несёт плавун-траву,
 Не колбнётся — не стблкнется,
 Со желтым песком не смутится!

Вероятно, тогда же, в 1922 году, была создана и другая редакция плача, сохранившаяся в черновой записи (ИРЛИ, Р. 1, оп. 12, ед. хр. 496, л. 9—9 об). Этот вариант находится в тетради с черновиками клюевских стихотворений 1921—1922 гг. Определить, в какой последовательности велись записи в этой тетради, — практически невозможно. Несмотря на то, что второй вариант плача расположен в начале тетради, мы относим его к концу 1922 года, полагая, что он является развитием и продолжением «Плача в

родительскую субботу».

Заросла да путь-дороженька,
 Узка маленька тропиночка,
 Она ельником-березничком,
 Частым меленьким осинничком,
 Она крапивами да жгучими
 Да колюхами колючими.
 Мне-ка сметь да понасмели(ться)
 Обожечь да ножки резвые
 О крапивницы жегучие,
 Околоть да ручки резвые
 О колюшеньки колючие.
 Подойти да мне-ка бедному
 Ко родители ко матушке
 Ко великому желаньцу.
 Ты пойдеш(ь), родитель-матушка,
 Ко мне в любимое гостибьце,
 Чтоб не ради объеданьца
 Да не ради оставаньца,
 Ради кровного свиданьца —
 На совет, на думу крепкую
 Что ль на тайные на басенки —
 Тайных басенок побаяти —
 Крепкой думушки подумати.
 Как твоя дочерь любимая,
 А моя сестра родимая,
 Меня бедного обидела
 Во великую обидушку.
 Как великую обидушку
 Во осеню ночь не выска(за)ть
 Да во вешний день не вымыслить.
 Ты пойдеш(ь), родитель-матушка,
 Ты на тихую на тишинку
 Да на маленько безлюдьце,
 Ты во чистое во полюшко
 Что ль на синь-горючий камешек.
 Станешь ты меня выспрашивать,
 Стану я тебе высказывать,
 Как у меня, родит(ель)-матушка,
 На ретивом сердечушке
 Е(сть) заносы снегу белого
 Погреба да льду холодного.
 Как суметы снегу белого
 Что ль о(т) ветерка повывеют,
 Погреба да льду холодного
 Что ль о(т) солнышка повытают,
 Как злодей тоска-кручинушка
 Ена с сердечушка не сопадет,
 От ретива не отвалится.

Посулись-ка да пояснись-ка
 Во любимое гостибьце,

Как не несут да ножки резвые,
 Пригоню, родитель-матушка,
 Тебе улётов — коней добрых.
 Буде это тебе нелюбо,
 Я снесу да на белых руках.
 В то любимое гостибьице
 Ты зови, родитель-матушка,
 Мосго кормильца-батюшк(у)
 За одно да за единое.

Основной мотив плача и в этой редакции остается прежним — приглашение покойного в гости. Это, как подчеркивал фольклорист Г. С. Виноградов, «один из распространеннейших и разработанных мотивов „северной“ причеты» (Виноградов Г. С. Карельская причета в новых записях // Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940. С. 13). Однако Клюев вводит в повествование и новый, «собственный», сюжет — «обиду», нанесенную ему родной сестрой. Мотив «обиды», также традиционный в северных поминальных причитаниях, имеет в данном случае реальную основу — ссору между Клюевым и его сестрой Клавдией, вспыхнувшую в Вытегре, видимо, еще осенью 1919 года. В письме к Сергею Есенину Клюев писал (в конце января 1922 года): «Сестра и зять вдобавок обокрали меня; я уезжал в Белозерский уезд, они вырезали замок в келье, взломали дубовый кованый сундук и выкрали все, что было мною приобретено за 15-ть лет» (Вопросы литературы. 1988. № 2. С. 278).

Клюев не раз слышал монологи плачущих женщин на могиле близкого человека и, обращаясь к собственной матери, пытался передать их со всей достоверностью. И зачины обеих плачей, и почти все их составные элементы имеют явное сходство с записанными на Севере народными причитаниями. Приведем лишь несколько примеров из книги «Русские плачи Карелии»: «Зарослася путь-дороженька/На буювку на спасовску,/На могилушку родительску,/Она ельничком, березничком,/Мелким частым олешиничком(...)

Или: «У меня столько накопилось/Как злодейной-то обидушки,/Что мне на вешний день не высказать/На осённу ночь не выплакать(...)

Или: «На моем сердце ретивоем/Гам заносы снежка белого/Погребочки ледку ярого».

Часто повторяются в карельских поминальных плачах и такие выражения: *мне-ка сметь ли поосмелиться, как не несут да ножки резвые, родитель-матушка, кормилец-батюшка, улёты-кони добрые, любимое гостибьице* и др. Сохранены у Клюева и некоторые характерные для Севера грамматические формы (*добрых, на ретивоем сердечушке*), лексемы (*побаяти*) и т. п.

Таким образом, Клюев воссоздает (во втором плаче) характерную структуру народной причеты. Более того: мастерски владея и материалом, и техникой этого жанра, он вводит в текст фрагменты, практически неотличимые от устной традиции. То, что Клюев привнесит «от себя», не противоречит поэтике народного плача, который даже в исполнении одной и той же вопленицы мог каждый раз звучать по-иному. И все же предназначенный для записи «вопл» Клюева неизбежно утрачивал в каких-то оттенках черты «первозданности» — и в этом, собственно, проявлялось индивидуальное начало автора, стремившегося говорить «по-народному», но причастного к довольно рафинированной «книжной» культуре.

Должно быть, исподволь Клюев тяготел к тому, чтобы «улучшать» композицию и язык народного произведения, и выборочно, «с оглядкой» черпал из известных ему источников поэтические приемы; другими словами, он использовал лишь то, что было нужно ему, — рассказчику с несомненным «литературным» вкусом. Поэтому ряд признаков северной причеты, заметных в исполнении женщин-воплениц, у Клюева отсутствует: замедленный и несколько однообразный темп причитания, слишком явные «неправильности», обилие местных выражений и форм и т. д. (это относится и к записанному Клюевым «воплю» Еремеевны).

Клюев всегда мечтал сложить плач по горячо любимой им матери. Его первым поэтическим откликом на ее смерть были замечательные «Избяные песни» (1914–1916). Современники и односельчане поэта запомнили также несколько строк, которые Клюев, якобы, вырезал на ее могильном кресте: они были выдержаны в духе традиционного причитания (Грунтов А. К. Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература. 1973. № 1. С. 122). Тема «плача» получает дальнейшее развитие в творчестве Клюева 20–30-х гг. Подобно тому, как образ матери постепенно разрастается в его сознании до «Великой Матери» — России, точно так же традиционный обрядовый «вопл» с годами приобретает у Клюева эпический размах, становится великим всеобъемлющим плачем по уходящей «погорелой» Руси. Об этом «голосит» его поэма «Погорельщина» (1928) и другие столь же значительные произведения.

Ленинград

СЛОВО В ДРАМАТУРГИИ

*Стилистические
особенности
«Перламутровой
Зинаиды»
М. Рощина*

М. Ш. Кипнис

озникшая еще во времена античности трагикомедия представляет собой синтез, смешение элементов комического и трагического.

На 70–80 годы — и это, конечно, не случайно — пришелся расцвет этого жанра на советской сцене. Наше внимание привлекла трагикомедия известного драматурга Михаила Рощина «Перламутровая Зинаида». Пьеса писалась долго, в течение более семи лет и, наконец, в 1987 году была опубликована в альманахе «Современная драматургия». Осенью того же года состоялась премьера спектакля по этой пьесе, поставленной во МХАТе Олегом Ефремовым.

Эта остро сюжетная и виртуозная по форме пьеса на поверхностный взгляд посвящена тем и рассказывает о тех, кого принято относить к поколению «шестидесятников». Внимательнее приглядевшись к рощинским персонажам, читатель и зритель узнает себя сегодняшнего. Автор и говорит с нами о нашей жизни, которая подчас становится бесконечной чередой упущенных возможностей, приоритета фальшивых ценностей, благих намерений, которыми, как известно, вымощена дорога в ад...

Трагикомедия исследует «частную жизнь» героев, обыденность и при этом с большим критическим зарядом изображения реальности. Неудивительно поэтому, что в «Перламутровой Зинаиде»

чрезвычайно активно используется разговорная речь, щедро разбавленная лексикой ненормативной: просторечием, жаргоном, диалектными словообразованиями.

Видимо, закономерно, что такие пьесы, как «Перламутровая Зинаида», вскрывающие различные «несоответствия» в нашей сегодняшней жизни, и на лингвистическом уровне ориентируются на слово, искореженное, нарушающее общепринятую норму.

Пьеса Рощина дает богатейший материал для лингвистических наблюдений. С точки зрения языковой герои «Перламутровой Зинаиды» распадаются на две группы: Актриса, Аладьин, журналист Табак и несколько эпизодических персонажей — это преимущественно носители современного русского литературного языка. В речи главного героя — писателя Аладьина, в монологах Актрисы представлена не только нормативная, но и стилистически окрашенная поэтическая лексика. Речь Аладьина и Актрисы насыщена тропами: *закованная река, облитые луной, магия написанного, женщина-тайна, срывать аплодисменты, примеряю образы, алтарь вспыхнет, вопль жертвы, потрясает сердца.*

Речь Табака изобилует простонародными выражениями, в его языке велик удельный вес штампов и канцеляризмов. Этот рощинский герой представляет собой как бы связующее звено между Аладьиным, Актрисой и персонажами второй группы: вокзальным посыльщиком Колей-Володей, его женой Анфисой, дочерью Ирочкой, бабкой Марусей, Мотькой-Полковником. Все они — жители подмосковной деревни Сенькино — привносят в трагикомедию множество просторечий, диалектных форм и жаргонных образований: *скальвать, жрать, черепон, балабонишь, от их, просю, ловют, встрепнулись, туризм, девчаты* и т. д.

Однако подобная речевая закреплённость не абсолютна, в процессе развития образа, сюжетно-композиционного движения меняется и лексика героев. Так, Аладьин — писатель романтического склада, мало знакомый с реальностью, ушедший в мечты на свою Гору, на которой «розово цвели абрикосы», — по ходу пьесы, вовлекаясь событиями в круговорот жизни, все чаще прибегают к просторечным разговорным формам. По мере того, как Аладьин превращается в поденщика от литературы, его речь утрачивает лексическую чистоту. В противовес Аладьину деревенский житель Коля-Володя, познакомившийся на вокзале с американкой Патрицией Томсон, все чаще сдабривает свое просторечие иноязычной лексикой: *о'кей, андестенд, айс-хоул, леди и джентельмены.* Слова иностранного происхождения причудливо сочетаются у него не только с грубопросторечными выражениями и диалектизмами, но и с фольклором.

Искрящиеся, эмоционально окрашенные «разговоры» Коли-Володи содержат во множестве суффиксальные и приставочные образования, близкие фольклорной традиции: *переулочек, врибочек, таковский, понаехали, голубка, с запасцем*. Яркую разговорную краску придают его репликам частицы: *работа-то, сказал-то, потаскай-ка, попробуй-ка*. Для группы «деревенских персонажей» характерно словотворчество: *храпоидол, кругосветное путешествие, кругосветское путешествие, безнадега*. Это происходит под влиянием народной этимологии или в результате употребления иноязычной лексики, смысл и семантика которой не до конца усвоены говорящим. Например: *миниюрные пальчики*. Остается неясным, что же, собственно, хотел сказать герой: *миниатюрные* или *маникюрные?*..

Присущее героям пьесы стремление к речевому созиданию приводит к созданию таких «перлов», как: *радива, сейнф, энгот*, а также слов, образованных в результате уподобления одних звуков другим (*кипиталист, скус, хранцуз, гумага*), и их перестановок (*карахтер*).

Нередко возникновение просторечных форм у их посетителей связано с нарушением грамматического строя языка: рода (*такую вредительству, животная, Восьмая марта*), падежа (*варезков, такого гостеприимства окажу, мадаме*). Подобные речевые отступления от нормы рождают комические эффекты, особенно выразительные в устах Коли-Володи, Анфисы и бабки Маруси. Вот как они лихо жонглируют заморскими словами: «Из тебя мы живо персону нонграту в двадцать четыре часа – и абзац!», «Не пасаран!», «Стриптизм устроили».

Комичны реплики «летающей старухи» – бабки Маруси, которая потерялась в зарубежном путешествии и теперь курсирует из страны в страну: «Я ведь потерялась... Товарищ полицменш, говорю, так и так. Он руку сюды, мол, оф коуз, ай, си, не в лесу, мол, бабушка, не бойси. По радиву по своему... хоул, боул, бабка Маруся от своих отстала...» Здесь Рощин, мастерски используя чужеродную его героине лексику, вводит прием речевой игры, которую в зависимости от авторских целей подхватывают и другие персонажи. Любопытен интонационный рисунок реплики в сцене, когда муж Актрисы – Миша – пародирует сентиментальную умиленность супруги:

«А к т р и с а. Что с тобой сегодня?»

М и ш а. А с тобой? Тю-тю-тю, му-тю-тю.»

Следом за маской ребенка Миша, желая эпатировать интеллигентку-жену, примеряет маску носителя просторечия: «Нам тут из травмопункта одного привезли – в башке пробочник. Кто ж это

так тебя, мил-человек? Жена, *зрит*, я ее в художественную само-деятельность в клуб „Факел“ не пускал. Артистка!..»

В свою очередь Актриса, пригласившая Аладьина в таинственное пустое здание театра, изобретает свою «речевую маску»: «Театр — это тайна, это в самом деле храм, видите? На взгляд пошлого практического человека — зачем он? (*Передразнивает.*) «Это на кой такую помещению отгрохали? Какие-такие киятры? Людям, понимаешь, жить негде!»

Для создания в пьесе необходимого комедийного звучания Рошин активно использует паронимы. Подбирая близкие по звучанию, но разные по структуре и значению слова, он за счет игры смыслами углубляет семантическое богатство произведения. Так, Воля говорит Аладьину, вернувшемуся домой под утро: «Духами пахнешь. Хорошо живете. (*Напевает.*) «А девушка наша проходит в „панели“...» Другой пример — из перепалки между Патрицией Томсон и женой Коли-Володи:

... «П а т. Вы не представились, миссис...

... К о л и н а ж е н а. И не надейся, не преставлюсь!»

Речевая многозначность достигается автором и с помощью каламбуров. Вот лишь некоторые образцы из репертуара Табака: «Я трамвай могу поднять, а все время приходится поднимать... рюмку»; «Вы же молодожены, а мы тоже идем венчаться! На царство!..» Каламбуры он производит охотно, но небескорыстно: за каждую остроту американец Стерлинг выплачивает ему двадцать копеек. Не желая оставаться в долгу, Табак обыгрывает и фамилию своего заокеанского ценителя: «Нам бы в редакцию *фунт* таких Стерлингов, мы бы и горя не знали!» И далее: «Ну и *фунт* вы, Стерлинг!..»

В первом случае — звуковое совпадение слов *фунт* (русская мера веса) и *фунт стерлингов* (денежная единица). А во втором — и контекстом, и интонационно подразумевается не *фунт*, а *фрукт* — в переносном, иронически-неодобрительном значении (ср.: *Вот так фунт!* — выражение удивления или разочарования).

Языковая манера Табака — это противостественная связь остротной словесной игры и откровенной пошлости, обилия просторечий, вульгаризмов и газетных штампов, которые указывают на его принадлежность к журналистской братии не самого лучшего толка. Газетными штампами насыщена почти каждая его реплика: «Еще выше уровень качества счастья, товарищи!..» — так, ничтоже сумняшеся, может сказать он. Чужеродность подобных вкраплений, не увязанных ни семантически, ни стилистически с остальным текстом, понятна и самому герою: «Сейчас наша неотложная задача — наладить производство автодеталей из пластмасс!»

Тьфу, черт, отрывка, сказываются двадцать лет в газете!» Нелепость газетных клише, избитых, утративших смысл выражений, наводнивших любое высказывание Табака, усиливает осознание нелепости его начинаний, в которых деловитость сочетается с наглостью проходимца, показной патриотизм с красноречием, а излияния в любви и вечной преданности с предательством всех и вся. По сути, речь этого рощинского персонажа сплошь клиширована, она не создается им, она ему не принадлежит, а берется в готовом виде, без затрат собственной мыслительной деятельности.

Неподдельную живость и сочность речи рощинских персонажей, служа целям их всесторонней характеристики, придает широкое привлечение различных средств метафоризации, с помощью которых обычные слова и выражения приобретают дополнительные экспрессивно-эмоциональные оттенки. Так, Аладьин в минуту душевного откровения говорит о своем поэтическом чувстве: «У меня вот тут внутри (*кладет руку на грудь*) стоит стакан чистой воды (...)» А вот как характеризует вокзальный носильщик Коля-Володя коллегу по ремеслу Мотьку-Полковника, безотцовщину: «(...) он у нас самоделка». Сугубо простонародная речь Коли-Володи подчас достигает натуральной образности: «(...) в четыре тридцать Казань приходит» (имеется в виду казанский поезд).

Искусное обыгрывание собственных имен и наименований занимает в пьесе особое место. Аладьин, задумавший написать роман «Перламутровая Зинаида», надеется высказать в нем что-то очень важное, выступить с новым словом в литературе. Для окружающих его «эпохальное произведение» — лишь факт биографии незадачливого литератора, столь мало значащая писанина, что Табак постоянно путает имя главной героини: то Зинаида, то Степанида, то Зинаида Ракушкина, то «перламутровая», то «яла-токудрая». Впрочем, все, чем занимается сам Табак, так же мало значимо и не обещает ничего дельного. (Попутно рискнем предположить, свою фамилию этот рощинский герой получил неслучайно: это авторский намек на поговорку «Дело — табак». Действительно, все, за что берется этот «деятель», если и не разрушается, то и не доводится до конца). Созданный им журнал, которому «предстоит покорить мир», сам главный редактор называет то «Орбитой», то «Озоном», а то и вовсе прозаически — «Окружностью». «Шедевр» публикации этого издания — роман «Чугунная сталь». Отнюдь не в шутку Табак путает свой журнал со стиральным порошком «Орбита»...

Подобная карнавальность характеризует не только роман

Аладьина и название журнала. Табак, например, не различает своих сотрудников Кирилла и Мефодия, постоянно называя одного именем другого. Драматург вводит вереницу героев с комически нелепыми, но «говорящими» именами и фамилиями, вызывающими разнообразные аналогии: Рена Скоршия, Зосима Курский, Паганель Стулов, Серпов-Паяльцев, Марат Наследдинов, Валюта Скуратов и др. И превращения, бесконечные комедийные превращения... Деревенской девушкой Лизкой оказывается компаньонка Патриции Томсон — Лиззи. А вокзальный носильщик Коля-Володя?.. Его имя говорит о том, что человека этого можно называть как угодно, стержня личности в нем нет. У Рощина не личности, а личины, маски, которые срослись с лицами. Трагическое прорастает из комического. Даже в сцене на кладбище один из пришедших проститься принял похороны Аладьина за похороны какого-то Склянкина из Книжной палаты.

А ведь издавна имя собственное в искусстве было одной из постоянных величин, своеобразной визитной карточкой, определителем личности. В «Перламутровой Зинаиде» карнавал имен — яркое свидетельство отсутствия собственного «я», зыбкости, неустойчивости всего, чем живут персонажи, эфемерности их идей, бесплодности, суетности их поступков. Трагикомическая неустойчивость, ненадежность сегодняшнего мира находит свое отражение в разрушении собственных имен, в их нелепой путанице. И закономерным завершением пьесы становится оживление «умершего» Аладьина. Восстав из гроба, писатель не смог сказать собравшимся на кладбище ничего лучшего, чем созданный им стишок: «Наступило утро всё из перламутра». В этой банальности вся жизнь Аладьина, а венчающий ее «шедевр» — «Перламутровая Зинаида».

Многомерное слово Михаила Рощина помогает осознать богатство, разнообразие языковых форм трагикомического жанра. Как и всякий другой жанр, трагикомедия использует неисчерпаемый набор лингво-стилистических средств. В этих беглых заметках мы попытались обозначить лишь некоторые из них, но уже они демонстрируют, как из умелого обращения с лексикой и стилистическими возможностями языка возникают полнокровные образы неподдельно живых персонажей, а в целом — наших современников.

В частном письме автору этих заметок Михаил Рощин писал: «Я знаю, что на „Старом новом годе“ много смеются, а потом задумываются. На драме „Спешите делать добро“ много смеются, но понимают, что, в общем-то, здесь не до смеха. На „Геракле“ хохочут, а поджилки трясутся. На „Перламутровой Зинаиде“ хохочут до упаду, а в конце плачут и молчат. Наша жизнь такова... Хоть смейся, хоть плачь!»

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ БЕСЕДЫ

Труды выдающихся русских филологов, ученых и мыслителей — это факт не только науки, но и художественно-словесной культуры. Связь между содержанием и формой филологического высказывания более сложна и тонка чем в других науках. Для филолога слово — и предмет исследования, и необходимое средство познания. Широкий читатель не может быть приобщен к филологической науке без необходимого мыслительного усилия, лишь таким образом перед ним открываются азы научной терминологии и научного стиля. Для того чтобы понять концепцию языка А. А. Шахматова, А. М. Пешковского, П. М. Бицилли, В. В. Виноградова и др., необходимо вникнуть в движение их мысли, погрузиться в атмосферу их индивидуального языка.

О характере научной медитации и стиля В. В. Виноградова

А. П. Чудаков,
доктор филологических наук

В основе воззрений академика В. В. Виноградова лежала философия языка и речевой деятельности как самостоятельной, огромной и пребывающей в постоянном движении сферы духа. Он не писал специальных работ на такие темы. Именно в этом, быть может, проявилось влияние некоторых современных ему направлений эстетической мысли с их неприязнью к философии («гайсту»), которую он в целом не разделял. Но в любой работе, посвященной вполне конкретной проблеме лексики, синтаксиса или стиля писателя, общая виноградовская философия языка присутствует в качестве второго плана.

Язык он внутренне ощущал не как сложный, однако обозримый конгломерат, инвентарь, даже систему, но как некую стихию, родственную потоку, океану. (Вспоминается М. В. Ломоносов, ко-

торый уподоблял язык «безмерно широкому полю или, лучше сказать, едва пределы сменяющему морю» — Ломоносов М. В. Материалы и исследования. М., 1961. Т. 5. С. 67). Излюбленные виноградовские образы при описании языка эпохи или стиля писателя — речевые массы, которые движутся, сталкиваются, переплавляются, уходят вглубь или выносятся вверх.

Виноградов неустанно-мучительно стремился передать свое ощущение языка, его сути как живого вещества, одушевленной материи, мыслящего океана. Однако иногда ему кажется, что образность подвижных текучих масс не передает всей языковой динамики. И тогда он обращается к семантической сфере, иной, но столь же чреватой огромными внутренними силами, — привлекает образы тектонических сдвигов, разломов, столкновений, смещения поверхностей и глубинных пластов, взрывов и лавинообразных движений. (Подобную метафорику геологических катаклизмов в размышлениях над развитием языка использовал В. Гумбольдт: «Как земной шар, который прошел через грандиозные катаклизмы до того, пока моря, горы и реки обрели свой настоящий рельеф, с тех пор остался почти без изменений, так и языки (...)» — Гумбольдт В. Избр. труды по языкознанию. М., 1984. С. 307).

Эти грандиозные образы у Виноградова чаще всего относятся к стихии литературного и общенародного языка. Применительно к языку художественной литературы образность, при том же текуче-динамическом наполнении — более мирная, камерная, соизмеримая с масштабом одного человеческого сознания. Только один раз Виноградов применил образ волнистой, бурлящей стихии, обычно используемый им при характеристике общего языка, для языка индивидуального. Речь шла о стиле Л. Толстого (Виноградов В. В. О языке Толстого // Лит. наследство. 1939. Т. 35–36. С. 171).

Внушение ощущения океаноподобного движения речевой стихии, катаклических процессов, происходящих в одной из сложнейших сфер человеческого духа — быть может, одна из главных, еще не вполне оцененных сторон деятельности Виноградова-мыслителя и философа языка. Желание приобщиться к этому ощущению повелительно влечет вчитываться в его зыблющиеся смыслонагруженные медитации, трудно усваиваемые от громоздящихся массивов материала.

Но эзотерическим языком этих философско-лингвистических медитаций научный стиль Виноградова не исчерпывается. Описав огромное количество самых разнообразных русских художественных текстов, преимущественно нового времени, с морфологической, лексико-фразеологической, синтаксической и стилистической сторон, он эмпирически едва ли не исчерпал главные возможности

построения этих текстов — типов автора и рассказчика, вариантов точек зрения, видов повествовательно-композиционных объединений и характера экспрессивно-смысловой игры.

Наиболее резкой чертой мышления и метода Виноградова был его познавательный максимализм, граничащий с научным романтизмом. Особенно ярко он проявился в его отношении к двум главным составляющим исследование всякого эволюционного процесса — полноте фактов и историзму.

Теоретик и философ языка, Виноградов все же, кажется, более всего ценил факт.

Его устремления были направлены не к полноте, но к исчерпанности фактов. Положение не доказывается и не иллюстрируется наиболее яркими фактами в виде примеров, но сопровождается их перечислением, приближающимся к завершенности. Так была построена уже его дебютная работа по поэтике — статья о гоголевском «Носе», едва ли не закрывшая перечень «носологической» литературы (См. наш комментарий к этой статье в кн.: Виноградов В. В. Поэтика русской литературы. Избр. труды. М., 1976. С. 470, 483—484). Во втором своем печатном труде по поэтике — опыте лингвистического анализа «Двойника» Достоевского — Виноградов сопровождает характеристику стилистических приемов писателя почти исчерпывающими списками (более 50 номеров в каждом) словесных образований, в которых воплощены эти приемы (там же, с. 107—116). Эта устремленность хорошо видна при сравнении текстов ранних произведений с их вариантами в книге «Эволюция русского натурализма» (1929). В статью, где, казалось бы, доказательных фактов достаточно и едва ли не избыток, вводятся факты новые и новые. В истории литературного языка бюфоновский всеохватный романтический максимализм Виноградова проявляется в том, что при чтении его работ нельзя определить, чем он руководствуется при отборе произведений для исследования. Создается впечатление, что любой из его принципов отбора казался ему суживающим разнообразие текстов и немедленно нарушался им же самим — привлечением памятника из совершенно неожиданного круга. Это, несомненно, приближало научное описание к реально существующему и не поддающемуся четкой классификации корпусу текстов на русском языке.

Максимализмом был окрашен и виноградовский историзм. Здесь это связывается с проблемой изучения современной критики и вообще мнений современников в широком смысле — их высказываний, литературных, стилистических, семантических толкований и оценок. Едва ли не все главные виноградовские историко-литературные и многие лингвистические дефиниции восходят к пред-

ставлениям самих участников изучаемого исторического процесса («сентиментальный натурализм», «романтически-ужасный жанр» и др.). «Легко перенести в далекую эпоху,— писал Виноградов во вводных разделах книги „Язык Пушкина“,— те категории и понятия, которые определяют систему современного литературного языка или строй современной литературы. Легко, но методологически неправильно. Гораздо труднее установить живые, действенные категории (...), присущие самой воспроизводимой эпохе, имманентные ей» (Виноградов В. В. Язык Пушкина. М.— Л., 1935. С. 13—14).

Виноградовский историографический максимализм здесь проявился в том, что различные мнения и точки зрения он не перелагает, не пересказывает их своим языком. Он дает современникам свободную трибуну, предоставляет забытым голосам звучать в их естественном окружении, живой полноте и собственном тембре, не искаженным переписыванием на пленку иного века, движущуюся с другой скоростью. Он был убежден в уникальности однажды выраженного и непередаваемости его на языке другой эпохи. В результате свод этих мнений часто предстает как монтаж высказываний, авторское отношение к которым не уточняется или выражается самым общим образом.

Эта манера сочеталась с языковедческой привычкой давать серии, связки, цепи примеров из привлекаемых текстов с минимальными указаниями типа «ср.», «см.» или вообще без таковых. Обычное для лингвистики и некоторых естественных наук, это «карточное» изложение становится некой новой особенностью литературоведческого текста. (Отчасти это напоминает манеру Л. Шпитцера, которого Виноградов внимательно читал, начиная с 20-х годов). Примеры должны говорить сами за себя. Автор верит в могущество текста, в скрытую его силу и одновременно апеллирует к мыслительной активности читателя, его способности сопоставлять и анализировать.

Стоит вдуматься в лексико-синтаксический строй пушкинского стихотворения, пишет Виноградов, «чтобы сразу же выстроилась длинная галерея разнообразных литературных прототипов из русской литературы XVIII и начала XIX века, чтобы припомнилась вереница стихотворений (...)» (Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 493—494). И эта вереница в книге воспроизводится: иногда дается по 13—15 примеров без дальнейших уточнений особенностей и оттенков каждого (там же, с. 28, 132—142 и др.).

В этой книге столь же резко воплотилась и другая черта его научного изложения. Виноградовская мысль, явившись в тексте, распространяется в нем все шире, захватывая новый материал и

повторяя в ином, часто сглаженном виде энергию первого всплеска. Мысль варьируется в разных главах книги; Виноградов стремится охарактеризовать объект со всех сторон, в том числе и с тех, которые выходят за рамки темы.

Обе эти черты могут создать ощущение обилия в его книгах сырого материала, иногда справедливое. (В числе причин, обусловивших загроможденность книг материалом и его композиционную неупорядоченность, немалую роль сыграли и внеаучные. С 1932 по 1944 гг., в годы написания главных своих трудов, Виноградов находился — с небольшими перерывами — в очень тяжелых условиях, живя в ссылках в Вятке (Кирове), Можайске, Тобольске. Пользуясь книгами частных лиц и из случайных библиотек, он не был уверен, будет ли иметь возможность держать их в руках еще раз. Отсюда стремление, потом ставшее привычкой, закрепить весь нужный материал печатно.) Но в большинстве случаев читатель, имеющий силы осмыслить представленный материал без ежеминутного руководства автора, убеждается, что цепи, серии примеров имеют внутреннюю логику, что цитаты дополняют, окрашивают друг друга, согласовываются, контрастируют, словно кадры в киноленте. И как при восприятии киномонтажа нужно овладеть этой логикой, этим языком, что непросто, ибо сначала следует познакомиться с трудами ученого в их полном объеме. Но упорный читатель оказывается вознагражден ощущением такой погруженности в эпоху, столь полного приобщения к ее краскам и голосам, какое редко дает составленный в наше время текст.

Есть авторы, которые о литературе и о ее языке пишут очень просто. Но часто оказывается, что в результате исчезает сложность самого объекта, представленного в этих четких и ясных положениях. В метафизической сфере далеко не всякая мысль может быть выражена просто и недлинно; втискивание ее в прокрустово ложе простоты-краткости чревато потерями. И те, кто не желает поступаться многообразием смысловых оттенков и обертонов, очень неохотно идут на всякую популяризацию. К ним принадлежал Виноградов. Во всяком популярном изложении он видел насильственное упрощение.

Литературный язык каждой эпохи закреплен в огромном количестве текстов. Исчерпывающее знакомство с ними — идеал недостижимый. Виноградов ощущал это как реальную цель. Журналы, альманахи, риторики, грамматики, словари, лечебники, военные уставы, сборники судебных речей и духовных сочинений, книги критических статей — короче, вся русская книжность XVIII—XIX вв. была в сфере его внимания, и сфера эта все расширялась. Думается, не будет преувеличения в утверждении, что в рус-

ских текстах нового времени Виноградов был начитаннее, чем кто другой.

Результатом этой начитанности было обилие в его сочинениях лингвистических характеристик, квалификаций, восходящих не к словарям и грамматикам, но непосредственно к многообразным контекстам, социально-речевому и стилистическому обычаю времени, нигде, кроме самих текстов не зафиксированному во всей полноте. Благодаря многосторонности своих интересов, тем и подходов, всякую фразу, слово он видел не с какой-либо одной точки зрения, но с многих разом. Каждая отдельная квалификация находила особое место в специальных работах по поэтике, исторической лексикологии, синтаксису, морфологии (любопытна взаимодополняющая переключка одних и тех же примеров в них), — но в целом для Виноградова было не столь существенно, с какого конца начать. Главное, чтоб слово до конца было осмыслено, понятно, исчерпано. Эта стереоскопичность видения слова вместе со знанием большого количества реальных контекстов его бытования обуславливала и еще более важный, хотя и не так явно обнаруживающий себя результат. Она давала ученому не только знание об изолированных единицах языка, но внутреннее понимание еще не описанных законов организации целостных контекстов русской речи — законов, связанных, с одной стороны, с нижними ярусами системы языка, и, с другой, с верхними, восходящими к особенностям национального сознания. Это понимание-ощущение не всегда явно, но постоянно чувствуется как некая непрременная подоснова в работах Виноградова на любую тему — от морфологии до истории литературы. Особенно ярко она выявлялась в не скованных письменным жанром его устных анализах — лекциях, консультациях, беседах, — зафиксированных лишь в небольшой своей части.

Ситуация, когда некая теория ее автором не изложена в систематическом виде или изложена трудно, для истории науки не столь уже редка (можно привести примеры А. А. Потебни, Ф. де Соссюра, Г. Г. Шпета). И судьба, влияние научных идей часто зависит от того, были ли они в конечном счете кем-либо изложены последовательно и в соответствии с современными научными требованиями.

Систематическое изложение философско-лингвистических воззрений В. В. Виноградова — дело будущего.

ВЛАДИМИР ВЫСОЦКИЙ

В 42-летнюю жизнь Владимира Семеновича Высоцкого (25.1.1938—25.7.1980) вместились очень многое: предвоенная и военная Москва, эвакуация в Оренбургскую область, послевоенная Германия, учеба в строительном институте и Школе-студии МХАТа, работа в различных театрах, роли в 30 кинофильмах и 8 радиоспектаклях, пластинки за рубежом — и миллионы километров магнитной ленты дома, неприятие чиновниками от идеологии и культуры — и небывалая любовь соотечественников к «шансонье всей Руси»...

География его выступлений — от Архангельска до Навои, от Вильнюса до Владивостока. Его песни слушали в Венгрии и Болгарии, во Франции и в ФРГ, в Канаде и в США.

Первая песня Высоцкого («Татуировка») написана в 1961 году. В дальнейшем им создано более 600 стихотворений, свыше 400 из которых дошли до нас как песни. Около трети его песенно-поэтических произведений — для театра и кино. Сохранились его работы в прозе, драматургии. Несмотря на неоднократные попытки Высоцкого, при его жизни на родине было опубликовано лишь несколько его песен из кинофильмов, два стихотворения в журнале «Химия и жизнь» (1978. № 8) и одно в альманахе «День поэзии» (М., 1975), вышло несколько авторских миньонов на фирме «Мелодия». Сейчас книги и пластинки поэта издаются огромными тиражами у нас и за рубежом.

Пособие для начинающих и законченных халтурщиков

СОРОК ДЕВЯТЬ

*Поэма-песня в сорока девяти днях
(сокращенное издание)*

Все началось случайно. Люди оказались одни
на один с бушующим океаном...

I.

Волна на волну находила,
И вал за валом набегал.
Зиганшин стоял у кормила
И глаз ни на миг не смыкал.

II.

Стихия реветь продолжала
И Тихий шумел океан.
Асхана сменил у штурвала
Спокойный Федотов Иван.

III.

Суров же ты, климат охотский,—
Уже третий день ураган.
Встает у руля сам Крючковский,
На отдых уходит Иван.

IV.

Но вот ослабели пассаты
И стала спокойней волна,
Вздохнули глубоко солдаты,
А с ними вздохнул старшина.

V.

Горячее кончилось раньше,
 Так мало — что есть и что пить,—
 И юный, но мудрый Зиганшин
 Запасы решил разделить.
 Дальше следуют много дней умеренного, затем
 скудного и наконец совсем скудного питания.
 Но люди бодры, добры и друг на друга не обижаются...

XVIII.

Доедена банка консервов,
 И суп из картошки одной.
 Все меньше здоровья и нервов,
 Все больше желанье домой.

XIX.

Страшнее, ужасней лишения,
 Не видно ни лодки, ни зги.
 Но принято было решение —
 И начали есть сапоги.

XX.

Последнюю съели картошку,
 Взглянули друг другу в глаза...
 Когда ел Поплавский гармошку,
 Крутая скатилась слеза.
 ...Голод становится невыносимым. Культмассовая
 работа не ведется по причине отсутствия муз. ин-
 струментов. Люди ослабли, но смотрят прямо и
 друг друга не едят.

XXXVII.

Сердца продолжали работу,
 Но реже становится стук.
 Спокойный и слабый Федотов
 Глодал предпоследний каблук.

XXXVIII.

Вот снова муссон разыгрался,
 Вот снова ревет океан.
 К штурвалу едва подобрался
 Все тот же Зиганшин Асхан.

XXXIX.

На суше он воин заправский
 И штурман заправский он тут.
 Крючковский, Федотов, Поплавский
 Под палубой песни поют.

XL.

Лежали все четверо в лежку,
 Ни лодки, ни крошки вокруг.

Зиганшин скрутил козью ножку
 Слабевшими пальцами рук.
 Есть нечего, пить нечего, курить нечего, но
 люди снова бодры. У них второе дыхание, по-
 том третье, потом четвертое... Мысли о еде
 приходят все чаще, мысли не о еде — все реже.
 Но все время — мысль о доме, о родном под-
 разделении, о хлебе.

XLVI.

Зиганшин крепился, держался,
 Бодрил, сам был бледный, как тень,
 И то, что сказать собирался,
 Сказал лишь на следующий день.

XLVII.

«Друзья!..» Через час: «Дорогие!..»
 «Ребята! — еще через час. —
 Ведь нас не сломила стихия,
 Так голод ли ломит ли нас!

XLVIII.

Забудем про пищу, — чего там! —
 А вспомним про суперфосфат...»
 «Узнать бы, — стал бредить Федотов, —
 А что у нас в части едят?»

XLIX.

И вдруг: не мираж ли, не миф ли —
 Какое-то судно идет.
 К биноклю все сразу приникли,
 А с судна летел вертолет...
 Далее все известно из газет: люди здоровы,
 едят, пьют, отдыхают и фотографируются вместе.

Заключение.

Окончены все переплеты,
 Вновь служат, — что, взял океан? —
 Поплавский, Крючковский, Федотов
 И с ними Зиганшин Асхан!

Все отступления в прозе можно рифмовать по
 принципам:

- 1) океан — Асхан — Иван; картошку — гармошку —
 крошку — ножку;
- 2) чаще употреблять фамилии героев;
- 3) герои должны петь и помнить о доме;
- 4) Зиганшин — старший, — его употреблять
 чаще.

Таким же образом могут быть написаны поэмы
 о покорителях Арктики, об экспедиции в Ан-
 тарктиде, о жилищном строительстве и о борь-
 бе против колониализма. Надо только знать
 фамилии и иногда читать газеты.
 (1960)

О своеобразии языка песен Владимира Высоцкого на страницах «Русской речи» писалось уже не раз (см.: Кормилов С. И. Песни Владимира Высоцкого о войне, дружбе и любви.— 1988. № 3; Новиков В. И. Живая вода.— 1988. № 1; В. П. Лебедев, Е. Б. Куликов. Что привлекло нас во Владимире Высоцком?— 1988. № 1). Опыт показывает, что поэтическая «лингвистика» Высоцкого — предмет для обширного, многоуровневого исследования: от фонетики до синтаксиса. Можно только позавидовать языковеду, который возьмется за это трудное и увлекательное дело. Мы же сейчас поговорим лишь о том, какую роль в становлении и развитии авторской песни играет пародия, пародийное начало. И творчество Высоцкого дает для такого разговора довольно богатый материал.

«Пишу я очень давно, — рассказывал Высоцкий. — С восьми лет писал я всякие вирши, детские стихи про салют. А потом, когда стал немножко постарше, писал всевозможные пародии». Нина Максимовна Высоцкая сберегла рукопись с пародийными опытами сына. В студенческие годы он, как все молодые люди, придавал существенное значение своему внешнему виду и испытывал трудности с обновлением гардероба. Как-то Нина Максимовна в результате больших усилий привела в приличное состояние старые брюки сына. После стирки и глажки они выглядели как новенькие, и свою благодарность матери Владимир выразил в стихах, причем сочиненных «от имени» классиков, замкнув, впрочем, престижный ряд собственным двустушием. Вот эти, не опубликованные прежде шутивно-пародийные фрагменты:

Ты вынесла адовы муки!
Шептала проклятье судьбе.
За то, что поглажены брюки,
Большое спасибо тебе.

Некрасов

Давно
я красивый
товар ищу!
Насмешки с любой стороны,—
Но завтра
совру товарищу —
Скажу,
что купил штаны.

Маяковский

Тебе сказал недавно: коли
Есть брюки — надо их стирать!
Уже?! Мерси, чего же боле,
Что я могу еще сказать.

Пушкин

Приятно спать и видеть в снах,
Что завтра буду я в штанах.

Высоцкий

Сочинял Высоцкий и пародийные тексты для студенческих капустников. При всей неприязнительности подобных опытов они значимы как свидетельства той атмосферы, в которой формировался будущий поэт. Такая игра с чужим словом была необходимой подготовкой к собственному дебюту, своеобразной прелюдией к серьезному творчеству.

Шутливо-игровой характер носит и написанная в 1960 году пародийная поэма-песня «Сорок девять», с которой мы знакомим читателей. Поводом для ее написания послужили многочисленные печатные отклики на подвиг четырех наших солдат, оказавшихся на барже в открытом океане без связи с землей, мужественно продержавшихся там в течение сорока девяти дней и чудом спасенных.

Конечно же, Высоцкий отнюдь не иронизировал над своими героями: ведь впоследствии он столько песен посвятил мужественным борцам со стихией! Но эпопея о сорока девяти днях освещалась в прессе в таком приторно-бодряческом тоне, вызвала такое количество дежурно-стандартных стихотворных откликов, что все это невольно сложилось у Высоцкого в пародию. Поэма далека от совершенства, в ней встречаются и небрежности («Асхан» вместо правильного «Асхат») и неуклюжие обороты. Сохранились две фонограммы исполнения этой песни автором в 1964 и в 1967 годах (на мотив популярной песни «Я был батальонный разведчик...»), где видны попытки Высоцкого отредактировать текст (в частности, строка «А вспомним про суперфосфат...» была заменена на «А вспомним про наш взвод солдат»), сократить некоторые строфы. Но в основной, так сказать, корпус песенного творчества Высоцкий «Сорок девять» не включал, называя первой своей песней написанную в 1961 году «Татуировку».

И все-таки ранняя пародия Высоцкого говорит нам сегодня о многом. Характерно, что Высоцкий четко разграничивает жизненный материал и его художественное освоение. Ирония поэта прицельно направлена на халтурщиков, эксплуатирующих престижно-влободневную тематику, спекулирующих на чужих подвигах и свершениях. Казалось бы, бесспорная истина: самая достойная тема, освоенная затасканными, шаблонными приемами, дает в итоге отрицательный результат, слабое произведение. Однако это приходится доказывать вновь и вновь, в том числе языком пародии. «Поэма-песня» стала для Высоцкого своеобразной прививкой от

ческую «Песню о вещем Олеге» (именно *песню*, а не *песнь!*) — вариация на данную тему есть и у Галича. Этот тип пародирования восходит к русскому «перепеву» XIX века (например, некрассовская «Колыбельная песня», построенная на основе лермонтовской «Казачьей колыбельной песни»). В подобных случаях, для авторской песни очень характерных, классический образец выступает как мера гармонии, которая применяется к негармоничной современности: «Лукоморья больше нет,/От дубов простыл и след (...)» А иногда пародическое цитирование носит чисто шуточный характер, как, например, в песне «Про речку Вачу и попутчицу Валю»:

Вача — это речка с мелью
 Во глубине сибирских руд,
 Вача — это дом с постелью,
 Там стараются аргелью,—
 Много золота берут!

Но, впрочем, и в этих шутках есть доля серьезности: они свидетельствуют о том, что язык нашей классики, пушкинский язык жив сегодня, и что настоящий контакт с «веком минувшим» устанавливается в атмосфере непринужденного остроумия, веселой раскованности. Таков дух творчества Высоцкого и авторской песни как явления культуры.

Публикация А. Е. Крылова ©
 Филологический комментарий Вл. Новикова ©

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Как объяснить слово *узйлище* и где в нем ударение ставить? Вот пример: „Иннокентий Филатыч был арестован и заперт в узйлище“ — это из „Угрюм-реки“ В. Шишкова.»

М. М. Винникова, *Калинин*

Слово *узйлище* (оно считается теперь устарелым) означает «тюрьма», «темница». Происходит оно от устаревшего значения слова *узы* — «оковы», «цепи», «путы».

БЕСЕДЫ О РЕЧЕВОМ ЭТИКЕТЕ

Н. И. Формановская,
доктор филологических наук

Как обратиться к собеседнику? Как назвать человека — знакомого, незнакомого? Способов много: по имени или по имени-отчеству, по фамилии или по прозвищу. То или иное название, выбранное говорящим для определенного лица в конкретной ситуации общения, имеет этикетное значение: сказав *Таня*, мы сигнализируем, что это свой, близкий человек, наши отношения хорошие, возможно, дружеские, обстановка общения неофициальная; сказав *Танька* — проявляем фамильярность (что не исключает дружественности); *Татьяна Петровна* — помечаем, возможно, возраст (старшая), возможно, статус (начальница) или официальность обстановки, во всяком случае проявляется уважительность, почтительность к адресату; сказав о ней же *Товарищ Воронина*, мы переводим общение в сугубо официальное русло — и т. д.

О почитаемом человеке говорят на собрании: *Борис Никитич Елкин*, а потом в официальном тексте пишут просто *Елкин*, и мы чувствуем смену отношения, как, например, в следующем отрывке: «Юрий Алексеевич Варянов работал в столичном журнале, занимая там хотя и значительную, по его мнению, — он был редактором в отделе, — по весьма распространенную для его профессии должность. Немаститым авторам и случайным посетителям Варянов казался человеком солидным и внушительным, едва ли не полубогом, и они, осведомясь в гардеробе у добрейшей тети Клавды, которая давно уже забыла о своих прямых обязанностях — принимать и подавать пальто — и в основном только занималась тем, что готовила сотрудникам чай, о его имени и отчестве, почтительно величали его Юрием Алексеевичем. Сотрудники, включая ту же тетю Клавду, не говоря уже о начальстве и авторах именитых, звали его по-приятельски просто и снисходительно — Юра. Он не обижался: Юра так Юра, тем более и Юрием Алексеевичем он успевал за день побывать, и товарищем Варяновым, ну и еще кое-кем, правда, это „кое-кем“ чаще всего вслух не произносилось» (Марченко. Незримые миру слезы).

Смена названий человека во время беседы может говорить о многом — об улучшении или ухудшении отношений, во всяком случае — о смене тональности общения. В. Липатов в романе «Черный яр» описывает ссору родственников — идейных противников, из которых Аленочкин — перерожденец и демагог, а Софья Борисовна Боярская — старый большевик. И когда Софья Борисовна высказывает все, что она думает об Аленочкине, он начинает вести наступление, постепенно изменяя обращение к своему собеседнику-противнику: «— Я слушаю вас, Софья Борисовна,— тихо произносит Владимир Алексеевич.— Продолжайте, пожалуйста, Софья Борисовна!». И далее: «— Я просил вас не перебивать меня... Но продолжим... Вы, товарищ Боярская, относитесь к тем людям, которые критику... восприняли как сигнал для нападков...» Несколько строками ниже: «— Вы даже не находите мужества выслушать правду, Боярская,— сухо и желчно говорит Аленочкин».

У личного имени, принадлежащего одному человеку, множество вариантов, и каждый из них, как мы видим, этикетно значим. Мы как будто не испытываем затруднений, как нам назвать человека или обратиться к нему: *Наталья Сергеевна* или *Наташа*, *Наташенька* или *тетя Наташа*, *товарищ Петрова*... И каждый раз выбор той или иной формы скажет кое-что о говорящем, об адресате, о ситуации общения в целом, о личных отношениях общающихся. Вот пример: «Повариха Яковлевна в белом крахмальном колпаке, похожем на трубу океанского парохода, сидела у края стола, облокотясь о кулак. Зовут Яковлевну по-старушечьи — одним отчеством, но женщина она моложавая, хотя и немолодая...» (Лиханов. Благие намерения). Ясно, что такое наименование никак не «приложить» к девушке, например, или к интеллигенту.

Выбирают люди и обращения к незнакомым людям. В некоторых случаях выбор оказывается довольно сложным делом. В книге А. Чаковского «Блокада» есть эпизод, когда академик Валицкий готовится выступить по радио перед ленинградцами. «Федор Васильевич попытался вообразить себя один на один с подвешенным или установленным на кронштейне микрофоном.— С чего я начну?— подумал он.— Каковы должны быть первые мои слова? Товарищи? Граждане? Друзья?— Но тут же вспомнил, что последнее из этих трех слов было уже произнесено Сталиным в его речи 3 июля. Первые же два звучали слишком официально». Далее у Чаковского показана как бы репетиция выступления:

«Он сделал шаг назад, зачем-то вытянул вперед руку и негромко сказал:— Товарищи! Я имею честь... Тут же, почувствовав явную неуместность такого начала, Федор Васильевич откашлялся и уже погромче произнес:— Многоуважаемые ленинградцы! Ко

мне обратились с просьбой... Нет, это звучало еще хуже. С оттенком какого-то высокомерия или снисходительности. К нему обратились!.. Скажите на милость!..

Наконец Федор Васильевич отыскал подходящее слово:— Сограждане!.. Но сколько Федор Васильевич ни бился, одна мысль о том, что он должен обратиться к сотням тысяч людей, сковывала все остальные. Наконец он написал: „Уважаемые товарищи!“..»

Когда Валицкий пришел в радиокомитет, листок с написанной речью взяли на цензуру, а в этот момент его пригласили к микрофону: «Валицкий мучительно старался восстановить в памяти рукописный текст своего выступления, но не мог вспомнить ни слова. Тускло поблескивающий микрофон и горящее на стене табло сковывали мысли. И вдруг как бы со стороны он услышал собственный голос:— Когда я узнал, что мне предоставлена честь говорить с вами, мои товарищи, то подумал: кто я такой, чтобы просить вас, воины и труженики, выслушать меня?». Поиски наиболее уместного названия для жителей блокадного города приводят к тому, что во время выступления не «по бумажке» Валицкий с помощью интуиции нашел в памяти, очевидно, самое подходящее: *мои товарищи, воины и труженики*. И заметьте, *мои товарищи* — это уже не то, что просто *товарищи*.

Называя человека, можно выразить к нему свое уважение, можно его возвеличить, а можно и унижить, оскорбить. Причем для обиды порой не надо даже выбирать «плохое» слово, можно применить и хорошее, но исказить при этом роли партнеров. В фильме «Первый курьер» наблюдаем такую сцену: полицейский обращается к арестованному агенту «Искры» — болгарскому курьеру: «— Ну как дела, голубчик?— Ничего, голубчик.— Ай, ай, ай, как вежливо!». Первое обращение *голубчик* оценивается нормально — старший по положению может сказать так снисходительно к зависимому от него лицу, а вот второе — от арестованного к полицейскому — считается уже нарушением правил вежливости. Болгарии, прекрасно владеющий русским языком и понимающий оскорбительный смысл такого обращения к вышестоящему, оправдывается в фильме плохим знанием языка.

Еще пример. В романе Д. Гранина «Картина» есть эпизод, когда молодой человек, Анисимов, не дает будущим строителям спилить дерево — неотъемлемую деталь городского пейзажа. Его, как нарушителя порядка, забирают в милицию: «Со стороны Анисимова раздался смешок. Покачиваясь на носках, он разглядывал капитана, разглядывал всего, сверху донизу, как слона в клетке или жирафа. Бледное лицо его было умыто, губа зацеплена плас-

тырем, но он не мог ни кривить ее, ни презрительно выпячивать, он лишь щурился.

— Не слишком ли вы упрощаете свою службу, дуся?

— Вот, слышали?— Николай Никитич с силой одернул мундир.— Несмотря на предупреждения, что позволяет себе. Не беспокойся, Анисимов, мы с тобой еще встретимся, ой как встретимся!

За последние часы Анисимов дошел начальника милиции всемоными фразочками, стихами и особенно идиотским этим словечком — дуся. При подчиненных — дуся! Уж на что Николай Никитич слыл уравновешенным, а тут не выдержал...» Словом *дуся* — от *душенька*, *душа* — прежде обращались к женщине, жене и др.

Обидным для человека названием может стать имя, не соответствующее возрасту, служебному положению, всей ситуации общения, как в этом случае: «Подросток Витя очень надеялся на своего наставника Василия Петровича. Правда, его несколько удивило, что окружающие дружно называли того „Васек“, или в лучшем случае „Вась“, хотя был он не первой и даже не второй молодости. Но наивный выпускник ПТУ отнес это за счет невоспитанности и фамильярности окружающих» (Веч. Москва. 1983. 26 ноября). Человек не первой молодости, наставник на заводе — и вдруг *Васек*! Но читателю уже ясно — не пользуется уважением в коллективе Василий Петрович. Да и как его уважать? Оказывается, посылает подростка за папиросами, за водкой — через дырку в заборе... Вот так наставник!

Не только от социальных норм, требований этикета и от личных отношений зависит, как мы называем того или иного человека, какую «этикетку» для него выбираем, чтобы обратиться. Для каждого человека его выбор определяется еще и личной манерой, индивидуально-психологическими особенностями: один всюду раскован, другой стеснен, один воспитывался в одной среде, другой в противоположной... «Всего второй год, как пришла работать в этот институт, а всем, кто давно работает здесь, кажется, что она чуть ли не ровесница им или, точнее сказать, все они чувствуют себя ровесниками этой милой молоденькой женщины, понимая себя в своем деле *ребятами*, когда она обращается к ним, разменявшим кто четвертый, а кто и пятый десяток, с этим не обидным приятным словечком *ребята*. Всех она называет на ты и просто по имени, за исключением, конечно, начальства.

— А я не люблю называть по отчеству,— говорит она, отмахиваясь от очередной человеческой глупости.— По-моему, невкусно. А потом, у меня так язык устроен, что я не могу, если нескладное какое-нибудь, неподходящее имя и отчество, я не могу выговорить. А для меня все они нескладные. Может, только если

Ивановичи. А остальные — не могу произносить. Да и зачем лишнее усилие? Я ж не говорю: Васька, Петька, Колька... А говорю: Вася или Васенька. И никогда не обижу человека. На меня еще никто не обижался... кроме дураков. А тех я вообще никак не называю. Здравствуйте — и все. Зачем мне их нужно как-то называть. У них одно имя — дурак. Если я когда-нибудь буду старухой, я так их и буду называть: эй, дурак, пооди сюда. А сейчас не имею права» (Г. Семенов. Лизавета). Есть у этого человека какое-то представление об этикетных запретах-разрешениях, о том, что старшему можно то, на что молодой не имеет права. Но разве позволено хоть кому-то говорить: эй, дурак!? Недостаточно воспитана героиня рассказа, хотя и доброжелательна, никого обидеть не хочет, не лишена обаяния, но пользуется такой индивидуальной манерой общения.

А в этой зарисовке перед нами совсем другой человек, профессор-языковед Александр Александрович Реформатский: «С лифтершами нашего дома, со сторожами, слесарями, гардеробщиками и гардеробщицами говорил не менее уважительным тоном, чем с людьми, занимавшими „посты“. И всегда по имени-отчеству. Не помню, чтобы он кому-нибудь сказал „здравствуйте“ или „до свиданья“, не добавив имени-отчества. Мы с ним жилали в писательских Домах творчества, и А. А. коробило, когда он слышал, как некоторые члены Союза писателей позволяют себе обращаться на „ты“ к уборщицам, нередко пожилым, называя их „Катями“ и „Машами“. Сам он обращался без отчества лишь к тем, кто был его много моложе (да и то, если они его об этом сами просили!), и к тем, кого он давно знал...» (Н. Ильина. Реформатский).

Подведем итоги. Называть человека, собеседника и обращаться к нему и легко, и трудно. В русском языке есть для этого множество способов, и каждый человек выбирает то, что, по его мнению, наиболее подходит в данной ситуации общения. При этом каждый из нас обнаруживает меру своей воспитанности, общей культуры, меру владения русским языком. Кто-то может обратиться на улице: «Женщина!» или «Мужчина!», а другому эта форма справедливо кажется неприемлемой, кто-то может сказать: «Мамаша!», а владеющий нормами литературного языка не может адресовать это почтенной женщине. Соблюдение норм речевого этикета — важный элемент культуры речи, культуры поведения и общения.

ИЗ ИСТОРИИ СУДЕБНОГО КРАСНОРЕЧИЯ

ОРАТОРСКОЕ МАСТЕРСТВО

Ф. Н. Плевако

А. М. Бахтызин,
кандидат филологических наук

В истории дореволюционного судебного красноречия есть много славных имен. В ряду таких видных юристов, как П. А. Александров, С. А. Андреевский, К. К. Арсеньев, В. И. Жуковский, Н. П. Карбачевский, А. Ф. Кони, П. С. Пороховщиков (П. Сергеич), В. Д. Спасович и др., выделяется имя Федора Никифоровича Плевако (1842–1908).

Он был блестящим судебным оратором пореформенной России. На глазах у публики Ф. Н. Плевако творил (на самом деле тщательно готовился к выступлению в суде) защитительные речи и выигрывал, казалось бы, самые безнадежные процессы. Волнуя и заражая жаждой справедливости публику и состав суда, прежде всего присяжных заседателей, которым предстояло вынести реше-

ние о виновности или невинности подсудимого, он заставлял их чувствовать и мыслить так же, как мыслил и чувствовал сам. Отечественная наука о красноречии установила зависимость публичной речи от того, кому она адресована, и лучшие судебные деятели умели затронуть наиболее чувствительные струны тех, кто решал исход дела. Вот почему присяжные заседатели всегда были предметом особого внимания Ф. Н. Плевако.

О могуществе слова Ф. Н. Плевако вспоминал В. В. Вересаев: «Главная его сила заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской заразительности чувства, которым он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы» (Собр. соч. в четырех томах, Т. 4, М., 1985, С. 117). Далее писатель рассказал характерный эпизод. Судили священника. После «громовой речи» прокурора выступил Ф. Н. Плевако. «Он медленно поднялся, бледный, взволнованный. Речь его состояла всего из нескольких фраз... Вот что сказал Плевако: — Господа присяжные заседатели! Дело ясное. Прокурор во всем совершенно прав. Все эти преступления подсудимый совершил и в них сознался. О чем тут спорить? Но я обращаю ваше внимание вот на что. Перед вами сидит человек, который тридцать лет отпущал вам на исповеди ваши грехи. Теперь он ждет от вас: отпустите ли вы ему его грех?»... И подсудимый был оправдан.

Сейчас мы, разумеется, лишены возможности слышать живой голос Ф. Н. Плевако с его «колдовскими интонациями». Однако и письменные тексты способны передать настроение когда-то произнесенной речи (см.: Судебные речи известных русских юристов. М., 1958). Строение фразы, расположение слов, их группировка, синтаксические фигуры — все эти черты интонации читатель может представить силой своего воображения.

Ритмичность ораторской прозы Ф. Н. Плевако создают единые группы слов, разделяемые легкими паузами. Сочетания из двух-четырех слов, относительно законченные в интонационном и синтаксическом отношении, имеют в стилистике специальное название — «колоны». Они несколько напоминают музыкальные такты. Смежные колоны нередко уподобляются друг другу: «Надеюсь, что... вы сознаете, что нужно подать руку помощи упавшему, поднять грешника кающегося, оказать милость страждущему». Отчетливо выраженный параллелизм не только облегчает восприятие этой фразы на слух, но и повышает ее эмоциональную тональность. Наиболее важные, стилистически приподнятые слова поставлены в ударную позицию, в конце каждой синтаксической группы: *упавшему, кающегося, страждущему*.

Синтаксический параллелизм предложений или их частей подчеркивает их смысловую близость: «Опьяняет душу человеческую не только вино. Опьяняют еще и страсти». Или же усиливает их контраст: «Из одних и тех же кирпичей создается и храм богу, и тюрьма — жилище отверженных. Перед первым вы склоняете колена, от второго бежите с ужасом». И в том, и в другом случае возрастает выразительность и раздвигается смысловое пространство высказывания. Параллелизм появляется там, где контраст становится основным принципом построения текста: «Он был богат — его ограбили; он был честен — его обесчестили; он любил и был любим — его разлучили с женой; он был мужем — его ложе осквернили; он был отцом — у него силой отнимали детей».

Плевако часто ставил вопросы. В одном случае ответ на свой вопрос дает сам оратор, но это не ответ в собственном смысле слова, а способ поиска истины. «Уехать? Куда? В Америку?» — вопрошает адвокат, перебирая возможные варианты выхода из запутанного положения, в котором оказалась провинциальная актриса, и тем самым вовлекая присутствующих в свои размышления. «Но ведь не так легко добыть славу на чужбине, не имея ни достаточных средств, ни достаточной подготовки. Уехать с ним? Но он будет только обузой для нее, да и не на что ему ехать». Вопросно-ответный ход драматизирует изложение, дает оратору возможность установить мотивы поступков и преступлений, представить свою версию доказательной.

В другом случае вопрос может быть употреблен как специальный прием: «Где же виновник и кто он? Неужели отпустить привлеченных, не указав для правосудия достойную жертву? Не разразятся ли тогда на нас люди, подрывающие способность нашу служить делу правосудия? Что скажут о нас?». Риторические вопросы нередко прямо обращены к конкретным участникам судебного заседания — к присяжным: «Ну разве то, что чувствовал князь, вам непонятно, адские терзания души его — вам неизвестны?». Такие вопросы в ответе не нуждаются, но Ф. Н. Плевако дает развернутый «ответ»: «Нет, думаю, что вы, простые люди, лучше всех понимаете, что значит отцовская и мужьяна честь, и грозно охраняете свое хозяйство, свой очаг, которым вы отдаете всю жизнь, не оставляя их для суеты мира и для барских затей богатых и знатных».

К фигурам экспрессивного синтаксиса относится инверсия, то есть обратный порядок частей сложноподчиненного предложения. Вот употреблена в спокойном сообщении фраза: «Мы не знаем, что было потом». А в беспокойном, возбужденном состоянии человек может сказать: «Что было потом — мы не знаем». Именно так изъясняется потрясенный собственным преступлением подсудимый:

«Долго ли я оставался после выстрела и что я делал — не могу отдать себе отчета». Подобная инверсия наблюдается и в ораторской речи. Рассуждая о значении записок, оставленных на месте преступления, Ф. Н. Плевако переставляет части сложноподчиненного предложения: «Что во время писания этих записок над ней не стоял человек... это ясно...»; «Что эти Бартеневские записки — не измышление с целью спасти себя... это ясно». Инверсии Ф. Н. Плевако, в отличие от инверсий подсудимого, мотивированы стилистическим заданием — усилить, подчеркнуть мысль и создать особую убедительность рассуждения.

Действенность публичного слова обеспечивают анафора (единичное смежных предложений) и эпифора (одинаковое завершение смежных предложений). Адвокат обращается к суду со словами, имеющими вид сращения двух названных фигур: «Когда перед вами предстанут люди, в исследовании жизни которых вы увидите, что в их катехизисе написано, что для личных и даже для общественных целей они готовы на всякое убийство,— карайте их! Когда перед вами стоят люди, которые в борьбе за тот или иной принцип, задавшись известными целями, не разбивают средств,— карайте их!»

Далее следует весьма сложное синтаксическое построение, охватывающее многообразные явления в их взаимосвязи и единстве,— период: «Но когда перед вами стоит человек, которого вина вот в чем: одни пришли, меч принесли; другие наточили; сама жертва пришла, подняла этот меч; явились и те, которые дали меч в руки,— то вы подумайте, можно ли покарать этого человека» (Судебные речи известных русских юристов. С. 540). Период — это такая синтаксическая фигура, которая грамматически, интонационно и в смысловом отношении распадается на две неравные части, причем первая состоит из цепочки однотипных или сходных синтаксических единиц и произносится с постепенным повышением тона, а вторая, заключительная, идет на понижение, указывая на завершенность высказывания. Граница между повышением и понижением, называемая кульминацией, узнается в устной речи по длительной паузе.

Период хорошо воспринимается на слух, так как входит в сознание не сразу, а по частям, заставляя слушателя все более напрягаться в ожидании конца высказывания. Обладающий яркой эмоциональной окраской период часто использовался в прошлом искусными судебными, политическими, академическими и религиозными ораторами.

В речи Ф. Н. Плевако можно встретить и синтаксическое кольцо — фигуру, начинающую и завершающую высказывание одним

и тем же словом. Так, отвергая обвинение некоторых крестьян в подстрекательстве к бунту, адвокат подхватывает слово, сказанное прокурором, и как бы соглашается с ним: «Но подстрекатели были,— говорит он.— Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию: они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин. Бедность безысходная.., бесправие, беззащитная эксплуатация, всех и всё доведшая до разорения,— вот они, подстрекатели!» Оратор заменил юридическое значение термина *подстрекатели* другим — «люди, доведенные до отчаяния». Этот полемический прием «отрицание как утверждение» используется в пролическом смысле.

Однако речевое искусство Ф. Н. Плевако не достигало цели, если подсудимые обвинялись в покушении на эксплуататорские устои Российской империи. Так, заканчивая речь в защиту крестьян Тульской губернии, взбунтовавшихся против многолетнего финансового беззакония землевладельца, адвокат тщетно заклинал: «Нет, вы не осудите их! Мученики терпения, страстотерпцы труда беспросветного найдут себе защиту под сенью суда и закона. Вы пощадите их!». Но не пощадили...

Стилистико-синтаксические ресурсы ораторского искусства Ф. Н. Плевако, как ни у кого из русских юристов, велики. Его речь постоянно менялась: то она становилась гневной, когда оратором овладевало негодование, то сдержанной, когда он предавался размышлениям о несовершенстве законов или о превратностях человеческой судьбы.

Ф. Н. Плевако несомненно обладал образным мышлением, мог нарисовать картину события, воссоздать характер, поведение человека и многое другое. В следующем фрагменте из речи о финансовых махинациях игуменьи Митрофании образность находится в перасторжимом единстве со средствами синтаксического усиления, форма становится невидимой, содержание существует как бы помимо нее: «Путник, идущий мимо высоких стен Владычного монастыря, вверенного нравственному руководительству этой жепцины, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома Божьего,— а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела! Вместо храма — биржа; вместо молящегося люда — аферисты и скупщики поддельных документов; вместо молитвы — упражнение в составлении вексельных текстов; вместо подвигов добра — приготовление к ложным показаниям,— вот что скрывалось за стенами... Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!..» (Плевако Ф. Н. Речи. В 2 томах. Т. 2. М., 1910. С. 62—63).

Бесценный дар Ф. Н. Плевако «глаголом жечь сердца людей» здесь, пожалуй, нашел свое наиболее полное осуществление. В этом маленьком шедевре можно найти все, о чем уже говорилось: и целеустремленную концентрацию синтаксических фигур, и живую образность, дающую толчок для работы нашего воображения, и повышенную эмоциональность со знаком минус — сарказм. Это ли не материал, который с успехом можно использовать в качестве образца при обучении высокому ораторскому искусству, утраченному нами в известные периоды нашей истории! Публичное чтение речей «по бумажке» убило его...

Слава одаренного оратора перешагнула то время, когда впервые прозвучало слово Ф. Н. Плевако, исполненное нравственной силы в защиту справедливости и человеческого достоинства. Советские судебные деятели берут из богатейшего арсенала образовательно-выразительных средств ораторской прозы этого незаурядного юриста все, что усиливает действенность устного публичного слова. Искреннее зажигательное слово поднимает дух, вызывает у слушателя стремление в чем-то изменить жизнь и самому измениться в поступках, в отношении к труду, к людям. Вдумчивое, медленное прочтение текстов Ф. Н. Плевако было бы весьма поучительным не только для специалистов-юристов, но и для ученых, выступающих с вузовской кафедры, лекторов — популяризаторов научных знаний — в общем, для тех, кто устное публичное слово считает своим профессиональным делом.

Усть-Каменогорск

ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

В 1989 году исполнилось бы 90 лет со дня рождения одного из крупнейших советских лингвистов профессора Московского университета Петра Саввича Кузнецова (о жизненном и творческом пути П. С. Кузнецова см.: Русская речь. 1970. № 1; 1979, № 2).

Те, кто учился на филологическом факультете МГУ в послевоенные годы, хорошо помнят его лекции по русской диалектологии и исторической грамматике русского языка, спецкурсы по современной общей русской фонологии и по истории русского глагола. Энциклопедически образованный, П. С. Кузнецов свободно ориентировался в проблемах сравнительно-исторического славянского и индоевропейского языкознания, классической филологии, африканистики, прикладного языкознания, не говоря уж о проблемах науки о русском языке — его современном состоянии, истории и диалектологии. И все же наибольшее влияние на развитие языкознания оказали труды ученого по исторической фонетике и исторической морфологии праславянского и русского языков. Специалистам — славистам и русистам — хорошо известны и высоко ими оценены глубокие, основанные на изучении большого конкретного материала книги и статьи П. С. Кузнецова, а студенты до сих пор с большой пользой для себя занимаются по написанным им учебникам исторической грамматики русского языка.

К сожалению, не всё, что было создано П. С. Кузнецовым, оказалось доступным для читателей: многие его работы остались неизданными или печатались в таких изданиях, которые практически неизвестны в нашей стране. К их числу относится публикуемая нами статья «К истории фонем [ф] и [ф'] в русском языке», в которой развивается идея о путях включения отдельной звуковой единицы в общую фонологическую систему языка и в связи с этим рассматривается роль чередований в этом процессе.

Публикуемая (с некоторыми сокращениями и несущественными стилистическими исправлениями) статья была помещена в 1968 году в сборнике, посвященном Б. О. Унбегауну и вы-

шедшем в Брюсселе: *Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientalis et Slaves*. Т. XVIII (1966–1967). Написанная просто и ясно, эта статья будет полезна и специалистам, и широкому кругу читателей, интересующихся историей русского языка.

В. В. Иванов,
доктор филологических наук

К истории фонем [ф] и [ф'] в русском языке

П. С. Кузнецов,
доктор филологических наук

Как известно, фонема [ф] первоначально была чужда славянским языкам, и русскому в том числе. Она проникла в славянскую область вместе с заимствованиями, притом идущими через книжный язык, преимущественно из греческого или через греческий.

Лишь в позднейшее время [ф] появляется и в заимствованиях, идущих в живой разговорный язык из различных языков Запада и Востока, да и то по говорам подвергается различным субституциям [заменам одних фонем другими — В. И.]

И еще вопрос, произносили ли в древнейшее время наши книжники (и русские и южнославянские) [ф] в тех словах, где писали букву *φ*, кроме разве наиболее образованных и хорошо владевших греческим языком. Об этом свидетельствуют колебания в написании *φ* и *π* в словах, заимствованных из греческого, в древнейших славянских памятниках. В позднейшее время в русском языке (литературном и части говоров, преимущественно северных) утверждается [ф], источником которого, если говорить о заимствованиях, являются две позднегреческие (византийские) глухие фрикативные фонемы *φ* и *θ*. Они обозначались, как известно, в нашей старой письменности соответственно *φ* и *θ* [фита]. Впрочем, в древнейших славянских памятниках в соответствии с греческим *θ*, обычно писали *τ*, и отголоски этого наблюдаются в довольно поздних наших памятниках. Ср., например... *Саваога* в книге пророков с толкованиями попа Упыря Лихого по списку XV века (Чудовского монастыря № 184). Но именно вследствие того, что [ф] у нас постепенно утверждается и на месте *θ* гре-

ческого языка, буква [фита] с конца XII века, когда русская письменность выходит из-под непосредственного южнославянского влияния, почти выходит из употребления (кроме числового значения), замещааясь посредством ф, и входит вновь, лишь с периода второго южнославянского влияния.

Возможно, что утверждение [ф] в русском языке в заимствованиях поддерживается появлением своего [ф], первоначально лишь в определенных позиционно-фонетических условиях. Правда, это [ф] появляется довольно поздно (отражение в памятниках, как уже отмечалось в литературе, не ранее начала XVI века) и далеко не во всех говорах. И даже в церковных памятниках мы наблюдаем замены ф буквами, обозначающими такие фонемы, которые могут выступать как субституция [ф] и в современных говорах. Ср. например, в евангелии XIV в. Румянцевского собрания № 107 три раза *от назарефа* (л. 70) — *Въ градъ... назарехъ* (л. 133).

Но существенно заметить, что в тех говорах, где [ф] утвердился, в том числе и в московском, легшем в основу русского литературного языка, оно примкнуло к согласным, образующим фонематически различающиеся пары по твердости-мягкости, т. е. на русской почве являются две новые фонемы — [ф] и [ф']... Соответствующих различий в тех языках, которые посредством заимствований из них дают максимальное количество случаев с [ф], не было (в греческом было две формы — ф и θ, но их различие иное, и русские [ф] и [ф'] различаются независимо от их иноязычного источника). Случаи же позиционного возникновения [ф] на русской почве дают слишком ограниченные основания для противопоставления [ф] — [ф'], в особенности, если следовать той фонологической концепции, которой я следую [концепция Московской фонологической школы. — В. И.]

Между тем в различных работах, посвященных фонологии русского литературного языка, а также русских говоров, фонологическая система которых на соответствующем участке тождественна системе литературного языка, говорится прямо о наличии соответствующей пары [ф] и [ф'] подобно тому, как говорится о соответствующей звонкой паре [в] и [в'], без обоснования надлежущими примерами. Такое утверждение о наличии пары глухих фриктивных губных фонем мы находим в книге Р. И. Аванесова и В. Н. Сидорова, содержащей первое по времени описание системы фонем современного русского литературного языка с точки зрения Московской фонологической школы. [Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. — В. И.] Также в работе В. Г. Орловой, специально посвященной губным фриктивным согласным в русском языке [Губные спиранты в русском языке. —

В. И.], устанавливаются различные типы говоров по употреблению *с* и *ф*, но специально различие [ф] и [ф'] не обосновывается, хотя и отмечается различие четырех губных фрикативных фонем, двух звонких и двух глухих (как в литературном языке, так и в соответствующем типе говоров). И в недавно вышедшей коллективной «Русской диалектологии» [М., 1964], где раздел, посвященный консонантизму, написан той же В. Г. Орловой, говорится о наличии в литературном языке и части говоров фонем [ф] и [ф'], но примеров на противопоставление их нет (<...>)

Между тем, поскольку фонемы любого языка всегда выступают в составе значимых единиц языка и речи, словоформ и морфем, их составляющих, и поскольку они служат для различения соответствующих значимых единиц, в первую очередь морфем, существенным для обоснования наличия в русском языке фонем [ф] и [ф'] является поведение соответствующих звуковых единиц в определенных морфологических образованиях.

И, рассматривая интересующие нас звуковые единицы с этой точки зрения, мы видим, что греческие или прошедшие через греческий язык собственные имена (лиц, народов), содержащие в конце корня на греческой почве *φ* или *θ*, если они идут по женскому роду и попадают на славянской и русской почве в старое склонение с основой на *-i*, получают на конце в им. над. ед. числа *-ъ*, а после падения редуцированных оканчиваются на [ф'] обозначаемое *фь* или *фь...* Имена мужского рода с тем же концом корня попадают в старые склонения с основой на *-o* или *-y* и с падением редуцированных оканчиваются на [ф]... Ср. *Скуфь* (Лавр. летоп., л. 5)... на древнерусской почве образовано подобно многим другим собирательным, например, *роусь* в собирательном значении в Смоленской грамоте 1229 г.

Точно так же ряд женских библейских собственных имен, заимствованных книжным путем, (<...> оканчивавшихся как в языке-источнике, так и в языке-передатчике на согласную, получали на конце *-ъ* или прямо мягкую согласную, если заимствование произошло после падения редуцированных (*ь* в этом случае имел чисто орфографическое значение), и склонялись по старому склонению с основой на *-i*.

Мужские собственные имена, оканчивавшиеся совершенно так же, получали у нас на конце *-ъ* или твердую согласную и склонялись по старому склонению с основой на *-o*. Ср., например... мужские имена типа *Сифь* (Сифъ), *Голиофь* (Голиафъ) и женские типа *Руфь* (Рувь), *Юдифь* (Юдявь). В данном случае женские имена на [ф'] разделили судьбу подобного же типа женских имен, оканчивавшихся на различные парные по твердости-мягкости

(для русского языка) согласные. Ср. такие имена, как *Агарь*, *Есфирь*...

Уже достаточно рано в русском языке старое склонение на *-i* содержало преимущественно существительные женского рода, вследствие чего конечная мягкая согласная в им. п. ед. ч. служила достаточно ясным указанием на женский род. Так, уже в заголовке книги *Руфь* в составе Геннадиевской библии 1499 г. мы находим написание *роуѡь* (л. 154). В различных формах в той же библии мы находим имя *Юдиѡь*... Книга *Юдиѡь* на русской почве впервые является в составе Геннадиевской библии и, по-видимому, переведена с Вулгаты, в домонгольский период ее у нас не было. Но самое имя, как и библейская легенда, у нас известны были и раньше. Мы находим его в Хронике Георгия Амартола по списку XIII–XIV в. Московской духовной академии в форме *Иоудиѡь*. В Геннадиевской же библии в заголовке к первой главе мы находим (в вин. п.) и привычное для нас написание: *Начинает книгоу юдиѡь* (л. 338 об.).

Женские имена, оканчивающиеся у нас на [ф'], ведут себя, как мы видим, точно так же, как женские имена, оканчивающиеся на другие согласные, парные в русском языке по твердости и мягкости, например, *Агарь*, *Есфирь*..., современное *Эсфирь*... Впрочем, те же имена могли идти и по склонению на *-а*, но в таком случае с твердой согласной перед окончанием. Ср. в том же списке Хроники Георгия Амартола *Агара*, *Кстира* и даже *Иоудиѡа* – последняя форма на соседнем листе с приведенной выше *Иоудиѡь*. В Геннадиевской библии имя *Эсфирь* в заголовке к одноименной книге написано с *ь* после *р*: ...е'сѡерь... Старые склонения на *-ā* и на *-i*, по-видимому, достаточно рано стали единственными продуктивными типами, по которым могли склоняться существительные женского рода в русском языке.

И указанное распределение в зависимости от рода сохраняется и позднее, вплоть до современного языка.

Женские имена иноязычного происхождения, оканчивающиеся на твердые согласные, входящие в пары по твердости-мягкости, но при этом в несклоняемой форме, появляются у нас позднее и широкое распространение получают в литературном языке лишь с начала XX века. Ср. такие имена в русских переводах скандинавских писателей, как *Агнес*, *Ингрид*. Раньше и подобные имена получали окончание *-а*. Впрочем, еще в начале XIX века мы находим у Жуковского собственное имя (притом реки, а не женщины), оканчивающееся на твердый согласный, входящий в пару, но согласующееся по женскому роду:

На поля, небеса, на Мертонски леса,
На прозрачно бегущую Твид.

Замок Смальгольм

В настоящее время и старые библейские имена, если они принадлежат лицам европейского или американского происхождения, приобретают облик, в большей степени отражающий их форму на соответствующем современном языке. Ср. например, имя героини романа Диккенса «Холодный дом» в старом русском переводе (дореволюционном) — *Эсфирь*, в новом (в полном собрании сочинений Диккенса, вышедшем в советское время) — *Эстер*.

Об освоении русским языком не просто фонемы [ф], но фонемной пары [ф] — [ф'], т. е. в том, что [ф] примкнула к парам, различающимся по твердости-мягкости, в особенности свидетельствует участие членов этой пары в морфологических чередованиях. Здесь они ведут себя точно так же, как члены соответствующей звонкой пары. Мне уже приходилось писать, что в отношении чередований, играющих роль при словообразовании и словоизменении, [ф] ведет себя так же, как остальные губные согласные. Ср. такие слова и формы, как *графить*, *графлю*, *графишь*, *разграфлять*, *графá*, *потрафить*, *потрафлю*, *потрафишь* (заимствовано из нем. treffen). Точно таким же образом осуществляется чередование в случае *ловить*, *ловлю*, *ловишь*, *улавлять*, *вылавливать*, *улов*. В обоих случаях, согласно положениям Московской фонологической школы, в конце корневой морфемы чередуются [ф] — [ф'] — [фл'], [в] — [в'] — [вл']. Источник чередования, как я также уже писал, для других согласных, кроме *ф*, лежит в фонетике, но на протяжении истории языка отношения, первоначально позиционно-фонетические, были морфологизованы. Для *ф*, усвоенного тогда, когда фонетическая основа чередований была уже утрачена, эти отношения сразу выступают как морфологические или, можно сказать, морфонологические, если понимать под морфологией фонологические средства выражения отношений между морфемами и их различными вариантами (алломорфами).

О том, что фонемы [ф] — [ф'] полностью освоены языком и получают ту же функциональную нагрузку, что и остальные парные по твердости и мягкости фонемы, в особенности свидетельствуют некоторые окказиональные образования, не засвидетельствованные и не могущие быть засвидетельствованными самыми полными толковыми словарями. Так, в романе Н. С. Лескова «На ножках» Висленев, готовясь совершить очередную мошенническую проделку, все время поет песню Фарлафа из оперы «Руслан и Людмила»:

Близок уж час торжества моего,
Могучий соперник теперь мне не страшен.

На что Горданов замечает ему: «Да; только гляди, Фарлаф, не *сфарлафь* в решительную минуту». Висленев же отвечает: О, не *сфарлафлю*, не *сфарлафлю*, брат — мне уж надоело».

Здесь представлены все три фонетически необусловленные ступени чередования — [ф] в конце собственного имени *Фарлаф* (фонологически и с точки зрения концепции Московской школы [ф], род. п. *Фарлафа*), [ф'] в конце формы 2 л. ед. ч. повелительного наклонения (форма, при ударении на основе, выражается нулевым окончанием и ступенью чередования «мягкая парная согласная» в конце основы), [фл'] в конце основы 1 л. ед. ч. настоящего (простого будущего) времени.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Объясните, пожалуйста, слово *лагуна*, которое часто встречается у Джека Лондона в рассказах о южных морях. Я понял так, что лагуна — что-то вроде залива, это правильно?»

А. Никитин, пос. Усть-Шюкжа
Амурской обл.

Лагунной (от итальянского *laguna*) действительно называют мелководный залив или озеро, обособившееся от моря наносной полосой из песка или гальки. Но гораздо чаще слово *лагуна* используется во втором своем значении — «участок моря, заключенный между коралловыми рифами и берегом материка или острова, либо же внутри атолла». Именно в этом значении слово фигурирует в рассказах Дж. Лондона.

«Каково происхождение слова *термос*?»

З. Рыбакова, пос. Тазовский

Термос — название от греческого *thermos* — «теплый», «горячий».

«...Сеяшется и растяшеть усобицами»

Э. Я. Гребнева,
кандидат филологических наук

В современном русском языке и в разговорной, и в литературной речи при обозначении времени нередко встречается оборот: *днями*, т. е. на этих днях; *ночами*, т. е. по ночам; *годами*, т. е. многие годы и т. п. Такое употребление творительного падежа можно встретить в художественных произведениях: «Под этот вальс *весенним днем* ходили мы на круг»; «Майскими *короткими ночами*, отгремев, закончились бои» — у М. Исаковского. В разговорной речи можно встретить: «они были у нас *праздниками*»; «это случилось *сенокосом (жнитвом, святками)*» и т. п. Конечно, чаще значение творительного времени имеют слова, лексически обозначающие время: *день — днем*; *вечер — вечером* и др. Однако есть и такие слова, которые не обозначают время, но по своему смыслу служат приметой того или иного времени: *сенокос, праздники, жнитво, святки* и подобные.

С этой точки зрения можно по-иному взглянуть на известное выражение в «Слове о полку Игореве»: «Тогда при Олзе Гориславличи *сеяшется и растяшеть усобицами*». Привычное и уже как-то бездумно принимаемое значение этой фразы — метафорическое, то есть будто бы сеялись усобицы и вырастали они же. Так толкует ее и «Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: к этим словам дана помета — «переносно и образно» (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», сост. В. Л. Виноградова, вып. 5, Л., «На-

ука», 1978, с. 20); однако ни одного перевода этих слов Словарь-справочник не дает.

Прежде чем обратиться к переводам, остановим внимание на одном существенном факте: глаголы *сеяшется* и *растяшеть* имеют одинаковую грамматическую форму — 3 лицо имперфекта, единственного числа, то есть это глаголы прошедшего времени, несовершенного вида, они обозначают процесс, ни один глагол не выражает результата. А теперь посмотрим переводы. В большинстве своем в них второй глагол имеет результативное значение: «Тогда при Олеге Гориславиче *сеялось* и *вырастало* междоусобием» (В. А. Жуковский); «Гориславичем звался недаром Олег: он *усобицы сеял* — *взрастали* они» (С. Шервинский); «Тогда при Олеге Гориславиче *засеивалась* и *прорастала* усобицами, погибала сторуна (так переведено слово *жизнь*.— Э. Г.) Дажьдбожьего внука» (В. Стеллецкий); Н. Заболоцкий вообще выпустил эту фразу; «Тогда, при Олеге Гориславиче, *засеивалось* и *прорастало* усобицами» (Д. С. Лихачев); «Тогда, при Олеге Гориславиче, *усобицей сеялось* все и *взрастало*» (А. Степанов); «Олег Гориславич княжил — *сеялось* и *прорастало* распрями» (С. Ботвинник); «При Олеге Гориславиче *посеянное* зло усобицами по земле *проросло*» (А. Чернов); «Тогда при Олеге Гориславиче *сеялись* и *прорастали* усобицы» (И. Шкляревский). Как видим, одинаковое понимание у всех переводчиков, и почти все они глагол *растяшеть* передают результативными формами: *вырастало*, *прорастало*, *взрастало*.

Только в переводе М. Деларю сохранена одинаковая форма глаголов и выражено иное понимание: «В этот век Горислава Олега *сеялось* все и *росло* среди крамол, и жизнь погибала Дажьдбога внука» (Михаил Деларю. Песнь об ополчении Игоря, сына Святослава, внука Олегова.— В кн.: Слово о полку Игореве. Библиотека поэта, большая серия, изд. третье, Л., «Советский писатель», 1985, с. 91). «Средь крамол» — значит при крамолах, во время крамол.

Н. А. Мещерского не удовлетворял традиционный перевод, ибо, комментируя рассматриваемые слова, он написал: «Синтаксические связи внутри этой фразы неясны». Вследствие этого он и оставил ее без перевода: Тогда, при Олеге Гориславиче, *сеялось* и *росло* усобицами».

Вернемся к тому, что глаголы *сеяшется* и *растяшеть* обозначают не результат, а процесс действия. Процесс этот протекал во времени, приметой которого являлись усобицы, то есть *сеялось* и *росло* при усобицах, во время усобиц. Дело все в том, что творительный падеж существительных в выражении *сеялось* и *росло усобицами* имеет временное значение. Никакой метафоры или пе-

реноса значения здесь нет, есть прямое значение: и сеялось и росло во время усобиц. Широкий контекст этого эпизода «Слова» поддерживает такое понимание: когда полевые работы шли при усобицах, часто погибал пахарь, поэтому-то «погибашеть жизнь Дажьбожа внука; в княжих крамолах веци человекомь скратишась. Тогда по Русской земли ретко ратаеве кикахуть, но часто врани граяхуть»... Автор «Слова» в своей лаконичной манере изобразил то время на Руси, когда, по выражению летописца, была «рать без перерыва» (цит. по книге: Д. С. Лихачев. Избранные работы. Л., 1987). В конкретной форме положение пахаря обрисовано в знаменитой речи Владимира Мономаха: «Дивно мя, дружино, оже лошади кто жалуеуть, ею же ореть [пашет] кто, а сего чему не рассмотрите, оже начнеуть смерд орати и половчин приеха вдарить смерда стрелою, а кобылу его поиметь, а в село въехав поиметь жену его и дети и все именье его возметь? То лошади его жалуеешь, а самого чему не жалуеешь?» (Цит. по книге: Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. «Наука», М., 1971).

Такое же значение приметы времени имел в виду и писец Диомид, сделавший в 1307 году приписку к псковскому «Апостолу»: «При сих князех сеяшется и растяше усобицами, гыняше жизнь наша, въ князех которы (распри.— Э. Г.) и веци скоротишася человекомь».

Точное воспроизведение этих слов из «Слова о полку Игореве» можно объяснить не только прямым заимствованием, но и фразеологическим использованием оборота «сеяшется и растяшеть усобицами» в исторические эпохи, насыщенные междоусобными распрями. Как фразеологизм он имел уже значение: непрерывные усобицы. «рать без перерыва».

Куйбышев

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Меня интересует значение слова *темляк*».

Оксана Приходько, ученица 6 класса,
г. Харьков

Темляк — петля из ремня или ленты (тесьмы) на эфесе шпаги, сабли и другого ручного холодного оружия. Петлю эту надевают на руку, чтобы крепче оружие держать. Очень часто темляк украшается кистью.

Кто он, летописец Иосиф?

Я. Г. Солодкин,
кандидат исторических наук

В сочинениях замечательного русского ученого XVIII века В. Н. Татищева есть немало оригинальных сведений по отечественной истории. Эти известия, называемые «татищевскими», нередко основаны на утраченных к настоящему времени источниках. В частности, автор «Истории Российской» располагал летописью, которую именовал «Историей о разорении русском», т. е. о крестьянской войне и иноземной интервенции начала XVII столетия. В. Н. Татищев относил ее к числу «участных историй» — произведений, написанных участниками запечатленных событий и отражающих ограниченный отрезок времени в отличие от обширных летописных сводов. Авторство «Истории» в большинстве случаев он приписывал монаху Иосифу, келейнику первого русского патриарха Иова, иногда самому Иову, а дважды им вместе.

Можно думать, что, продолжая летописный свод 1560 года, Иов описал пережитые события вплоть до смерти царя Федора Ивано-

вича — последнего представителя династии Калиты; из-под пера Иосифа, жившего в одной келье с патриархом, вышла последующая часть «Истории» (в татищевском списке, не имевшем конца, она была доведена до избрания на престол в 1613 г. Михаила Романова). Внимание В. Н. Татищева привлекли свидетельства «Истории» о столкновении Ивана Грозного с митрополитом Филиппом в годы опричнины, возвышении Бориса Годунова, законодательстве рубежа XVI—XVII вв. в отношении крестьян и холопов, польско-литовской и шведской интервенции.

Ученый считал сочинение Иова-Иосифа подлинным сокровищем и собирался издать его с комментариями. В предчувствии близкой смерти он оставил такое намерение и соглашался передать уникальную летопись в библиотеку Академии наук, но не успел это сделать. Судя по каталогу последнего книжного собрания В. Н. Татищева, составленному в 1752 году, вскоре после его смерти, «История» находилась в подмосковном имении сына ученого Евграфа. Как считает большинство исследователей, летопись Иова-Иосифа погибла во время пожара в бывшей усадьбе В. Н. Татищева, и реконструировать ее содержание можно, главным образом, по 14 прямым ссылкам выдающегося историка на этот крупный памятник позднего русского летописания.

Исследователям не удавалось найти сведения об Иосифе, и в суждениях о загадочной летописи они исходят из того, что создатель ее заключительной части (и, видимо, редактор предшествующей) являлся келейником Иова. По утверждению В. И. Корецкого, посвятившего «Истории о разорении русском» несколько работ, «патриарший (а ранее митрополичий) келейник — это личный секретарь, библиотекарь и казначей патриарха (митрополита). Делопроизводство, восходящее к патриарху, проходило через его руки» (Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986, с. 113). Подобная трактовка функций келейника представляется слишком широкой. В татищевском «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском» келейник определяется как «служитель монастырской», слуга «монастырских начальников» и архиереев, которые «келейников для собственной услуги содержат» (Татищев В. Н. Избранные произведения. Л., 1979, с. 322).

Заметим, что в «Лексиконе» нетрудно усмотреть глухую ссылку на летопись Иова-Иосифа. В статье «Государево слово» читаем, что «от злостных же, сребролюбивых или неразумных (судей.— Я. С.) великой вред государству и невинным разорения происходят, о чем в истории царя Иоанна (Ивана IV.— Я. С.) о Скуратове (известный опричник.— Я. С.) и при нас от преображенских дья-

ков (дьяков Преображенского приказа, занимавшегося политическим сыском, которые в 1720 г. были обвинены подьячим Я. Орловым во взяточничестве и других преступлениях.— Я. С.) и Толстого, якоже и Остерманом (государственные деятели первой половины XVIII в.— Я. С.), довольно изъяснилось». Почти в тех же выражениях об этом сказано в комментарии В. Н. Татищева в § 60 «Собрания законов древних русских» (редакции начала 1750 г.), но уже с указанием на «житие» Ивана Грозного, сочиненное Иосифом, т. е. «Историю». Сходное с татищевским определение келейника находим в «Православной богословской энциклопедии» (т. 9, СПб., 1908). Тут говорится, что *келейник* — «слуга должностных и сановных лиц монашеского звания». Этот взгляд подтверждается многочисленными фактами. Так, будучи келейником приехавшего в Москву в 1619 году иерусалимского патриарха Феофана, Корнилий Выговский в патриаршей келье *пребывал в послужении* (Древнерусская книжность. Л., 1985). У келейника Филарета Романова (когда он являлся главой русской церкви) хранились копии. По поручению патриарха Никона его келейники покупали книги, лекарства, продукты, приносили ему церковную утварь, доставляли его письма и челобитные. У патриарха мог быть не один келейник. Например, в келье опального Никона одно время насчитывалось 6–10 человек (Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897).

Кто же из окружения Иова мог выступать в роли летописца?

В начале XVII века известен лишь один монах патриаршей резиденции — Чудова монастыря в Кремле — по имени Иосиф. 18 марта 1604 года на приеме Иовом грузинских послов присутствовали старцы (т. е. старшие монахи) этой обители, в том числе Иосиф Траханиотов. В том же году в одном из московских приказов, ведавших финансами, он получил деньги за своего родного брата *Никифора Васильева сына* и поручился за племянника *Семена Никифорова сына Траханиотова*.

Если келейниками настоятелей даже крупных обителей могли быть лица, недавно постригшиеся в монахи (к примеру, Григорий Отрепьев, в будущем Лжедмитрий I, вскоре после появления в Чудовом монастыре стал жить в одной келье с архимандритом Пафлутием), то в качестве келейников высших церковных иерархов обычно выступают старцы. Так что Иосиф Траханиотов вполне мог являться келейником Иова. Как видно из документов, на светском поприще он выступал под именем *Ивана Васильева сына*. Потомок выходцев из Византии (оказавшихся в России при Иване III и сыгравших важную роль в становлении финансовой службы, дипломатической практики и идеологии московского самодер-

жавия; старший сын боярина Василия Юрьевича Траханиота, одного из руководителей земской думы в начале опричнины), упоминается в источниках с осени 1576 года.

И. В. Траханиотов участвовал в Ливонской войне, которую вел Иван Грозный с целью добиться широкого выхода к Балтийскому морю, затем был воеводой в небольшой крепости Стародубе на юго-западе России. В феврале 1585 года, подобно деду Юрию Дмитриевичу Малому Траханиоту, он стал государственным казначеем. Сохранились сведения о его участии в возведении Иова на патриарший престол, приемах иностранных послов, походе 1590 года против шведов в свите царя Федора. По-видимому, в конце 1594 года вместе со вторым казначеем Д. И. Черемисиновым И. В. Траханиотов подвергся опале, причины которой неясны. В феврале следующего года он уже был воеводой в сибирском городке Лозве, где провел не менее трех лет. Возвратившись в 1598 году в Москву, И. В. Траханиотов участвовал в избрании Бориса Годунова на трон. Спустя три года бывшему казначею поручили «объезжать» Китайгород столицы, т. е. оберегать его «от огня (пожара.— Я. С.) и от всякого воровства». Вскоре после этого он постригся в монахи, очевидно, в Чудовом монастыре, с которым Траханиоты были связаны с конца XV века и в синодике (поминальном списке) которого запись о дочери И. В. Траханиотова Ирине появилась еще до того, как он стал иноком. Тогда же, видимо, старец Иосиф сделался келейником Иова.

В Успенском монастыре Старицы, куда Лжедмитрий I отправил «на покой» первого русского патриарха, в келье с Иовом жил Афанасий Клементьев. Известно, что самозванец сослал и многих чудовских монахов, включая архимандрита Варлаама. Вероятно, среди них был и близкий к опальному патриарху Иосиф, возможно, лично знавший Отрепьева (если верить составленной в середине XVII века «Истории о первом Иове, патриархе Московском», будущий «царь Дмитрий» жил в келье Иова, переписывал там книги).

«История о разорении русском» порой перекликается с «Повестью, како отомсти», написанной в июне 1606 года монахом крупнейшей в стране Троице-Сергиевой обители, который был связан с Архангельским собором Кремля и Чудовым монастырем; скорее всего он происходил из знатной семьи и недавно попал в «дом Сергия чудотворца».

В обоих произведениях подчеркнуто коварство Бориса Годунова, сказано, что никто не знает, сколько людей он погубил, говорится о расправе Лжедмитрия I с его семьей. В «Повести, како отомсти» находим оригинальные данные о скитаниях Отрепьева

по провинциальным монастырям, быть может, собранные в ходе розыска, предпринятого патриаршей канцелярией в 1604—1605 годах. Не исключено, что автором этой «Повести» является Иосиф. В таком случае он был сослан при самозванце в Троице-Сергиев монастырь и после его гибели и воцарения Василия Шуйского вернулся в Москву.

По предположению В. И. Корецкого, Иосиф продолжал заниматься летописанием в окружении патриарха Гермогена. Умер публицист, по всей вероятности, не ранее весны 1613 года, ибо, как свидетельствует В. Н. Татищев, в «Истории» «довольно пространно» излагались перипетии лихолетья до вступления на престол Михаила Романова.

Предположение, что одним из авторов первого патриаршего свода являлся Иосиф Траханиотов, позволяет понять осуждение летописцем Бориса Годунова (при котором он попал в немилость и, возможно, был вынужден постричься в монахи), наличие в «Истории» уникальных сообщений о борьбе вокруг трона в конце XVI века (многие подробности придворной жизни не составляли тайны для казначей), оригинальных известий о начале присоединения Сибири к России (он служил там вместе с братьями Никифором и Тихоном).

Кустанай

Топонимика пушкинских мест

И. Ю. Юрьева

1. Псковская область

Окрестности знаменитого Михайловского в Псковской области имеют древнюю историю, которая интересовала Пушкина и наложила отпечаток на его творчество. Попробуем проследить историю названий пушкинских мест.

Усадьба Михайловское, где Пушкин отбывал ссылку и куда приезжал в разные годы, была заложена в середине XVIII века на месте деревни Зуёво прадедом поэта Абрамом Петровичем Ганнибалом. В одном из писем 1828 года Пушкин именует Михайловское *Зуевым*. Название восходит к неканоническому личному имени (прозвищу) *Зуй*, ср. в Словаре В. И. Даля *зуй* — «провор, бойкий ребенок», «арх. мальчишка, прислужник промышленников, кашевар; морс. юнга».

В XVIII веке топонимическая система только формировалась, и часто один населенный пункт имел несколько названий. Дерев-

ня — предшественница Михайловского была известна под двумя названиями, различными по происхождению, — *Зуёво* и *Устье*. Если первое имеет в основе личное имя, то второе — географический термин. В районе Михайловского Сороть вытекает из озера Кучане, и *устье* здесь — это «исток, выход реки из водоема». Такое значение термина *устье*, противоположное современному, зафиксировано в старинных актах и сохранилось в некоторых псковских говорах (см. Попов А. И. Следы времен минувших).

Усадьба на месте деревни Зуёво (Устье) стала центром владения Ганнибалов — Михайловской губы (т. е. «округа», «волости»). Административная единица и через нее усадьба Михайловское ведут свое название от монастыря архангела Михаила (монастырь существовал здесь до XVII века). Принцип названия усадеб и округов по соседним церквям и монастырям типичен для окрестностей Михайловского. Например, наименование одной из усадеб Ганнибалов в Михайловской губе *Воскресенское* связано с названием приходской церкви *Воскресения Господня на Воронице*; Егорьевская губа — владение соседей Пушкина Осиповых-Вульффов — обязана своим именем Егорьеву монастырю, некогда здесь располагавшемуся.

Интересующий нас Михайловский монастырь упоминается в писцовой книге 1585 года с указанием его местоположения: «Михайловский монастырь с Городища». Подобные названия-ориентиры часто встречаются в псковских и новгородских писцовых книгах XV—XVI веков: *деревня у Погоста, деревня на Белом Лугу*. В нашем случае обращает на себя внимание выбранный ориентир — *городище* «остатки древнего поселения». В славянских языках суффикс *-ище* оформлял первоначально слова со значением «место, где что-либо происходило, находилось», то есть *городище* — это место, где располагался город. О каком же городе здесь идет речь? Об одном из укреплений средневекового «пригорода» Пскова — Вороница. В летописных источниках и актах начиная с XV века приводятся различные варианты его названия: *Воронич, Воронач, наконец, Воронец*.

Археологические данные говорят о том, что древний Воронич был большим городом, его укрепления и монастыри тянулись на несколько километров вдоль реки Сороти, защита проходивший по ней водный путь. О существовании здесь древних укреплений свидетельствуют местные названия *городище, городок*. Об одном из них мы уже говорили: *городище*, где в прошлом располагался Михайловский монастырь, носит теперь название *Савкина горка*. Известен *Городок* возле д. Петровское, на берегу оз. Кучане, а также *Городок* возле оз. Белагуль, неподалеку от Воскресенского.

Главное оборонительное сооружение (детинец) называется *городище Ворбнич* и расположено при слиянии Сороти и пересохшей ныне речки Ворбнец. Если вспомнить, что в псковских говорах существует мена *ц/ч*, становится ясным, что *Ворбнец* и *Ворбнеч* — варианты одного названия. Правда, трудно определить, что первично — название города или реки.

В Древней Руси город часто назывался по имени реки, причем, не основной, а притока, в устье которого он располагался. Как правило, на крупных реках стояло несколько укреплений, и их отличительными признаками были именно притоки, ср. Псков — город при впадении р. Псковы в р. Великую, Полоцк при слиянии Двины и Полоты, Тверь — город при слиянии с Волгой ее притока Тверцы (первоначально — р. Тверь). Подобным образом город Воронич мог получить свое название по имени притока Сороти, речки Воронец. В таком случае первичной формой названия следует считать *Воронеч/Воронец* (топоним оформлен суффиксом *-ец*). В основе названия может лежать древнерусское прилагательное *ворон* — «черный» (ср. многочисленные *Черные реки* на русском Северо-Западе). Речное название *Воронец* встречается часто: на Украине (бассейн Днепра), в Поволжье (бассейн Оки). Однако в нашем случае название реки *Воронец* может быть и вторичным извлечением из прилагательного *воронцакая* (речка), — то есть речка возле города Воронича (сочетание *чс* переходит здесь в *ц*, ср. местное название поворота на Воронич — *Ворбнецкий сворот*). В этом случае первичным должно быть название города — *Воронач* (*Вороноч*, *Воронеч*).

Любопытно, что в окрестностях Михайловского бытует легенда о том, что прежде Сороть именовалась *рекой Сорокой* и стоял на ней *город Ворон* (то есть *Воронич*). Эта попытка объяснить «темное» значение старинного названия — типичный случай «народной этимологии». В настоящее время деревня на месте древнего города называется *Вороничи* — «победила» форма названия *Воронич*, которую употреблял Пушкин.

В первоначальной заглавии трагедии «Борис Годунов», написанной Пушкиным в годы михайловской ссылки, мы читаем: «*Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве писал раб божий Александр сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Ворониче*».

Известен рисунок Пушкина, изображающий характерный пейзаж Тригорского, поместья соседей и друзей поэта Осиповых-Вульффов: городище Воронич в ряду трех близлежащих холмов, которые в местном говоре, да и по всей Центральной России зовутся *горами*. Отсюда и название усадьбы: *Тригорское* — усадьба, расположенная на трех горах.

В годы ссылки поэт часто упоминал Тригорское в письмах: «Адрес мой: в Опочку, в село Тригорское...». Указанный здесь город Опочка известен с XV века как псковский «пригород», в пушкинское время был центром уезда. Название происходит от слова *опока* — др.-русск., ст.-слав. «скала, обломок скалы»; «известняк, глина» (см.: Фасмер М. Этимологический словарь русского языка). Воскресенская летопись XV века приводит форму *Опока* — географический термин в роли топонима. Псковская I летопись указывает название, где основа осложнена суффиксом *-к-* с уменьшительным значением: «поставиша город на Опочке над Великою рекою». Название указывает либо на положение города на известняковом берегу, либо на нахождение поблизости на реке большой известняковой мели. Речные пороги в псковских говорах часто обозначаются словом *опока*, ср. названия порогов, приводимые в книге А. И. Попова «Следы времен минувших»: *Опока* на Сухоне, *Опоки* на Мсте, на Тверце.

Еще одно название псковского уездного города упоминает Пушкин в шутивном экспромте 1817 года, написанном во время первой поездки в Михайловское:

Есть в России город Луга
 Петербургского округа;
 Хуже не было б сего
 Городишки на примете,
 Если б не было на свете
 Новоржева моего.

О названии *Новоржев* А. И. Попов пишет в уже упоминавшейся книге: «Название Новоржев недавнего происхождения и появилось на карте Российской империи как обозначение уездного города только в XVIII в. (с 1777 г.). Однако наименование Ржева... существовало и ранее... К 1536 г. относится сообщение о поставлении нового города «во Ржеве Пустой в Заволочье» (по-видимому, *Заволочье* здесь — это местность за волоком от р. Сороти к р. Полести, на упоминавшемся выше водном пути из псковских земель в новгородские. — И. Ю.).

Сочетание *Новая Ржева* легло в основу современного названия *Новоржев*. На этом примере мы видим тенденцию к упрощению формы географических имен.

Названия средневековых городов, о которых мы говорили, — *Воронич*, *Опочка*, *Ржева*, — возникли в XIII—XV веках, то есть относительно недавно. Наиболее древние географические имена, насчитывающие как минимум тысячелетнюю историю, — это речные и озерные названия, например, р. *Сорогъ*. Это дославянское наименование, вероятно, связано с венским *saга* — «разветвление, раз-

вилаина», что в данном случае обозначает реку — приток Великой. Кроме того, сама Сороть, если двигаться по ней против течения, в верховьях «разветвляется» на три потока — ее образует слияние речек Севки (не отсюда ли название речки *Сивки* в «Историй села Горюхина?»), Уды и Ашевки. Форма названия (на *-оть*) сравнима с речным именем *Верготь* в Новгородской области. Прибалтийско-финское происхождение названия *Сороть* подтверждает его топонимическое окружение, например, название р. *Исса*, притока Великой, отражает финское (суоми) *iso* — «большой», «великий» (вероятно, название *Великая* представляет собой кальку с дославянского финского названия). Однако существует и другая возможность объяснения названия р. Сороть, если принять за основу форму, зафиксированную в Псковской летописи, — р. *Сорога*. Окончание *-ота* характерно для древних балтийских названий Северо-Запада (р. Велькота и др.).

На примере названия *Сороть* мы видим, что дославянские древние наименования с трудом поддаются анализу и, как правило, дают возможность для нескольких вариантов их объяснения. Некоторые из них вовсе остаются «темными». К таким названиям следует отнести *Белогуль*, обозначающее пограничное озеро владений Ганнибалов в Михайловской губе. Судя по писцовой книге 1585 года, первоначальная форма названия — *Бологуль/Бологуля*. Подобным образом оформлены труднообъяснимые речные названия *Алоль/Алоля* в Псковской обл., *Издетель* на Верхней Волге и др. Эти топонимы несут информацию о том, что до прихода славян на Северо-Запад в I тысячелетии н. э. эти земли населяли прибалтийско-финские племена, оставленные ими названия были приняты восточными славянами. Часто процесс усвоения иноязычных топонимов связан с их переосмыслением в духе «народной этимологии». Таким образом была изменена форма названия *Бологуль*. Топоним стал восприниматься как сложное имя *Белогуля*, где первая часть связана с прилагательным *белый*, а вторая соответствует слову *гуля* — «голубь». Согласно распространенной здесь легенде, на берегу озера некогда было явление белого голубя, и в честь этого события озеро стали называть *Белогуль*.

Дославянские названия, составляющие древнейший прибалтийско-финский пласт топонимии этих мест, сравнительно немногочисленны. Большинство названий здесь славянские по происхождению. Два озера рядом с Михайловским, воспетые Пушкиным, называются по-славянски: *Маленец* и *Кучане*. Писцовая книга 1585 года упоминает «озерко Маленец». Форма *озерко* и само название с древнерусской основой *мал* — «маленький» говорят о небольших размерах озера. Второй, более крупный водоем, в писцовой книге

назван так же, как и город Воронич, — озеро *Воронач*. Наименование *Кучане* это озеро получило позже, когда стало считаться угодьем деревни Кучане, расположенной на его берегу. Форма названия говорит о происхождении его от родового имени *Куча* с помощью патронимического суффикса *-ане*. В XVIII веке на месте д. Кучане А. П. Ганнибалом была заложена усадьба Петровское, названная, по-видимому, в честь Петра I. Ныне это деревня Петровское, ее жители часто именуют озеро Кучане *Петровским озером*. Таким образом, по письменным источникам, начиная с XVI века мы можем проследить изменение названия озера: *Воронач* — *Кучане* — *Петровское*. На этом примере виден процесс последовательного перенесения на озеро названий населенных пунктов: сначала — располагавшегося здесь укрепления города Воронича, в дальнейшем — деревни Кучане (озеро было ее угодьем), наконец — сельца Петровского, когда озеро стало принадлежностью нового поместья А. П. Ганнибала.

В рассказе о псковских пушкинских местах нельзя обойти вниманием старинный Святогорский монастырь, где находится могила поэта.

Монастырь-крепость возник в середине XVI века (1566 год) на месте одного из укреплений Воронича. В летописном известии об основании монастыря говорится о явлении чудесной силы «на Синичьих горах на Городище». Здесь зафиксировано старинное местное название *Синичьи горы*, где в сочетании с распространенным географическим термином выступает притяжательное прилагательное *Синичьи*, образованное, вероятно, от неканонического личного имени *Синица*. В честь основания монастыря холмистая местность, на которой он расположен, получила новое название — *Святые горы*, и монастырь стал именоваться *Святогорским*.

Вскоре, после «разорения» Воронича войсками Стефана Батория в 1581 году, монастырь стал центром округа, рядом с ним выросло крупное поселение, сюда переместилась торговая жизнь города с проводимыми несколько раз в году ярмарками (их любил посещать Пушкин в годы ссылки).

В письмах Пушкина мы находим упоминания о Святых горах: «Еду завтра в Святые горы...». Здесь поэт имеет в виду не только сам монастырь, но и окружающий его поселок, который называли в то время *Святые горы*, хотя официальное его наименование было *слобода Тоболенец*. Название происходит от имени небольшого оз. *Тоболенец*, по форме оно аналогично приведенному выше названию оз. *Маленец*, а в основе восходит к др.-русск. *тоболец* — «сума, мешок». Топоним *Тоболенец* можно поставить в ряду многочисленных названий озер, оврагов *Кузовок*, *Ендова* и др. Здесь

проявляется общая закономерность формирования русской топонимии: метафорический перенос наименований предметов быта, посуды на географические объекты.

В настоящее время оба названия населенного пункта вокруг монастыря — официальное *Тоболенец* и неофициальное *Святые Горы* — утрачены. В честь столетней годовщины ссылки Пушкина в Михайловское в 1924 году поселок был переименован. Теперь центр Государственного музея-заповедника А. С. Пушкина и районный центр Псковской области носит мемориальное название *Пушкинские Горы*.

2. Верхняя Волга

Пребывание Пушкина в Псковской губернии связано, в основном, с михайловской ссылкой. После ее окончания в 1826 году начинаются годы странствий Пушкина, когда он часто посещал тверские земли, лежащие по дороге из Петербурга в Москву. В таких древних городах, как Тверь, Торжок, Старица, Пушкин бывал проездом, но названия их упоминаются в его переписке, а в поэтических произведениях становятся символом путешествий его и его героев, входят в образ «государевой дороги» из Петербурга в Москву:

Тоска, тоска! спешит Евгений
Скорее далее: теперь
Мелькают мельком, будто тени,
Пред ним Валдай, Торжок и Тверь.

Тверь — центр Тверского княжества — получила свое название от имени притока Волги, в устье которого стоит город, — р. Тверь (ныне — р. Тверца). Первоначальная форма этого названия *Тъхверь* отмечена в грамотах XIV века и летописных источниках (Новгородская I летопись). Название это дославянское, прибалтийско-финское и имеет топонимические параллели в зоне распространения прибалтийско-финских языков: р. Тихвера в б. Олоонецкой губ., фин. *Tihvegä* в б. Выборгском уезде Петербургской губ., г. Тихвин и р. Тихвина в б. Новгородской губ., верхневолжские реки Тихвина и Тихвинка. Название *Тъхверь/Тверь* содержит типичный структурный элемент прибалтийско-финских названий гидрообъектов *-ерь* (ср. первоначальную форму названия оз. Селигер — *Сереерь*).

На реке Тверце, выше по течению, расположен старинный новгородский городок Торжок (известен с XII века). Название *Торжок* (первоначально *Новый Торг*) говорит о значении города как места

торга на водном пути из Мсты в Волгу, из Новгорода к центру России. Первоначальная форма *Новый Торг* объясняет название жителей города — *новоторы*, которое сохранялось уже после того, как сам город стал именоваться *Торжком*.

Город *Старица* возник при слиянии Волги и ее притока р. Верхней Старицы (в нескольких километрах от города ниже по течению Волги в нее впадает речка Нижняя Старица). Обе небольшие речки сильно петляют в заболоченных низинах. Вероятно, свое название они получили потому, что часто меняли русло, образовывали новые протоки, оставляя *старицы* — «сухоречья». Город Старица упоминается в актах с 1517 года, встречается также название д. *Старица* в Новгородской писцовой книге Деревской пятины 1496 года. В обоих случаях названия населенных пунктов вторичны по отношению к наименованию рек, для г. Старица тому есть косвенное подтверждение в летописи (сообщается об основании города «на Старице» и «на Волге»): «...Срублен бысть городок на Волзе, ко Зубцову, на Старице».

На верхней Волге есть места, где Пушкин не только бывал проездом, но и останавливался подолгу, где он много и плодотворно работал. Это тверские имения его соседей по Михайловскому Осиповых-Вульфов — Малинники, Павловское, Верново.

Верново упоминается в «Пескаревском летописце» XVII века под 1533—1534 годами: «...От Старицы отъехал верст с 60 до Новоторжского уезда до Берновых села...» (т. е. села, принадлежащего Берновым). Писцовые книги, акты, летописи часто обозначают деревни, не имеющие названий, по их принадлежности, например, «починок Федка Седкова», «деревня Иванка Торицы». В эпоху развития феодальных отношений отличительным признаком населенного пункта была его принадлежность данному владельцу, этим объясняется возникновение многочисленных владельческих названий, оформленных суффиксами *-ов/-ин* (*-ово/-ино*). Процесс формирования таких наименований позволяет проследить писцовые книги, которые фиксируют несколько этапов переписи, например: *починок Федка Седкова* — *починок Федков*; *деревня Иванка Торицы* — *деревня Иванково* (примеры взяты из писцовых книг Тверского уезда XVI века).

Летописная фиксация «Берновых села» интересна тем, что в том же источнике употребляется название *Берново* («из Бернова»), представляющее собой основу фамилии владельцев с окончанием *-о*, но по форме соответствующее названиям с суффиксом *-ов* (ср. выше Иванково — «деревня Иванка», в нашем случае Берново — основа на *-ов* + окончание *-о*). Здесь отмечен важный момент формирования современного наименования *Берново*, которое первонач-

чально употреблялось параллельно с сочетанием «село Берновых» и лишь со временем вытеснило его.

Название усадьбы Вульфов *Павловское* (как и *Берново*) имеет в основе фамилию владельцев. Оно оформлено суффиксом притяжательности *-ск* и обозначает деревню, принадлежащую Павловым. В письмах Пушкин называет усадьбу по-разному: *Павловское* и *Павловск*, ср. в другом письме *Trigorsk* – *Тригорск*, то есть *Тригорское*. Более употребительно название в форме притяжательного прилагательного – *Павловское*.

В отличие от предыдущих, название *Малинники* связано не с личным именем, а с нарицательным словом *малинник* – «заросли малины». Наименования, в основе которых лежат нарицательные слова, обозначающие характер растительности, встречаются довольно часто: *д. Березник*, *д. Осиновик*, *д. Дубровка* и др. Как и в нашем случае, названия могут иметь форму множественного числа (в значении единственного) – *д. Дубровицы* (ср. *Малинники*).

В пушкинских местах идет естественный процесс появления «вторичных» названий, связанных с поэтом. Так, в окрестностях Михайловского появилось название *Три Сосны*. Оно восходит к стихотворению Пушкина «Вновь я посетил...» (1835 г.). Действительно, на границе Михайловского стояли рядом две сосны, а одна «поодаль», впервые их объединил Пушкин в поэтическом образе, и теперь не только это место, но и близлежащая стоянка автобусов носят название *Три Сосны*.

С образами пушкинской поэзии связано и наименование горки *Парнас* в парке Бернова, а старинный дуб в соседнем Павловском местные жители называют *Пушкинским дубом*.

Так имя Пушкина и образы его поэзии переходят в названия пушкинских мест, знаменуя собой сохранение в народе памяти о нашем великом поэте.

В ИСТОРИЧЕСКИХ ИМЕНАХ — СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Словом создавать города

В. В. Фадеев

зык — это мир, в котором человек живёт. Человек вырастает в родном языке, глядя на мир глазами этого языка. Слова и имена разных языков, в том числе названия городов и улиц, — это образ видения мира. Так, русские города Псков, Брянск в первоначальной огласовке — *Пльсковъ*, *Дьбрянскъ*, несут в своих именах как бы вслушивание в плеск воды, тишину лесов, всматривание в красоту природы. Недаром Вильгельм фон Гумбольдт, немецкий филолог, один из виднейших представителей классического гуманизма, подмечал, что способ наименования вещей и явлений — это способ отношения к вещам и явлениям, который становится рано или поздно образом жизни.

В английском языке такие важные слова, как *народ* и *язык* никогда не были синонимами, а в русском — были. Достаточно вспомнить пушкинское: «И назовет меня всяк сущий в ней язык». Язык — это народ. Какое-либо изменение в жизни его несет и изменение языка, потому что человека также затрагивают любые изменения в том, что его окружает, что ему ближе всего, что его постоянно определенным образом настраивает на жизнь.

Размышления о языке как способе видения мира, способе бытия, было, как мы понимаем, в особенности, свойственно народу, который именовал себя «словене», то есть «народ, имеющий свое слово», свой язык «в противоположность „тем, кто его не имеет“» (Менгес К. С. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 33). Эта любовь к слову, внимание к языку хорошо видны на примере «Слова о полку Игореве»: «Не лепю ли ны бяшет, братие, начати старыми словесы...» Спросим себя, много ли у нас уцелело памятников языка, столь же непосредственно поэтических, как «Слово...»? Имеем ли мы право уничтожить хотя бы один из них?

Сложение имени города похоже на сгущение и всплеск в корнях языка, похоже на тот языковой отбор и игру, в которой рождается поэзия, и сложение имени для города или улицы — дело общее, былинку тоже сочинял и пел, передавая из уст в уста, целый народ.

Псков, Брянск, Смоленск, Киев, Новгород, Тверь, Чернигов, Переяславль, Белгород, Орел, Воронеж, Кострома, Рыбинск, Минск,

Рязань — не просто названия, а непогасшие очаги древней культуры, подобные «Слову о полку Игореве». На исконном названии всегда запечатлена загадочная улыбка древней культуры, оставившей нам в наследство *Полянку, Таганку, Мытную*. Такое имя — целая поэма, сгущенная в одном-единственном слове, через него нам открывается путь, ведущий в бездну наших истоков — исторических корней. Любое исконное название доносит до нас образ мира, который создавался и обживался тысячелетиями.

Имея прямой доступ к первоначальному образу мира, мы имеем источник нашего поэтического бытия, когда культура ложится на нас не просто поверхностным лакирующим слоем, а когда вырастает связь с бытийными истоками, задается настроенность на сбережение определенных ценностей. Одним словом, когда язык чистыми водами из своих глубоких источников — поэзии и философии — омывает мир, окружающий человека, тогда человек начинает вслушиваться в голос бытия, запечатленный прежде всего в именах и названиях.

Имя и название не просто обозначают место чего-то во времени и пространстве, они еще и собирают вокруг себя пространство и время в историю, одновременно давая им жизнь. Киев и Новгород, Москва и Владимир, Тверь и Рязань — не просто веки, страницы или имена истории. Это те «гвозди», на которых история и культура держатся. Не надо делать вид, что наша культура построена «без единого гвоздя». Нельзя думать, что, уничтожив источники, засыпав их песком забвения, можно создать что-либо равноценное, что отвечало бы глубоким духовным запросам народа.

Любое имя разделяет общую судьбу с языком, и было бы хорошо, если бы мы не забывали, что язык является источником, хранителем культуры. И по отношению к своему языку можно судить об уровне культуры народа. Жизнь народов, равнодушных к утратам языка, неполна и неглубока прежде всего в поэтическом измерении. Интересно, что русские мыслители Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, В. С. Соловьев, Л. И. Шестов, Г. Г. Шпет и другие прозорливо предостерегали, что отказ от поэзии, понимаемой широко, приведет к измельчанию, торжеству поверхностного в жизни. Но разве это так страшно? Да, страшно, так как это ведет к всеобщему оскудению, одичанию, звероподобию. Язык захлестывает сниженная лексика; люди называют друг друга «музык», «пацан», «телка», «девка», «харя» и т. д.

Сегодня мы откровенно признаем, что судьба культуры в нашей стране поистине драматична. В сталинский период ей выпала тяжелейшая доля разрушения — отсечения существовавших связей с предыдущими культурными эпохами. При помощи простого приказа

стало возможным за один день переименовать Тверь в Калинин, Царицын в Сталинград, Мариуполь в Жданов и т. д. Волна произвольных переименований прокатилась по всей стране. Последовательно осуществляемый диктат вел от многообразия к однообразию, от плюрализма, естественного в культуре, к тоталитаризму — господству в умах и на карте одной-единственной идеи.

Известно, какая существенная разница есть между именем нарицательным и именем собственным, ведь собственное имя — это особая форма слова, особый способ его бытия. Имя собственное — это собственность отдельного человека или народа, как жилище, орудия труда или искусство. Осваивая мир, человек открывал свое бытие в назывании его «своим», «освоенным», «собственным».

Но и собственные имена подверглись обобществлению, огосударствлению в 20-е, 30-е годы. Чего стоят одни только личные имена типа *Индустриализация*, *Электрификация*, *Ким* (Коммунистический интернационал молодежи), правда, быстро отошедшие в область курьезов. Предпринята была даже попытка огосударствления самого языка (как бы парадоксально это ни звучало) методом внесения в него многочисленных изменений. Так или иначе, государство присвоило себе право ономотета, изначально принадлежавшее народу — государство теперь давало имена городам и весям.

Имена вождей и их приспешников, а также возведенные в ранг собственных имен ключевые идеологические понятия и абстрактные термины покрыли страну плотным покрывалом однообразия, создав эффект бесконечного повторения в разных падежах одного и того же слова: *Сталино*, *Сталинири*, *Сталинград*, *Сталиногорск*, *Сталинабад*, *Переомайск*, *Советск*, *Коммунарск*, *Комсомольск*.

В ходе перестройки мы потянули за ниточку изживших себя имен Жданова, Ворошилова, Брежнева, Черненко, Устинова — и перед нами во весь рост встала проблема в о з в р а щ е н и я. Возвращения к языку, к имени, а значит, к собственному бытию. Исконные названия, как в сказке, возвращаются сами, почти без нашей помощи, ведь корни прерванных по воле диктата связей были глубоко спрятаны в почве культурной настроенности, они сохранялись и давали новые всходы. Ведь в живой речи стойко употреблялись прежние имена *Тверская*, *Охотный ряд*, *Знаменка*, *Остоженка* наряду с новыми, табуировавшими их названиями, только для старого названия нужен был особый, доверительный, тон, особое расположение к собеседнику или особое настроение духа.

Язык опирается сам на себя, помогает себе сам, но это, конечно, не значит, что мы можем быть безучастны к судьбе имен и к их возвращению. Такие названия, как *Жданов*, *Калинин*, *Горь-*

кий, присваивались сверху путем диктата, и из-под них всегда проступала изначальная простота прежних имен. Язык приобщил нас к этой простоте, и сейчас она через нас должна вернуться к жизни. Можно спорить о личности Андропова, но название *Рыбинск* — просто и ясно без долгих разговоров. Устами этого названия говорят история и культура русского Севера.

Хорошо, что мы стали сегодня настолько поэтически чуткими, что прислушиваемся к именам, прежним и новоявленным, вслушиваемся в них и отделяем зерна от плевел. Мы словно прониклись словами поэта, сказавшего: «Дурно пахнут мертвые слова». И слышим, насколько мертвы они.

В том же стихотворении Гумилев говорит: «Словом разрушали города...», а у нас есть сегодня уникальная возможность и достаточно воли, чтобы словом (именем) создавать города, возвращая им исконные названия.

Не только возвращение...

Л. Т. Масенко,

кандидат филологических наук

топонимическая система Украины так же, как и во многих других регионах нашей страны, подверглась основательному разрушению.

На фоне общесоюзной проблемы возвращения исторических географических наименований в нашей республике существует ряд специфических проблем в области топоними, вызванных прежде всего резким сужением сферы употребления украинского языка. Если оценивать нынешнюю языковую ситуацию, сложившуюся в республике, исходя из реальных фактов, а не из фальшивого официозного оптимизма прошлых лет, то следует говорить не об украинско-русском двуязычии, которое предполагает равноправное сосуществование двух языков, а о диглоссии — ситуации, когда один язык (в данном случае украинский) вытесняется другим.

В большинстве городов республики украинский язык фактически не функционирует как средство общения в устной речи. Ограниченным является и его употребление в некоторых письменных стилях, в частности в административно-деловом, юридическом, научном. Провозглашенное «отцом всех народов» слияние языков в

недалеком светлом будущем-Царстве Единоязычия и Единомыслия — форсировалось негласно введенной политикой сознательного сужения активного лексического фонда украинского языка, размывания его специфических лексических и грамматических особенностей путем максимального сближения с русским языком, массового калькирования русскоязычных слов и выражений. Одним из недавних свидетельств подобного административного вмешательства во внутреннее развитие языка является доведенная до абсурда в годы застоя борьба с диалектными словами в языке украинской художественной литературы.

Обе тенденции сталинско-брежневской языковой политики в отношении украинского языка отразились в топонимии республики. Внешнее сужение сферы функционирования украинского языка нашло «топонимическое» выражение в повсеместной замене украиноязычных форм наименований русскоязычными, особенно интенсивно проведенное в 70-е годы. Следует учесть при этом, что еще с дореволюционного времени установилась традиция передачи украинских географических названий в русском языке по принципу перевода, а не транскрипции: *Львов*, а не *Львив*, *Николаев*, а не *Мыколаив*, *Белая Церковь*, а не *Била Церква*, площадь *Красная* (в Киеве), а не *Червона*, что совершенно лишает их в русскоязычной передаче национальной звуковой специфики. Подобная традиция употребления украинских наименований при отсутствии параллельных украинских форм, безусловно, играет определенную отрицательную роль, деформируя восприятие украинской ономастики ее носителями.

О том, насколько глубоко проникла в наше общество бацилла национального нигилизма, свидетельствует тот факт, что даже нынешние процессы демократизации и гласности не могут остановить запущенный в прежние годы маховик искоренения украинских форм наименований. Так, уже в 1988 г. в г. Виннице и некоторых районных центрах Винницкой области были заменены все таблички с украиноязычными наименованиями улиц на русскоязычные. Одной Виннице эта акция обошлась в 100 000 рублей.

Вторая тенденция сталинско-брежневской языковой политики — размывание специфических лексических и грамматических особенностей украинского языка — выразилась в массовом распространении на территории Украины официально узаконенных «суржиковых» наименований, образованных путем украиноязычной фонетической адаптации русских лексем, таких, как *Первомайка*, *Первомайськ*, *Первомайське*, *Первомайський*, *Победа*, *Победине*, *Победине*, *Советське*, *Октябрьське*, *Октябрица*. Последнее название можно отнести к разряду особых «шедевров» современного адми-

нистративного топонимического творчества. Суффикс *-щина* с территориальным значением является характерной особенностью украинского языка, в соединении же с русской лексемой *октябрь* он придал ей иную, нежелательную семантическую окраску, так как в русском языке образования на *-щина* ассоциируются прежде всего с группой собирательных имен существительных с негативным значением (*военщина, аракчеевщина, ежовщина* и под.).

Не спасает ситуацию и то, что на территории Украинской ССР все же больше *Жовтневых, Перемог* и *Першотравневых*, чем *Октябрьских, Побед* и *Первомайских* (Жовтневых — 96, Перемог — 27, Першотравневых — 49, тогда как Октябрьских — 18, Побед — 9 и Первомайских — 36). Массовость этих и подобных им стереотипных наименований создает унылую, безликую топонимическую картину, лишенную какой-либо ценной исторической информации. Прискорбно, что в большинстве своем эти банальные имена заменили старые названия, являющиеся подлинными памятниками национальной истории и культуры. Так, в современном Первомайске Николаевской области слились три старых поселения, носивших наименования *Голта, Богополь* и *Ольвиополь*, каждое из которых имеет свою интересную этимологию и историю и вполне заслуживает сохранения в наименовании города или его района.

Таким образом, восстановление разрушенной топонимической системы Украины предполагает не только возвращение старых исторических наименований, но и упорядочение ее в соответствии с лексическими, грамматическими и правописными нормами украинского языка.

Исторические названия, исчезнувшие в потоке массовых переименований прошлых десятилетий, являются выпавшими звеньями, которые необходимо вернуть ради восстановления прерванной связи времен.

Киев

Названия деревень — часть народной культуры

З. В. Рубцова

воспоминаниях А. М. Лариной (Бухариной) есть эпизод, раскрывающий мотивы и технику первых советских переименований. Рассказывая о своем отце, она пишет: «Его трогали даже мелочи, к примеру, название деревни Кобылья Лужа. Однажды, проезжая мимо этой деревни, Ларин решил зайти в сельсовет и поговорить с председателем о ее переименовании. Председатель оказался на месте. „Уж слишком некрасивое название досталось вашей деревне от дореволюционного прошлого, надо придумать новое“, — сказал Ларин. Председатель легко согласился. Вскоре, когда отец вместе со мной опять оказался около этой деревни, он издала увидел вывеску на избе сельсовета: „Деревня Советская лужа — советсколужинский сельский Совет“» (А. М. Ларина. Незабываемое. — «Знамя», 1988, № 11).

По реакции Ларина, знавшего, судя по этому случаю, лишь «элитарную» часть русского языка и не подозревавшего о многозначности слова *лужа* (помимо общеизвестного значения *лужа* в народе известны: «болотце», «озерко», «запруда», «залив реки», «низкий участок луга» и т. п.), видно, что он был в равной мере шокирован обеими составными частями названия. Председатель же, вероятно, не раз пользовавшийся словом *кобыла* не только по отношению к лошади, усмотрел недостойность лишь в первой части имени, что и решило судьбу названия.

Первые советские переименования производились, как видим из приведенного примера, «без суда и следствия», лишь позднее они стали документироваться, но все связанные с этим решения безлики и безымянны: установить, кто же был их инициатором в каждом конкретном случае, невозможно. Однако следующий пример, впрочем, так же, как и первый, еще раз показывает, что инициатива шла не от местных жителей. Авторами переименований сельских населенных пунктов были люди посторонние, в основном наезжавшие временами агитаторы, затем двадцатипяти тысячники и иные некоренные жители, подтверждением чему могут служить такие топонимы происхождения 20–30-х годов, как *Моряк*, *Пролетарский*, *Красная Печать*, *Рабочий Путь*, *Рабочая Кадра* и т. п.

Живая для того времени революционная символика отражена в типичных наименованиях и переименованиях: *Звезда, Заря, Рассвет, Свет, Новый Луч; Новая Жизнь, Новый Быт, Жизненные Волны; Победа, Труд, Победа Труда, Разумный Труд, Труд Тридцати, Труд и Свобода, Прогресс Труда; Путь Ленина, Революционный Путь* (ныне официально *Ревпуть*), *Красный Путь, Верный Путь; Красный Пазарь, Сеятель; Большевик, Коммунист, Коллективист* и, конечно, неисчислимые *Первое Мая, Первомайские, Октябрь, 15 лет Октября, Красный Октябрь, Октябрьские* и т. п.

К сожалению, процитированный русский топонимический материал еще не исследован и не дает возможности проследить семантические закономерности переименований, поэтому перейдем к белорусским примерам, где такая возможность есть. В первые же годы после революции, задолго до массовых переименований 30-х годов, были упразднены одиозные для того времени ойконимы: две деревни *Романово* стали именоваться *Ленино*, одна — с 1918, другая — с 1921 г., в 30-м году к ним присоединяется *Поповка*, которая тоже получила имя *Ленино*. Затем с карт стали исчезать топонимы, образованные от основ *князь, граф*, названия, связанные с религиозной тематикой, неблагозвучные с точки зрения имядателей имена: *Царевск*→*Киров* (1935 г.); *д. Князи*→*Вторая Пятилетка* (1938 г.); *д. Короли*→*Большевик* (1938 г.); *Иконки*→*Ульяновка* (1938 г.); *Чертовщина*→*Парижская Коммуна* (1938 г.); *Тараканы*→*Красная Новь* (1938); *Страшные*→*Новый Строй* (1939 г.) и т. п.

Иногда новые названия связаны со старыми более скрытыми смысловыми связями; так, в 1938 г. топоним *Усы*, по всей вероятности, задел воображение очередного посланца в деревню, и он не без юмора дал ей новое название — имени *Буденного*. Возможно, он же переименовал мирное *Чепелино* в боевое имени *Чапаева*, следуя на этот раз своим звуковым ассоциациям. «Наши отцы и деды мечтали о мировой революции и давали городам и улицам имена вождей мирового пролетариата, Первомай, Восстания, Революции, Октября. Что тут худого?» — недоумевает известный топонимист Е. М. Поспелов (*Социалистическая индустрия*, 1988, 27 августа). А худого, как увидим дальше, оказалось достаточно.

Когда в 60-х годах началась вторая волна массовых переименований, и при этом оказалось, что мода на резкие, как пистолетный выстрел, топонимы типа *Путь, Мир, Жизнь, Свет, Луч, Маяк* и т. п. прошла, то неожиданно выяснилось, что мы вдруг стали стесняться «простецких», по выражению доктора Поспелова, названий типа *Горелово, Неелово, Неурожайка тож*, на которых

прежде держалась вся наша топонимическая система, и принялись заменять их «изысканными» прилагательными — *Клубничный, Весенний, Озаренный, Садовая, Похвальный, Смелый...* Железнодорожную станцию *Святое*, по-прежнему оскорблявшую чувства неведомого атеиста, в духе нового времени заменили на *Земляничное*. Как и прежде, все это делалось отнюдь не по инициативе местных жителей, косвенным свидетельством чему могут служить многие переименования в Белоруссии, где на месте белорусского топонима в результате оказался русский: *Колония Ровино*→*Сиреневка*, *Дерюги*→*Ковровая*, *Блевки*→*Восход*, *Кобылье*→*Октябрьское*, *Самодуровщина*→*Родина*, *Бычки*→*Отрадное* и т. п. По-белорусски было бы соответственно — *Бэзаўка, Дыванбвы* или *Кілімавы, Усход, Кастрычніцкае, Радзіма, Уцёшны*, однако подобных топонимов в Белоруссии нет. При этом русский топоним *Отраднов* белорусами воспринимается не как «радостный», а как «отрядный», что едва ли входило в намерения имядателей.

Таким образом, первым и непосредственным следствием того, что в топонимическую систему были в массовом порядке вмонтированы названия сначала типа *Пятая Статя Конституции* (первоначально хутор в Молдавской АССР; позднее название сократилось, стало просто *Пятая Статя*, и в этой форме в составе Котовского р-на хутор был передан в УССР. Ныне он переименован — с. *Чапаевка*), затем типа *Клубничный*, явилось изменение естественно сложившегося словарного состава топонимии.

Вторым следствием стала полная утрата живых словообразовательных связей: слова, казалось бы, свои, взятые из русского лексикона, — а ни прилагательного не образуешь, ни жителя такого села не знаешь, как назвать... Вот деревня *Урожайная*. И сельсовет в ней — *Урожайный*, и больница, и школа? А жители? Тоже — *урожайные*? Или *урожайцы, урожайницы*?

Третье следствие омертвения топонимической системы в полной мере обнаружилось в 70-е годы. К этому времени переименования на селе пошли на убыль, но если прежде естественным было соотношение *Тверь*→*Тверская губерния*, *Бежецк*→*Бежецкая волость*, то в наше время подобная связь стала необязательной: *Андроповский р-н* — центр с. *Курсавка* (Ставропольский край), *Путовичский р-н* — центр п. *Марьяна Горка* (БССР) и т. п. При этом даже ярко выраженный алогизм нередко остается незамеченным имядателями, например: *Пионерский сельсовет* с центром в д. *Упокой*, *Октябрьский сельсовет* с центром в д. *Погорелье* (Смоленская обл.); колхоз *Победа* с центром в д. *Баклуши*, одноименный колхоз с центром в д. *Кормежка*, колхоз *Вперед* с центром в с. *Скачиха* и т. п.

Утраченное чувство родного языка еще определеннее проявляется в беспомощности топонимического имьятворчества, поэтому почти в каждой области страны есть до полусотни новых названий сельских поселений следующего типа: *пос. Подсобного хозяйства управления авторемонтных заводов* (Калужская обл.), *пос. Двадцать пять лет военконезавода* (Ростовская обл.), *пос. Лоснинского гравийно-щебеночного завода* (Смоленская обл.), *пос. Четвертого производственного отделения овцесовхоза им. Фрунзе* (Саратовская обл.) и т. п.

Симптоматично, что нынешние сотрудники рай- или облисполкомов, вынужденные по существующему положению заниматься и географическими названиями, с большим напряжением в россыпях русского языка находят новые имена и их мотивировки, усердно пополняя при этом полюбившуюся серию «клубничных» названий: *пос. Ольгинский овощесовхоз, «самый благоустроенный, призер ВДНХ, расположен в живописном месте»*, поэтому в 1984 г. получил название *Дивный* (Ростовская обл.); *пос. Центральной усадьбы винсовхоза «Волгодонской» № 2*, в котором «гроздья растущего вокруг винограда напоминают жемчуг», по этой причине в 1986 г. стал *Жемчужным* (из материалов Постоянной междуместной комиссии по географическим названиям при Главном управлении геодезии и картографии при Совете Министров СССР).

Нередко плоды новаторских поисков весьма далеки от родного языка. Так, *пос. Центральной усадьбы птицефабрики «Свободный Труд»* (Ульяновская обл.) в 1986 г. обрел имя *Безречный*, поскольку «около населенного пункта нет ни одной реки». В былые времена на Руси в таких случаях возникали деревни *Сухие, Сухие Ляды, Суховой, Суховилы, Суходолы, Суходолья, Сухие Починки, Сушни, Сушаны*, а теперь — *Безречное* (населенный пункт без реки? Или без речи? Немое?).

Таково нынешнее состояние нашей топонимической системы, существенной части народной культуры.

К нашей чести следует сказать, что помимо официальной топонимии, зафиксированной в справочниках административно-территориального деления и на картах, здравствует народная система географических имен. Неслучайно жива, например, частушка, сплошь состоящая из названий родных мест:

Свистуново, Сасыно,
Дубровино, Тарасово,
Кокрево, Клеопино,
Благинино, Сорокино.

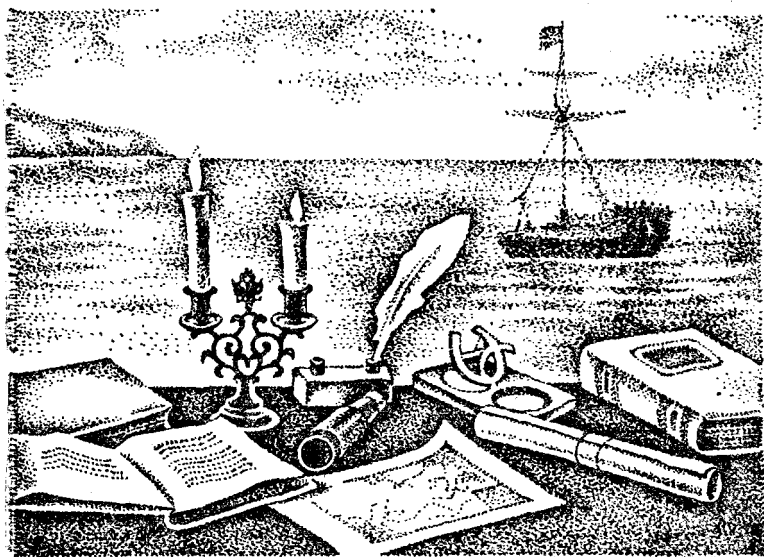
(записана от С. П. Колоколовой, москвички с 1942 года, родом из села Юрьевского, Калининской обл.). Народная топонимическая

система проявляется также в упорном сохранении прежних названий и в переработке неуклюжих канцелярских псевдоназваний. Так, деревню *Олесскую* (БССР), переименованную в 1919 г. в *д. Роза Люксембург*, местные жители по сию пору называют *Олеськá*. *Поселок Муратовского щебеночного завода* (Калужская обл.) в самом поселке называют *Муратовский карьер*, *поселок Марьинского завода* — просто *Марьинский* и т. д. Необходимо дать дорогу таким топонимам, заменить унылый топонимический канцелярит животорным народным языком. Это — одна из важнейших задач, поставленных, в частности, недавно созданным обществом «Энциклопедия Российских деревень». Но прежде нужно собрать банк народных названий, чтобы было откуда черпать. При этом важно поместить в такую копилку не только названия самих деревень и сел, но и весь окружающий их микромир: названия рек и ручьев, болот, полей, лесов, оврагов и т. д. Не менее важно выявить, как называли жителей этих деревень всерьез и в шутку, какие фамилии были самыми частыми.

Однако сбор такой информации должен быть профессиональным, иначе он во многом теряет цену, утрачивает местный колорит. Важно правильно услышать произношение и ударение, определить грамматический род названия в его естественном речевом контексте, не упустить возможные варианты топонима и т. п. Вот почему надежнее всего, если бы такую работу взялись выполнить учителя русского языка — в русских деревнях, татарского — в татарских и т. д.

От редакции: Если Вы, читатель, захотите участвовать во Всероссийской переписи народных географических названий, Вам необходима будет программа (вопросник); ее Вы сможете получить по адресу: 107814, ГСП, Москва Б-78,

Б. Харитоньевский пер., 21. «Энциклопедия Российских деревень».

Над судовыми журналами «Святого Иоанна»

Б. И. Кошечкин

В 1612 году в Нидерландах была издана тайно вывезенная из Москвы голландским купцом Исааком Массой карта «Северной России, страны самоедов и тунгусов». На ней было показано северное побережье Московского государства, включая неизвестные тогда в Европе берега Сибири вплоть до устьев Енисея и Пясины и южная часть Новой Земли. По обычаям того времени, карта была изукрашена рисунками и виньетками, изображавшими города и остроги, диких жителей края, обитавших там экзотических животных. К западу от пролива, разделяющего северный и южный острова Новой Земли, рука картографа нанесла плывущие в море корабли, а рядом — высывающиеся из воды усатые морды тюленей, украшенные клыками фигурки моржей. Стало быть, уже тогда, на грани XVI и XVII столетий, новоземельские воды были местом промысла морского зверя, добычи драгоценного

«рыбьего зуба» — моржовых бивней, так ценимых на рынках Европы. Об этом же свидетельствует относящийся к 1647 году текст документа двинского таможенного головы Матвея Черкасова, упоминающего о том, что «с Новой Земли с кожей и с салом моржовым и с костью рыбаь зуба на Колмогоры и в Двинский уезд торговых и промысленных всяких людей в приезде было много».

Среди русских промышленников, посещавших Новую Землю в последующие годы, в первую очередь известны имена жителей Мезени, Пинеги, Пустозерска. Были среди них и выходцы из западного Поморья — посланцы Олонца, Шуи, Даниловского монастыря на Выге. Но к концу XVIII века смелые походы поморов на север стали редкостью. Положение изменилось лишь в начале XIX века, когда в 1831 году беломорский промышленник из Сороки Иван Гвоздарев, по совету известного исследователя Новой Земли П. К. Пахтусова, возобновил традицию поморского промысла в новоземельских водах.

...Передо мной четыре, размером в полный бумажный лист, не слишком толстые тетради, исписанные четкой затыливой скорописью. Это — извлеченные из архива судовые журналы поморской лоды «Святой Иоанн» кемского промышленника и вожака артели зверобоев И. А. Богданова, записи о его плаваниях на Новую Землю в 1835, 1836, 1837 и 1838 годах. Первые несколько листов каждой тетради заметно повреждены, высохшие бумажные листы осыпались по углам. Чернила здесь частью выцвели, частью расплылись от влаги. Зато дальше текст сохранился полностью и дает достаточное представление об этих плаваниях.

Первая часть пути судна — по Белому морю. Она была издавна знакома большинству участников плавания. То был путь к Мурманским промыслам, часть «Хода из Кеми до Нордвегии» древних поморских лодий, рукописи которых хранились во многих рыбацких семьях. Один из списков, созданный здесь, в Кеми, содержал и раздел «Подробны описания курсов», в котором были названы все основные пункты по этому маршруту. Большинство этих же названий повторяется и в журнале Богданова.

Выйдя из Горла Белого моря, «Святой Иоанн» направился на запад, в Лумбовку — традиционное место рыбного промысла кемля, рыбацкое становище, упомянутое еще в писцовых книгах XVII века. Стоянка в Лумбовском заливе затянулась. «Бог знает, когда будет способный поветерь», — записал вахтенный «Святого Иоанна». Попутный ветер подул лишь спустя неделю, и судно тотчас вышло в открытое море.

В журналах оказались зафиксированными все изменения курсов корабля. При этом наименование румбов, или ветров сделано

по общепринятой на Русском Севере терминологии, зародившейся еще в Новгороде, а по мере продвижения новгородцев на север получившей распространение на Ладого, а затем и в Поморье.

Названия четырех сторон света связывались с положением солнца. Север, где солнце находилось в полночь, носил наименование *полуночи* или *полуношника*; юг, где оно располагалось в полдень, — *полудня* или *полуденника*; восток, где солнце бывало на восходе, — *всход* или *восток*; запад, где оно скрывалось, — *запад*.

В пору новгородских плаваний на Ладого произошло уточнение промежуточных направлений или *меженников*. В ходу стали следующие наименования: северо-восток — *меженец*, юго-восток — *зимняк*, юго-запад — *шелонник* (по наименованию реки Шелони, находящейся к юго-западу от Ладого), северо-запад — *подсиверный*.

На Белом море и на Мурмане *подсиверный* получил название *побережник*, то есть ветер, дующий в сторону побережья, а *зимняк* стал называться *обедником*. Еще более мелкие деления, числом 16, располагавшиеся между ветрами и меженниками, именовались *стриками*.

При выходе из Лумбовского залива курс судна был «левее полуношника на стрик», на следующий день записано: «курсом держимся правее полуношника на стрик. Полагаем быть Гусиной Земли». Наконец, на третий день плавания лодья оказалась несколько южнее Маточкина Шара и пошла «курсом в север». К концу этого дня «поворотили в Землю», а к вечеру «поворотили в полуношник, для знания места» и «пришли пониже Бритвина».

Первый географический пункт к северу от мыса Бритвин, упомянутый в журнале Богданова, — гора Первоусмотренная, значительная возвышенность, лежащая на подходе к Маточкину Шару. Море здесь оказалось пустынно, «не видели ни одного шляка». Прибрежные скалы припорошены снегом, у кромки берега была видна полоса льда, называемая поморами *заберега*.

Географическая номенклатура Новой Земли, сложившаяся к началу XIX века — времени плаваний «Святого Иоанна», образовывала несколько топонимических слоев, отражавших важнейшие этапы изучения заполярного острова. Первый слой — старые русские названия, известные уже в XVI веке и внесенные в иностранные атласы и карты. Это *Маточкин* и *Костин Шар* (пролив), *Гусиная земля*, *Мутная река*, *острова Подрезов*, *Бритвин* и, по-видимому, некоторые другие, хорошо известные самим поморам, но не вошедшие в содержание карт.

Самая многочисленная группа поморских названий первоначально упомянута в труде В. В. Крестинина «Географическое из-

вестие о Новой Земле полуношного края» (1789), составленном по сведениям мезенских мореходов, известных им к моменту написания труда, то есть ранее 80-х годов XVIII столетия. Она насчитывала 112 названий, из которых современные карты сохранили только 55.

Следующий слой наименований географических объектов западного побережья Новой Земли возник в результате плаваний В. Баренца и был нанесен на карту, изданную в Голландии в 1598 году. Это *полуостров Адмиралтейства, мысы Нассау и Желания, Оранские острова* и др.

Наконец, последний слой — это названия, данные Ф. П. Литке в период его плаваний (1824—1828 гг.): *гора Первоусмотренная, Баренцевы и Панкратьевы острова* и др.

Абсолютное большинство географических названий, упомянутых в журналах «Святого Иоанна», естественно, принадлежит к наиболее многочисленному второму слою и стало известно кемлянам от мореходов из других районов Поморья.

Может удивить знание поморами достаточно большой группы названий, данных Баренцем и его спутниками. Невероятно, что описание путешествий голландского мореплавателя, не переведившееся на русский язык, могло быть известно русским мореходам. Возможно, что эти названия стали известны шкиперам из карты Литке, которая, помимо названий, данных им самим, включала и географические названия, данные Баренцем.

Прекрасной иллюстрацией названий Новой Земли различного происхождения является найденная среди страниц одного из судовых журналов «Святого Иоанна» старинная поморская карта.

Среди представленных на ней старинных географических названий русского происхождения — *Машигина губа* и ее вершина — *Машигина ледянка*, также *губы Черная и Лодейная*.

Картой западного берега северного острова Новая Земля не ограничивается значение материалов плавания «Святого Иоанна». Сама практика ведения судового журнала на таком небольшом судне, каким была «новоземельская лодья» И. А. Богданова, — факт примечательный, показатель высокой грамотности, морских знаний, навигационных навыков кемских мореходов. По-видимому, шкиперы бывали за границей и знали иностранные языки. Нет-нет да и проскальзывает в скорописном тексте вместо русской — латинская буква, а то и слово, или слово, написанное русскими буквами на английский манер, — *каптейн*.

По-видимому, новоземельским плаваниям кемских промышленников предшествовала служба многих из них в военном флоте.

Записи в журнале дают представление о хорошем знании мо-

реходами из Поморья названий элементов парусного вооружения, вошедших в обиход в петровское время с постройкой в Белом море «новоманерных» судов. Так, при усилении ветра, «во 2-м часу с полуночи у грота и фоки обрали», «в 4 часа брали бизань веревки», «в 9 час. подняли грот».

Самобытность сохраняют упоминаемые в журнале при указании курсов наименования румбов «поморского компаса», сложившиеся в пору колонизации края новгородцами и ладожанами. Они сохранились в практике народного мореплавания вплоть до XIX века, когда оказались постепенно сведенными к общепринятым в Европе.

Регулярно каждые сутки, в 4–5 и в 9 часов утра, в полдень, в 3 часа пополудни, в 5 или 6 часов вечера и в полночь в журнал вносились сведения о погоде. Указывались направление и сила ветра (*ветер поглаивает тихой, тихой запад, ветра сильно много*), видимость и прозрачность атмосферы (*погода ясная, погода приятная, погода пасмурная, погода бушмарная, туман с пасмором ненастно, туман густой, мрачная погода*), температура (*солнце печет, но чаще погода холодная, студица, студит*).

Постоянно присутствуют характеристики состояния водной поверхности, величины волн (*вода кротка, вода пошла круче, зводу довольно, зводу с голомя в полуношник довольно*). Отмечаются осадки (*ветер ровной с дождиком, снегу напало на землю*).

Для мореходов представлялось важным отметить ход приливно-отливных явлений. С указанием часа отмечалось: *вода пошла убывлая, вода убывлая, вода начала прибывать, вода прибывлая*.

Несколько раз указывались в журнале результаты измерения глубин с помощью лота. Так, 12 мая «в 10 час. бросили лот глубины пало три сажени». При приближении к берегу обязательно указывались ледовые явления.

Журналы «Святого Иоанна» — интереснейший памятник истории поморского мореплавания, характеризующий высший этап его развития в начале прошлого столетия, большую роль кемских промышленников и моряков в освоении морей Русского Севера.

Ленинград

СЛОЖИТЬ ГОЛОВУ

Н. Д. Насилова

Сложить голову является одним из древнейших выражений современного русского языка. Оно встречается в летописях, в «Слове о полку Игореве», «Задонщине». Можно предположить, что этот оборот возник в воинской среде, в древнерусской боевой практике. Он составляет необходимую принадлежность целого ряда воинских речей, зафиксированных в летописях. В одной, наиболее ранней, а именно в обращении князя Святослава к своим воинам, наблюдается как бы переход от прямого значения к переносному: «Аще моя глава ляжет, то промыслите собою.— Идеже глава твоя, ту и свои главы сложим» (Повесть временных лет). *Свои главы сложим* — уже понимается в переносном смысле умрем, отдадим свою жизнь.

Наряду с выражением *голову сложить* в древнерусском языке в таком же переносном значении употреблялись словосочетания *голову покласти*, *голову положить*, *голову складывать*, *голову скласть*, *главу приложить*, *повалить головой* и некоторые другие. Эти словосочетания отмечены И. И. Срезневским в «Материалах для Словаря древнерусского языка».

Степень употребительности их неодинакова. Чаще всего встречаются *голову сложити* и *голову положить*. Летописи дают очень много примеров использования этих оборотов, особенно часто в

прямой речи: обращениях князей друг к другу, к дружине, дружины к князю. Они встречаются в заверениях о решимости достигнуть какой-либо высокой цели — защитить город, князя, найти себе славу, честь, найти свою отчину, отомстить за свою землю или погибнуть. Например: «Также мужи Александрови исполнишася духа ратна, и бяху бо сердца им акы лвом, и ркоша: „О, княже наш честный и драгий, ныне приспе время положити главы своя за тя“» (Новгородская 1-я летопись младшего извода).

В замечательном памятнике древнерусской художественной литературы «Слово о полку Игореве» оборот включен в патристический призыв Игоря Святославича к своей дружине: «Хощу бо, рече, копие преломити конец поля Половецкого; с вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону».

В памятниках древнерусской литературы слово *голова* встречается в полногласной и неполногласной форме (*глава*) приблизительно с одинаковой частотой.

Оборот с неполногласным вариантом — *глава* — постепенно выходит из употребления, сохраняясь в церковно-книжных и отчасти поэтических стилях языка. Этому способствовало развивающееся расхождение в значениях между словами *глава* и *голова*. Только за полногласным вариантом сохранилось значение символа жизни, существования, здоровья. В этом значении слово *голова* обычно употребляется в словосочетаниях *сложить, положить голову, заплатиться головой, пропала моя голова, не сносить головы*.

По-видимому, в XVIII веке оборот с полногласным *голова* стал литературной нормой. Словарь Академии Российской 1789–1794 гг. уже не отмечает устойчивого сочетания с неполногласным *глава*, а приводит только *положить голову (свою)*, сопровождая пометой «простореч.», указывающей на то, что в это время оборот уже являлся широко известным.

В настоящее время в рассматриваемом нами выражении возможна замена слова *голова* стилистическим синонимом, например: «Ты одержимый человек, у тебя есть цель, за которую ты и башку без раздумья сложишь...» (Леонов. Русский лес). Стремясь глубже раскрыть смысл выражения, писатель может вводить в него дополнительные компоненты: «Пока я тут людей собираю, там на Березине бригада последние свои головы кладет» (Симонов. Живые и мертвые).

Итак, в старых памятниках оборот *сложить (положить) голову* являлся как бы формулой верности, преданности князю, дружине, церкви, царю, службе. Но менялась историческая обстановка, выражение полностью освобождалось от сковывающих его пут.

Теперь *сложить* (*положить*) *голову* – распространенный оборот в современном русском языке, широко употребительный в художественной литературе и публицистике, во всех видах устной и письменной речи.

Сложить голову – это быть убитым на войне, например: «...может быть, уже сложил голову за землю родную сын твой, отец, муж, брат» (Фадеев. Молодая гвардия); погибнуть в борьбе против социального угнетения и несправедливости: «Этот памятник [Степану Разину.— Н. Н.] представляет одного из представителей мятежного крестьянства. На этом месте сложил он голову в борьбе за свободу.» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 326). *Сложить голову* можно в борьбе за достоинство и честь. В «Песне про царя Ивана Васильевича...» М. Ю. Лермонтова Иван Грозный говорит, посылая на казнь купца Калашникова, вступившегося за честь своей жены и убившего на поединке опричника Кирибеевича: «А ты сам ступай, детинушка, / На высокое место лобное, / Сложи свою буйную головушку».

О тех, кто стал жертвой насилия или стихийного бедствия, также можно сказать, что они *сложили* (или *положили*) *голову*: «...все положили головы, все сгибли – кто положив на самом бою честную голову, кто от безводья и бесхлебья среди крымских солончаков, кто в плену пропал, не вынесши позора...» (Гоголь. Тарас Бульба).

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что означает слово *лента* в выражении „вносить свою ленту“?»

И. П. Самойлович, г. Киев

Лента (от греч. *lepton*) – мелкая древнегреческая медная монета (это название сохранилось до наших дней – так же называется современная греческая разменная монета, равная одной сотой драхмы). Отсюда становится ясен и смысл выражения «вносить свою ленту» – делать посильный вклад в какое-либо общее дело.

Колокольный звон

В. Н. Сергеев,
кандидат филологических наук

Колокольный звон на Руси пользовался заслуженной славой. Он раздавался во время церковных праздников, в часы грозной опасности и стихийных бедствий, им созывали народ для решения важных вопросов, извещали о времени суток, он служил своеобразным ориентиром для заблудившегося путника. Ростовские звоны, колокола московского Ивана Великого, подмосковного Саввино-Сторожевского монастыря и многих других были гармонически настроены и вызывали восторг и удивление русских и иностранцев.

Церковные колокола по характеру и назначению звонов называли: *благостным* (*благостом*, *благостником*), *звонным*, *трапезным* и т. п.: «Дано государеву колоколному лицу Ивану Офонасьеву на кафтан рубль денег, как он лил благостный колокол к Троице» (Болдин Дорогобужский монастырь. Книги расходные); «Колокол трапезный на

обеде ударяют и на вечерю» (Пандекты Никона Черногорца, 1296); «[Псковские стрельцы] хотели бить в сполошной колокол и в городе учинить смуту» (Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею, СПб., 1846—1875). Колокол, созывавший народ на вече, называли *вечевым*, *вечим*, *вечным*: «Звонят колокола вечныя в великом Новгороде, стоят

мужи новгородцы у святой Софеи» [Слово Софония рязанца (Задонщина). XIV в.]. Выражение *ударити в вецье* означало «ударить в вечевой колокол для созыва веча»: «Тое же зимы ѳздил князь великий Василий Васильевич в свою отчину в Новгород великий, а с ним сынове его... Ноугородцы же удариша в вецье и собрашеся к святеи Софеи...» (Львовская летопись, 1460).

Крепостные (городские, монастырские) колокола были предназначены для подачи сигнала об опасности и носили названия: *востовой, набатный или набат, осадный, ратный* и т. п. Сигнал времени подавали колокола *боевой, перебойный, перечасный, часовой*: «На Спасской башне вверху, где стоит боевой часовой колокол, у дву каменных столбов кирпича по три вывалилось» (Опись ветхостей в башнях и стенах Московского Кремля... 1667).

Различное звучание колокола и колоколов называли *густым, тяжелым, грустным, печальным, унылым, мелодичным, тонким, высоким* и т. п. В русской и советской художественной литературе, где речь идет о колоколах и колокольных звонах, подобные эпитеты встречаются довольно часто.

Во время войн, в том числе и междуусобных, колокола наказывались. Враги ненавидели их за то, что они предупреждали народ об опасности, призывали к единению. Из истории известно, как жестоко расправлялись с колоколами: их разбивали, брали в плен, вырывали язык, отбивали уши, закапывали, ссылали в отдаленные места.

Важная роль колоколов нашла отражение в словарном составе русского языка. Издавна в нем живут такие слова, как *колокол, колокольная, звонница, звонить, звонарь, звон* и др. Многие из них вышли из активного употребления, используются лишь в специальной литературе и в качестве историзмов в художественных произведениях. Со временем слова и выражения, связанные с колоколами и колокольным делом, обрели переносные значения, стали употребляться образно. Так, например, одно из переносных значений слова *звон* «сплетни, пустые разговоры, болтовня» используется в разговорной речи: «— Что, если ничего этого нет и все это звон и брех пустых и неблагонамеренных людей?» (Салтыков-Щедрин. Сатиры в прозе). Слово *звонарь* в современном русском языке употребляется не только в значении «служитель в церкви, звонящий в колокола или специалист, играющий на колоколах», но и в переносном значении «болтун, сплетник» (*прост.*). Глагол *звонить* в переносном значении «разглашать что-либо» в просторечии имеет широкое распространение: «— Плохо, когда звонят раньше времени,— сказал он.— Может, еще ничего у нас не выйдет. В дураках окажемся» (Кочетов В. Журбины).

Многие словосочетания, связанные с колоколами и колокольным звоном, стали фразеологизмами и широко используются писателями как яркое выразительное средство: *бить в колокола* (*во все колокола*) «разглашать повсюду»; *бить в набат* «призывать обратить внимание на что-либо, вызывающее тревогу»; *звать звону* «отругать, задать трепку»; *отзвонил и с колокольни долой* «об отношении к делу, сделанному наспех, чтобы отвязаться»; *лить колокола* «распускать сплетни, ложные слухи»; *смотреть со своей колокольни* «судить о ком-либо или о чем-либо только со своих позиций».

О происхождении фразеологизмов, связанных с колоколами и колокольным звоном, можно прочесть в таких книгах, как «Крылатые слова» С. Максимова, «Крылатые слова» Н. С. Ашукина и М. Г. Ашукиной, «Из жизни слов» Э. Вартапяна, «Почему мы так говорим» А. Альперина, «Образы русской речи» В. М. Мокиенко и др.

Ленинград

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Скажите, есть ли различие в смысле слов *виварий* и *террарий*? По-моему, это синонимы — ведь и то и другое означает помещение для животных в зоопарках. Сотрудники по работе со мной спорят. Кто же прав?»

О. В. Сидорова, Казань

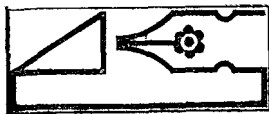
Различие в значении этих слов есть.

Дело в том, что *виварий* (лат. vivarium < vivus — живой) — помещение для содержания и разведения подопытных или демонстрируемых животных, а *террарий* (или *террариум*) — разновидность вивария (лат. terra — земля) — помещение для содержания только земноводных и пресмыкающихся. Так что синонимами их все-таки считать нельзя.

«Земля зовет: спешите любить, творить...»

О стихотворении И. А. Бунина «Ночные цикады»

Г. П. Бурова

Лирика Ивана Алексеевича Бунина занимает одно из ведущих мест в русской поэзии начала XX века. Бунинскую Музу, верную классическим традициям Пушкина и Фета, Тютчева и Полонского, Кольцова и Никитина, вдохновляла искренняя и одухотворенная любовь к родной земле, ее истории и красоте.

Тема природы достигает своего наивысшего звучания в стихотворении «Ночные цикады» (1910) — лирической миниатюре, привлекающей наше внимание как содержанием, так и отточенностью языковой формы.

Прибрежный хрящ и голые обрывы
Степных равнин луной озарены.
Хрустальный звон сливает с небом нивы.

Цветы, колосья, травы им полны,
Он ни на миг не молкнет, но не будит
Бесстрастной предрассветной тишины.

Ночь стелет тень и влажный берег студит,
Ночь тянет вдаль свой невод золотой —
И скоро блеск померкнет и убудет.

Но степь поет. Как колос налитой,
Полна душа. Земля зовет: спешите
Любить, творить, пьянить себя мечтой!

От бледных звезд, раскинутых в зените,
И до земли, где стынет лунный сои,
Текут хрустально трепетные нити.

Из сонма жизней соткан этот звон.

Стихотворение насыщено глубокими философскими наблюдениями и раздумьями поэта, чей голос исполнен высокой чистой искренности. А потому безоглядно веришь автору, когда он пишет, что ранней осенью среднерусская степь в ночную пору выглядит

именно так: бескрайнее пространство, уходящее в свет луны и пронзенное звучащими хрустальными «нитями» пения цикад – степных сверчков, стройный хор которых, кажется, столь же бесконечен и ничуть не нарушает таинственной гармонии спящей природы.

Природа для Бунина – сама жизнь, она вся в движении. И это прекрасно выражено и в композиции, и в лексико-синтаксическом строе, и в ритмике стихотворения.

Своеобразно построение «Ночных цикад»: пять полных строф и одна неполная, состоящая из одной строки. Первая и пятая строфы образуют своеобразную композиционную рамку пейзажной зарисовки, а однострочная шестая строфа как бы подводит лаконичный итог наблюдениям автора.

Первая строфа знакомит читателя с местом и временем описываемых событий (степь с обрывистыми речными берегами, начало золотой осенней поры). Три последующих показывают, как «действующие лица» картины (цветы, колосья, травы) наполняются «хрустальным звоном» цикад и как они проникаются его магией. Пение земли овладевает душой автора, призывающего внять зову природы – спешить любить, творить, мечтать...

Словно переключаясь с первой, пятая строфа рисует те изменения, которые произошли в природе на глазах поэта, ощутившего ее «хрустально трепетные нити», почувствовавшего свою причастность великому таинству движения в мире. Поэтому бунинская концовка стихотворения необычайно проста и вместе с тем глубоко символична: жизнь вечна, и человек и природа образуют единое, нерасторжимое целое в ее бесконечном и непрерывном обновлении...

Эмоционально-экспрессивный строй бунинского произведения создается с помощью подбора языковых средств и стилистических приемов.

Прежде всего ощущается богатейшая звукопись стихотворения. Это происходит благодаря повторению преимущественно сонорных согласных, «хрустальное» звучание которых создает поистине музыкальное оформление текста.

Автор умело сочетает прямые и метафорические обозначения деталей пейзажа. *Прибрежный хряц* и *голые обрывы* у него соседствуют с сочетанием *луной озарены*, построенным на неожиданной метафоризации признака, присущего не луне, а солнцу. Возникает ощущение необычности пейзажа, и, как доказательство, звучит эмоционально насыщенный метафорический эпитет – *хрустальный*. Перифраза «хрустальный звон» в начале произведения выступает поэтическим «именем» реального пения ночных цикад,

что затем подтверждается в метонимически развернутом варианте, заключенном в предложении «Но степь поет». В конце же стихотворения благодаря расчленению эпитета (уже не просто *хрустальный*, а *хрустально трепетные*) на первый план выступает олицетворение этого признака — сопричастность автора жизненным «нитям»: голосу земли, объединяющему началу в мире.

Лексическую ткань бунинского пейзажа обогащает и такое антитезное противопоставление: *он (звон)... не молкнет, но не будит (...)* тишины. Эпитет *бесстрастной* во второй строфе, подчеркивая спокойное и как бы равнодушное величие природы, усиливает *хрустальное* звучание начала произведения и контрастирует со следующим далее развернутым сравнением *как колос налитой* и с персонифицированной метафорой *земля зовет*.

Обращает внимание, как тонко Бунин передает изменения, произошедшие в пейзаже: на смену «лунному зареву» развернутой метафорой приходит «стынущий» *лунный сон*; у *звезд* рождается эпитет *бледных*, что предвещает наступление утра, когда все вновь станет обыденным. Этой же цели — обозначить изменения, движение в природе — служит употребление персонифицированных метафор: *ночь стелет тень, студит берег, тянет (...)* невод *золотой*.

Интересен и синтаксис стихотворения. Преобладание простых и бессоюзных сложных предложений в его начале задает неторопливый темп развертыванию пейзажной перспективы. Постепенно повествование ускоряется и автор вводит сложноподчиненные предложения, прямой порядок слов первых строф сменяется инверсиями главных членов заключительных фраз (*полна душа, стынет сон, текут нити, соткан звон*). В кульминационной «точке» пейзажной зарисовки выступает другая риторическая фигура — восклицание, выражающее эмоциональную приподнятость авторского обращения к людям, сливающегося с «звон» земли.

Простота синтаксического построения этого стихотворения, столь характерная для реалистической манеры письма Бунина, усиливает масштабность пейзажа, философскую космичность его «хрустальности» (ср.: *звон сливает с небом нивы; от (...) звезд (...) и до земли (...) текут хрустально трепетные нити*).

Высокое риторическое звучание старославянизма *сонм* придает финальной фразе стихотворения значение символа, утверждающего торжество жизни и величие природы.

Пятигорск

Видео

Л. И. Игнатьева

Сегодня, кажется, уже нет человека, который бы не ощущал, какими стремительными темпами развивается наука и с каким ускорением входят в наш быт технические достижения. Электронно-вычислительные машины не только решают экономические задачи, но и начисляют зарплату, ставят диагнозы, экзаменуют учащихся. Современных детей не удивишь электронными играми, видеомагнитофонами, фильмами в стереоизображении. Даже время отсчитывают электронные часы.

В последние годы на страницах газет и журналов часто встречается слово *видео*, не зафиксированное в толковых словарях. Впервые *видео* как часть сложного слова было отмечено в словаре-справочнике по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения» (М., 1971), а стало употребительным с изобретением и использованием в начале 60-х годов видеомагнитофона. Тем не менее возникло оно значительно раньше, в 30-е годы. Тогда, среди терминов, связанных с развитием телевидения, появилось слово *видеоусилитель*, которое обозначало устройство, усиливающее сигнал изображения. В 60-е годы за элементом *видео-* и закрепилось значение прилагательного «воспроизводящий изображение» в ряде сложных слов: *видеомагнитофон*, *видеотелефон*, *видеодиск*, *видеоигровой*, *видеоряд*, *видеопереговорный*. В силу того, что *видео* выступало в качестве определителя лишь для ограниченного числа слов одной терминологической системы, оно сохраняло свойства термина. Переход его в новую стилистическую сферу и дальнейшее вычленение из состава сложного слова были обусловлены социальными потребностями и закономерностями развития языковой системы.

В качестве самостоятельного слова *видео* появилось прежде всего в языке рекламы, который в силу своей специфической функции требует краткости, точности и выразительности. Оно стало аналитическим определением в обозначении марки отечественных видеомагнитофонов: «Электроника-501-видео», «Спектр-203-видео».

Широкое применение в последние годы видеоаппаратуры в нашей стране поставило множество проблем ее использования для организации досуга. Возникла необходимость назвать новые явле-

ния, для которых в языке не было однословного обозначения, и в современной прессе появилось слово *видео*.

Новое слово образовалось способом аббревиации, когда усечение происходит на открытом слоге у существительных мужского рода первого склонения: *радио* — *радиоприемник*, *авто* — *автомобиль*, *видео* — *видеомагнитофон*. Возникнув в процессе сжатия сложного слова, слово экономно в силу краткости и аналитичности формы.

Приемлемость и органичность нового слова для современного языка подтверждается тем, что неизменяемость слов типа *радио*, *кино* с грамматической точки зрения соответствует современной литературной норме. А также тем, что *видео* многими носителями языка почти не ощущается как иностранное, потому что латинский глагол *video*, *vidēre* и русский *видеть* не только созвучны, но имеют одно и то же значение.

В настоящее время на слове *видео* нет печати профессионального употребления. Широкое применение его в литературном языке не вызывает нарушения стилистической нормы. Свободно функционируя в языке современной прессы, существительное *видео* обогащает свое первоначальное содержание. У него развились новые значения —

видеотехника: «Только совместными усилиями можно найти высокоэффективный способ использования видео» (Кино. 1986. № 1); «Видео в нашем доме» (название статьи/Семь дней. 1986. № 44);

видеотека: «Новгородское видео» (название заметки о фондах видеотеки, открывшейся в Новгороде/Известия. 1986. 8 ноября); «О репертуаре видеотеки — особый разговор. Пока ее основу составляют кассеты с записями прокатных фильмов прежних лет. Но уже сегодня с достоверной уверенностью можно предположить, что специфика использования видео будет формироваться на основе широкого разнообразия зрелищных искусств — кино, телевидения, эстрады, спортивных мероприятий» (Кино. 1986. № 1);

средство массовой коммуникации: «Видео — дело действительно перспективное, многообещающее, прежде всего, как технически совершенное средство идейно-нравственного, эстетического воспитания» (Комсомольская правда. 1986. 23 окт.); «Видео сегодня пророчат такую же роль, какую сыграли в свое время кино и телевидение» (Сов. молодежь. 1986. 28 авг.);

видеопоказ: «Повторно будут куплены в капиталистических странах права на видео, причем для некоторых фильмов только на видео», «Готовятся оригинальные программы специально для видео» (Кино. 1986. № 6);

видеокино: «Сегодня на кинопразднике – день видео» (Сов. молодежь, 1986, 28 авг.).

При анализе употребления слова *видео* в языке газет и журналов обращает на себя внимание использование его в заголовках. Вот некоторые названия статей и заметок: «Латвийское видео: реальность и мечты», «Видео в нашем доме», «Кино или видео?», «Видео: прогноз на завтра», «Видео сегодня и завтра», «Видео в системе кинопроката», «Видео: перспективы близкие и далекие». Это говорит не только о его социальной значимости, но и об отношении к новому слову носителей языка. Авторы статей положительно оценивают его новизну, краткость и выразительность.

Актуальность слова, его многозначность приводят к тому, что оно само становится основой для создания других слов. Новообразований с элементом *видео-* в современном языке представлено достаточно много. В них *видео-* выступает в роли определителя, близкого по своему значению к прилагательному. В значительной части такие образования, заменяющие сложные конструкции, стилистически нейтральны. Они легко создаются в речи по необходимости для обозначения новых реалий или явлений, связанных с использованием видеотехники: *видеопоказ, видеокамера, видеосалон, видеопрограмма, видеоклип, видеотека, видеопоток, видеокафе, видеомогазин, видеопродукция, видеоцентр, видеодело, видеокомплекс, видеопособие, киновидео клуб (КВК), видеопрокат, видеоустановка* и другие. В процессе активного словообразования с аналитическим компонентом *видео-* создается большое число слов с ярко выраженной эмоциональной окраской: *видеонаркоман, видеопрошки, видеоподлость, видеобизнесмен, видеофирмач, видеомонстр* (Комсомольская правда, 1986, 23 окт.), даже *видеопрошлое*: «А сегодня... открывается видеосалон с рассказом о видеопрошлом и настоящим, с демонстрацией программ» и *видеоприческа*: «Видеоприческа по заказу» (Сов. молодежь, 1986, 26 авг., 7 окт.).

Таким образом, очевидно, что в современном языке слово *видео*, функционируя в текстах, предназначенных для широкого круга читателей, активно реализует свои смысловые и словообразовательные возможности. Не порывая с традицией профессионального употребления, оно органично входит в нормированный литературный язык и обогащает тем самым лексику нейтрального стиля.

Рига

Дефис — «единительный» знак

Р. И. Кочубей

Ученые-языковеды XIX и XX столетий предпринимали попытки осмыслить и обосновать употребление черточки, знака дефис (-); само слово происходит от немецкого *Divis*, восходящего к латинскому *divisio* — разделение, расчленение. Первые упоминания об этом знаке встречаются в Грамматике Л. Зизания (1596). Сложность в определении и употреблении дефиса объясняется, по всей вероятности, его двойственной природой. «Термин дефис — парадоксален, — писал А. А. Реформатский. — Он возник как знак разъединения, а стал, по преимуществу, знаком соединения» (см.: Реформатский А. А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 146).

В словарях современного русского литературного языка нет единообразия в определениях дефиса. В одних случаях черточка трактуется как разделительный знак (Советский Энциклопедический Словарь. 1984), в других — соединительный (Словарь современного русского литературного языка. 1954. Т. 3; Словарь иностранных слов. 1981 и др.). Грамматисты прошлого столетия также испытывали трудности при освоении этого знака на письме. Как показывает языковая практика того времени, для пишущих дефис был новым графическим знаком.

В русской традиции XIX века черточка (дефис) воспринималась преимущественно как соединительный знак: «...черточка, разделяя составные части, в то же время и соединяет их в одно целое...» (Шереметевский Вл. П. Сочинения. М., 1897. С. 291). Соединительная роль дефиса подчеркивалась языковедами в таких определениях: «единитный знак» (Востоков А. Русская грамматика. СПб., 1838. С. 379), «соединительная черта» (Давыдов И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка... СПб., 1853. С. 405), «черточкою соединяются» (Греч Н. Русская грамматика первого возраста. Ученическая. СПб., 1860. С. 103), «соединяется черточкою» (Грот Я. К. Русское правописание. СПб., 1885; 1888. С. 111), «единительный знак (черточка)» (Благовещенский С. Правила русского правописания. Калуга, 1896. С. 115) и др. (см.: Моисеев А. И. Из истории пунктуации // Русская речь. 1989. № 1).

Дефис нередко приравнивался даже к тире: «Приложение, которое составляет с словом определяемым одно понятие, соединяется с ним посредством тире (-). Напр. *Гут — гора* была видна издали» (Кирпичников А. Синтаксис русского языка, применительно к правописанию. М., 1876. С. 18). Тем не менее дефис и тире не равнозначны. Вот как пишет об этом А. А. Реформатский: «С типографской точки зрения... тире имеет меру в одну круглую, то есть по ширине равно кеглю шрифта, а дефис имеет меру в $\frac{1}{3}$ круглой. Тем самым материально: дефис — это одна треть тире, а тире — это тройной дефис» (Указ. соч. С. 146).

Первоначальная функция дефиса в русском письме — знак переноса. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова также говорится о применении «единительного знака» только для переноса слов. В дальнейшем сфера употребления дефиса расширяется. На протяжении XIX века он используется не только для соединения частей одного и того же слова при переносе, но и осваивается для полуслитного (дефисного) написания слов. Попытки грамматистов осмыслить употребление дефиса на письме нашли свое отражение в рекомендациях о написании сложных слов, в частности сложных имен прилагательных. При этом составители грамматик XIX века чаще всего избегали специального освещения орфографических правил о сложных словах или упоминали о них вскользь, при объяснении других грамматических явлений, а немногочисленные рекомендации о сложных прилагательных имели непоследовательный и разноречивый характер. Кроме того, изложенные в грамматиках «правила не были утверждены как обязательные; а с ними не все соглашались, тем более, что правила давались без оснований — как готовые рецепты» (Шапиро А. Б. Русское правописание. М., 1951. С. 182–183).

Некоторые грамматисты (Н. Богородицкий, Ф. Буслаев, С. Благовещенский, Н. Греч, А. Востоков, Я. Грот и др.), исходя из анализа «орфографического обычая» образованных людей своего времени, делали попытки упорядочить и как-то обосновать написание некоторых групп сложных прилагательных. Анализ орфографической практики того времени показывает, что ученые-языковеды выдвигали разные критерии (графические, словообразовательные) для обоснования того или иного способа оформления этих слов.

Большой пестротой отличалось написание сложных прилагательных, первый компонент которых выражен количественным числительным в родительном падеже: *семи-окошечный дом* (Белинский В. Основания русской грамматики. 1837); *двусложные*

слова (Греч Н. Пространная русская грамматика. 1830); *дву-сложна форма* (Богородицкий Н. Грамматика языка русского. 1868), *трех-этажный дом* (Белинский В. Указ. соч.), *трехэтажное здание*, *трехъ-этажный дом* (Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 11), *двухъярусный водопровод* (Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 1) и мн. др.

Разные написания подобных сложений диктовали и разноречивые рекомендации, содержащиеся в отдельных грамматиках. Грамматисты пытались осмыслить и обосновать употребление гласной *и*, отличной от привычных соединительных гласных *о*, *е*. Так, С. Благовещенский (указ. соч.) рекомендовал слитное написание прилагательных, первый компонент которых оканчивается на *и*, а второй начинается с другой гласной: *осьмиугольный*, *пятиаршинный*, *шестиэтажный*; А. Востоков (указ. соч.) также был склонен к слитному написанию: *пятиаршинный*, *двадцатилетний*, а Н. Греч и Ф. Буслаев предлагали писать только с «разделительной черточкой»: *семи-островский*, *три-единый*, *пяти-аршинный*, *шести-угольный* (Греч Н. Практическая русская грамматика. 1827); *шести-этажный* (Буслаев Ф. Историческая грамматика русского языка. 1863).

Представляют интерес правила о написании прилагательных с первым компонентом — количественным числительным родительного падежа, оканчивающимся на *ъ*. А. Востоков рекомендовал следующее: «Числительное, оканчивающееся полугласною *ъ*, соединяется посредством единитного знака с притяжательным, начинающимся буквою гласною; напр., *трехъ-аршинный*, *четыре-этажный*. Но когда числительное оканчивается гласною, также когда между двумя согласными *ъ* выкидывается, тогда единитный знак не нужен; напр., *Треугольный*, *пятиаршинный*, *двадцатилетний*, *двухмесячный*, *трехвершковый*, *четыре-сторонный*» (Русская грамматика. С. 380—381).

В грамматических разделах И. Давыдова и Ф. Буслаева содержатся аналогичные рекомендации и приводятся следующие примеры: *двух-этажный*, *трех-аршинный*, *четыре-сторонный*. Преимущественно дефисное написание объясняется, по-видимому, тем, что вплоть до реформы правописания 1917—1918 г. *ъ* служил графическим показателем конца слова: «...*ъ* закругляет фигуру слова и тем дает ему направление...» (Николаев Б. В защиту русской письменной речи. Пг., 1918. С. 32). Отсюда, очевидно, возникало у пишущих стремление после *ъ* ставить дефис,

А. Востоковым было также отмечено, что черточка используется и в прилагательных, каждый компонент которых начинается с прописной буквы: *Медицинско-Хирургические Академии* (Новый энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. 1); *Славяно-Русские стихи* (Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. Т. 1. 1855); *Церковно-Славянский язык* (Греч Н. Пространная русская грамматика. 1830); *Церковно-Славенская письменность* (Востоков А. Грамматика церковно-славянского языка... 1863) и др. Данное наблюдение было сформулировано А. Востоковым в «Русской грамматике»: «Знаком единитным связываются... существительное с прилагательным или несколько прилагательных, соединенных с переменою окончания первых на *о* или *е*, ежели каждое из них начинается прописною буквою; напр., *Александро-Невская Лавра, Северо-Американские Штаты, Славено-Греко-Латинская Академия, Слободско-Украинская Губерния...* Но когда последнее прилагательное начинается строчною буквою, тогда оно присоединяется к первому без единитного знака: напр., *Северозападный ветер, Грековосточная и Римскозападная Церкви, Каменноостровский дворец*» (С. 380). В грамматике И. Давыдова содержатся рекомендации А. Востокова и приводятся примеры: *Свято-Троицкая Лавра, Славено-Греко-Латинская Академия, Нижне-Камчатск* (с. 406).

Были в грамматиках того времени и другие, менее конкретные, предписания об использовании дефиса. Так, С. Благовещенский писал: «От тире нужно отличать единительный знак; им соединяются... существительные с прилагательным и прилагательные с прилагательным: *Александро-Невская лавра, писче-бумажная фабрика, день-деньской...*» (Указ. соч. С. 115); Я. К. Грот: «Иногда наречие соединяется черточкою с следующим за ним прилагательным, напр.: *истинно-патриотический, западно-европейский, греко-латинский, древне-классический. Свод небес зеленоблудный...*» (Указ. соч. С. 117). Вызывает сомнение отнесение Я. К. Гротом таких основ имен прилагательных, как *западно-, греко-, древне-, зелено-*, к наречиям, с другой стороны, не указывается, в каких случаях «наречие» соединяется черточкою с прилагательным. В. Шереметевский о таких рекомендациях писал: «...основания для этой черточки никакого не приводится, а все ограничивается одним так часто, к сожалению, встречающимся в орфографических правилах категорическим *иногда*» (Указ. соч. С. 291).

Тем не менее некоторым грамматистам XIX века, внимательно изучавшим орфографическую практику, удалось выявить языко-

вые основания для последовательного употребления «единительно-го» знака в сложных именах прилагательных. Таким грамматистом оказался Н. Греч, который в «Практической русской грамматике» сформулировал следующее правило: «Черточка сия употребляется и тогда, когда сложное слово составлено совокуплением не гласных корней, а двух производных, совершенно образованных слов, например..., *Слободско-Украинский...*, *Литовско-Виленская губерния*, *Каменно-островский дворец...* В «Русской грамматике первого возраста» Н. Греча читаем: «Черточкою (-) соединяются два слова в одно: *...звонко-приятная лира*».

Существенно, что в рекомендации Н. Греча наряду с другими показателями учтен и словообразовательный – суффикс в первом компоненте сложного прилагательного.

КОРОТКО О КНИГАХ

«Русская речь – интенсивно»

Для широкой аудитории обучающихся на краткосрочных курсах (в Советском Союзе и за рубежом) выпущен новый комплекс учебных материалов под названием «Русская речь – интенсивно» (М.: Русский язык, 1988). Представлен он в двух комплектах: для преподавателя и для учащихся. В первый комплект включены «Книга для преподавателя» (в нее вошли методические рекомендации, поурочные разработки тем, учебный материал), дидактическое приложение (дидактические игры) и диафильмы, иллюстрирующие тексты.

Комплект для учащихся состоит из «Книги для учащегося» (с текстами-полилогами, материалом для наблюдения и запоминания, страноведческим комментарием) и комплекта кассет с записью текстов, музыкальных произведений и т. д.

Это издание представляет ценность и для специалистов, и для изучающих русский язык, ибо с помощью особого построения учебного процесса и системы тренировок (с учетом психологических, социальных и лингвистических факторов), разработанных в комплексе, преподаватели могут обеспечить практическое овладение русским языком в течение 25 дней.

Н. М. Маслова,
кандидат филологических наук

П. Сергеев. ИСКУССТВО РЕЧИ НА СУДЕ

В русском красноречии искусство судебного оратора всегда занимало особое место. Судебная трибуна обладала зарядом идеологического, нравственного и правового воздействия, ей было присуще стремление к общественной справедливости, провозглашение передовых идей, защита интересов «униженных и оскорбленных».

В наши дни, когда возрастает внимание к публичному слову, обостряется ответственность перед ним, вопросы теории и практики русского судебного красноречия справедливо вызывают повышенный интерес к себе. В общественной жизни появилась потребность глубже раскрыть и узнать своеобразие этой ветви ораторского искусства.

Ответом на запрос общества явилось переиздание книги первого теоретика судебного красноречия, одного из просвещенных юристов своего времени П. С. Пороховщикова (псевдоним — П. Сергеев) «Искусство речи на суде» (М.: Юридическая литература, 1988). Книга впервые была выпущена в 1910 году, выдержала несколько изданий, последний раз переиздавалась в 1960 году. О жизни Петра Сергеевича Пороховщикова известно немного сведений. Родился он в 1867 году в Петербурге, в обеспеченной дворянской семье. Окончил юридичес-

кое отделение Московского университета, занимал высокие посты в судебно-прокурорском государственном аппарате царской России.

Содержательная, богатая наблюдениями книга П. Сергеева обобщает обвинительные и защитительные речи лучших судебных ораторов второй половины XIX века. В книге раскрыты теоретические и практические принципы, которые сформировали судебное красноречие, часть культуры народа. Перечислим главные.

Прежде всего, специфика судебной речи как жанра определяется тем, что заключенное в ней содержание должно быть изложено предельно ясно и понятно и воспринято адресатом однозначно. Вот как определяет эту особенность автор: «В чем заключается ближайшая, непосредственная цель всякой судебной речи? В том, чтобы ее поняли те, к кому она обращена... Каждое слово оратора должно быть понимаемо слушателями совершенно так, как понимает он...»

Судебному оратору необходимо изучить существо излагаемого и владеть законами языкового употребления: «Неопределенность выражений обыкновенно бывает признаком неясного мышления... Только точное знание дает точность выражения».

Четкость изложения в значительной степени достигается соблюдением законов логики. Это должно быть в основе как общего строения речи, так и отдельных ее частей, разделов.

Владение законами языкового употребления предполагает соблюдение «чистоты и точности» слога. Понятию чистоты слога противоречит употребление ненужных иностранных слов. В книге дан яркий и совершенно определенный призыв: «Вы говорите перед русским судом, а не перед римлянами или западными европейцами. Щеголяйте французскими поговорками и латинскими цитатами в ваших книгах, в ученых собраниях, перед светскими женщинами, но в суде — ни единого слова на чужом языке».

Судебный деятель в своих речах должен «свободно пользоваться всеми современными словами своего языка, за исключением специальных научных или технических терминов». Для этого нужно постоянно накапливать запас слов, черпать их из самых различных источников — из текстов лучших писателей, из живой народной речи — и включать в свое активное употребление.

В теории судебного красноречия выдвигается еще одно требование к языку, соблюдение которого служит достижению ясности и понятности самого текста. Это — художественная простота слога, под которой понимается умение о вещах возвышенных и сложных говорить легко и просто.

Надо не только донести до слушателя определенное содержание, но и подчинить себе слушателей, заставить их принять предлагаемую позицию. «Опытный оратор заранее знает мысли и настроение своих слуша-

телей; он ведет свою речь в осмотрительном соответствии с этим настроением...»

Особое внимание в работе отведено «цветам красноречия», употреблению которых служит созданию необходимой оратору эмоциональной атмосферы. Это — различные способы придания образности выступлению, так как «только краски и образы могут создать живую речь, то есть такую, которая могла бы произвести впечатление на слушателей». П. Сергеев рекомендует требовательный и осторожный подход к использованию образных риторических приемов. «Цветы красноречия» только тогда производят нужное впечатление, когда не кажутся нарочитыми, случайными. «Речь всегда должна казаться импровизацией, и каждое украшение ее — неожиданным для самого оратора, а потому не подготовленным заранее. Поэтому образы, взятые из обыденной жизни, составляют лучшее ее украшение. Оратор как будто идет с вами по одной дороге и в разговоре поясняет свою мысль то камнем, случайно поднятым под ногами, то листом, сорванным с наклонившейся ветки».

Языковая «категория пристойности», благозвучие, искусство ведения спора на суде, приемы поиска истины, ведения судебного следствия — эти и некоторые другие вопросы получили свое освещение в книге П. С. Пороховщикова (П. Сергеева).

Переиздание книги «Искусство речи на суде» — это обращение нашего времени к богатейшему наследию ораторского искусства. В шестидесятые годы прошлого века сформировались определенные исходные позиции судебного красноречия. Знакомство с ними, несомнен-

но, интересно и полезно и учителю, и профессиональному лектору. Любой человек, который ставит перед собой вопрос — как

говорить, с благодарностью прочтет эту книгу.

Г. И. Миськевич,
кандидат филологических наук

И. Г. Милославский. ЗАЧЕМ НУЖНА ГРАММАТИКА?

Предлагаемая вниманию читателей книга И. Г. Милославского представляет собой популярное, живо и увлекательно написанное пособие для внеклассного чтения учащихся-старшеклассников. Понятно, почему издательство «Просвещение» заказало автору именно эту тему: в 8–10-х классах средней школы грамматика не преподается. Между тем умение грамотно выражать мысли невозможно без хорошего знания грамматики родного языка.

Важное практическое назначение книги определило специфику ее композиции и своеобразие освещения темы. Автор справедливо пишет о том, что «цель речевого общения не в том, чтобы употребить существительное в определенном падеже или глагол в определенном виде или времени. Цель речевого общения в том, чтобы понять и выразить определенное содержание». С точки зрения того, как раскрывается содержание, могут быть отмечены некоторые стороны развития темы.

Прежде всего, в книге излагаются современные научные положения, обобщения, достижения по общим вопросам грамматики и лингвистики. Так, в пособии рассказано о том, какие грамматические данные можно вложить в память компьютера, чтобы он стал настоящим помощником человека (см. параграфы «От лирики к компьютеру», «И опять к компьютеру», «Готовим информацию для па-

мяти компьютера» и др.). Сейчас, когда компьютеры должны стать составной частью школьного обучения, популярное изложение самых важных сведений о взаимоотношении «грамматика — компьютер», бесспорно, оказывается нужным и актуальным.

В книге приводится также информация описательного характера, в частности о грамматических категориях: роде, числе, падеже, одушевленности — неодушевленности существительного; степенях сравнения прилагательного; виде, наклонении, времени, залоге глагола. При этом текст написан доходчиво и занимательно. Вот только один пример, характеризующий стиль изложения:

«Всякий, кто хотя бы некоторое время провел в школе, конечно же, слышал такой диалог:

Учитель. Плохо, Иванов, ты ничего не знаешь.

Ученик (skonфуженно). Я учил...

Учитель (назидательно). А надо не учить, а выучить.

После этой реплики учителя ученик остается посрамленным еще и за безуспешную попытку как-то оправдать свое невежество. А на самом деле была ли эта попытка такой уж абсурдной, какой она представляется? Вовсе нет».

И далее И. Г. Милославский разъясняет характер различий видовых категорий глагола.

В предисловии автор подчер-

квул принципы отбора материала: брались «именно те грамматические признаки слов, которые представлены в обычном грамматическом разборе и которые настолько привычны читателю, что он не задумывается над тем, какая разнообразная содержательная информация может за ними стоять. (Исключение представляет только залог, о котором нет сведений в школьных учебниках.)»

Рассказав о трудных случаях грамматики, И. Г. Милославский стремится в книге дать школьникам представления о правилах речевого общения. На примерах живых школьных диалогов он показывает предпочтительность одних способов языкового выражения перед другими. Вот иллюстрация из книги: «Конечно, *здравствуйте* и *привет* — вещи разные. Второе приветствие слишком фами-

льярно и поэтому, употребляемое по отношению к старшему, звучит дерзко, а в обращении между равными подчеркивает неформальность их отношений. А вот между *здравствуйте* и *добрый день*, право же, никакой разницы нет». Добавим: разницы, конечно, нет, если приветствие «добрый день» произносится утром, вечером или ночью.

Советы и предостережения, помещенные в последней главе и относящиеся к кодексу речевого поведения в школе, в целом придали книге важное направление — это не простое пособие по школьной грамматике, а в известной мере и учебник по культуре общения. Книга «За чем нужна грамматика?» (М., 1988) будет полезна не только школьникам, но и учителям.

Л. К. Граудина,
доктор филологических наук ©

Прошлое и настоящее слова *коммерческий*

© В. И. Федоров, приславший в редакцию свои заметки, по профессии экономист, но лингвистикой увлечен давно. Его статья — это любопытный рассказ, как появилось и как стало употребляться слово *коммерческий*, как менялась стилистическая окраска его в разные исторические периоды.

В публицистике, да и в экономической литературе часто путают понятия *торговый* и *коммерческий*, отождествляя их, не различая по смыслу. Но различия есть, и разобраться в оттенках значения стоит.

Что представляет собой лексическая основа понятия *коммерческий*? Начнем с истоков.

Происходит слово от латинского *commercium* (торговля), в свою очередь восходящего к двусложному *com* — *mercium*, образованного суффиксально-префиксальным способом от *merx* «товар». Составляющее *com-* обычно переводят «вместе с». Таким образом, слово буквально переводится «вместе с товаром». В силу своей универсальности многие века термин обслуживал понятия, свойственные процессу реализации товаров, торговли.

Другое важное обстоятельство — тесная связь термина с категорией собственности. И этимологическая, и семантическая природа слова *коммерческий* тесно связана с понятиями «смена собственности», «товар», «стоять».

В русский язык слово *коммерция* пришло из немецкого в XVIII веке. Впервые оно встречается в документах Петровской эпохи. В соответствии с замыслами Петра I в государстве «торг умножить», в 1712 году была предпринята попытка создать *коммерц-коллегию*, но воплотить свою идею в Москве Петру не удалось. *Коммерц-коллегия* была основана несколько лет спустя в новой столице — Петербурге. Она была призвана организовывать торговлю и покровительствовать ей. Кроме того, Коммерц-коллегия вошла в тесный контакт с Мануфактур-коллегией, образовав торговно-промышленный аппарат, регулировавший экономику империи.

Внедрению слова в обиход русской жизни способствовала табель о рангах, где предусмотрено было почетное звание *Коммер-*

ции советник, жалуемое купцам в чине 7 класса (об этом читаем в Словаре В. И. Даля).

Насаждение коммерческих отношений шло сверху и не всегда поддерживалось снизу: русское купечество сопротивлялось. Скажем, книги (переводы с французского) из области экономики, финансов и бухгалтерии, издаваемые в то время по инициативе Коммерц-коллегии, купцы не покупали и не читали, несмотря на все старания распространителей. Однако заскорузлое экономическое мышление купечества не могло сдержать бурное развитие внутреннего рынка и образование крупных торгово-промышленных предприятий. И вот во второй половине XVIII века в России, в Москве, открылось первое *коммерческое училище*.

Позже они стали открываться одно за другим, в разных городах России. В 1803 году Александр I пожаловал московскому купеческому обществу здание бывшего Андреевского монастыря для «учреждения в нем коммерческого класса», который позже утвердился как Императорское Московское коммерческое училище.

И развитие производительных сил, и экономическая политика сверху, и усилия образования сделали свое дело. К слову *коммерческий* стали привыкать. Теперь уже и купцы стали осознавать себя *коммерсантами*, причем не обязательно после окончания коммерческого училища. В. Г. Белинский в статье «Сто русских литераторов» размышляет: «Люди без разбору вводили новые слова, а время решило — которым словам остаться в употреблении и укрепиться в языке, и которым исчезнуть; нововводители же не знали и не могли знать этого. ...кроме духа, постоянных правил, у языка есть еще и прихоти, которым смешно противиться; употребление имеет права, совершенно равные с грамматикою, и нередко побеждает ее, вопреки всякой разумной очевидности. У нас есть слово *торговля*, вполне выражающее свою идею; но найдите хоть одного торговца, который бы не знал и не употреблял слова *коммерция*, хотя это слово во всей очевидности совершенно лишнее?» С этим утверждением, конечно, можно поспорить. Данное слово является лишним настолько, насколько может быть лишним любой синоним: обозначая одно и то же явление, синонимы подчеркивают разные характеристики предмета, стадии изменения. Создается возможность существования стилистики, ведь в синонимах богатство языка.

Само существование слова *коммерческий* являлось лишним свидетельством накопления капиталистических производственных отношений, разрастание коммерции вширь и вглубь происходило как противопоставление старому торговому делу, уходящему своими корнями в допетровскую Русь. Ведь слова *торговля* и *ком-*

мерция по сути своей — термины для обозначения уровня товарообмена, его культуры и степени свободы совершения купли-продажи. Новый уровень отличают возрастание роли промышленности и ее срастания с торговлей.

Существуют и смысловые различия между словами *торговый* и *коммерческий*. Разница кроется в акцентах: для слова *коммерческий* он приходится на прибыль (Словарь иностранных слов. М., 1986), а в слове *торговый* акцент на самом процессе товарообмена, деятельности, связанной с оборотом товаров (Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1986).

Снабжение населения и прибыль — цели разные, но отличие не только в этом. Слово *торговля* применяется в сфере обмена товаров, при актах купли-продажи. Применение слова *коммерческий* шире, им пользуются не только в сфере обмена, но и для характеристики отдельных элементов отраслей материального производства. Известно оно в инфраструктуре, например, документ, который составляют при поврежденном грузе или багаже, называется *коммерческим актом*. Оперируют словом в банковском деле. И, конечно, наиболее часто им пользуются специалисты торговли: ведь коммерческая работа — ее сердцевина.

В 1972 году был основан журнал «Коммерческий вестник», который освещает проблемы торговли, спроса, производства. Со временем меняется и стилистическая окраска слов *коммерция*, *коммерческий*: ироническое, фельетонное употребление становится менее характерным, а вот в статьях прессы на экономические темы эти слова занимают прочное положение. Например, в газете «Известия» с недавних пор стала постоянной рубрика «Коммерческое обозрение», а в Московском институте народного хозяйства им. Г. В. Плеханова открылся коммерческий факультет. По стране сейчас создаются Коммерческие центры, начала функционировать Высшая коммерческая школа при Всесоюзной академии внешней торговли. Наконец, появилась сеть коммерческих банков.

За последние годы термин *коммерческий* приобрел большую экономическую содержательность, одновременно стал шире использоваться. Его даже стало не хватать! И создаются родственные слова: *коммерциализм*, («Правда». 1972. 2 дек.); *коммерциализация* (в книге Г. И. Минц «Критика буржуазных теорий свободного времени». М., 1971). Термин *коммертизация* возник в противовес теории маркетинга и призван обозначать «развитие коммерческих взаимоотношений, охватывающих весь путь движения товара от производителя до потребителя» (Самсонов Л. А. Сфера обращения предметов личного потребления. М., Экономика, 1986).

Трудно предсказать дальнейшую судьбу этого неологизма, важно другое — у исходного понятия есть будущее.

Воронеж

Так какого же роста были лошади?

«Уважаемые товарищи! М. А. Булгаков в „Белой гвардии“ дважды останавливает внимание читателя на статьях „живой силы“ эскадрона: „Лошади в эскадронах шли одна к одной, рослые, рыжие четырехвершковые лошади“; „В рядах над строем курилась махорка, и нервно ходил под Козырем гнедой пятивершковый жеребец.“

Читатель понимает, что лошади в эскадронах были крупные, рослые. Значит, говоря *четырёхвершковая*, *пятивершковая* лошадь, ведут отсчет не от нуля. Интересно было бы узнать, почему появились эти слова?»

Федосеева Лидия Николаевна,
г. Люберцы Московской области.

За рост лошади принимается расстояние от земли до холки, и Л. Н. Федосеева права в своем предположении, что отсчет роста велся от какой-то определенной меры длины. Такой мерой были 2 аршина.

В дореволюционной России рост измерялся аршинами, вершками и восьмыми долями вершка — старыми русскими мерами длины. Аршин составлял одну треть сажени, или, в переводе на современную метрическую систему мер, приблизительно 71,1 см, а вершок — одну шестнадцатую аршина, или округленно 4,4 см.

Лошади с ростом ниже аршина 14-ти вершков (1 м 33 см) считались маломерными, выше — полномерными. Существовала и другая классификация, по которой рост лошади признавался малым, если не превышал 2-х аршин и одного вершка (1 м 47 см), средним, если находился в пределах от 2-х аршин полутора вершков до 2-х аршин и трех с половиной вершков (1 м 49 см — 1 м 58 см), и большим, если превышал 2 аршина 4 вершка (1 м 60 см).

На ярмарках и вообще в разговоре о росте лошадей было принято называть только вершки и их доли, не прибавляя слов «два аршина». Например, говорили *двухвершковая лошадь*, *безвершковая лошадь* и т. д.

В романе «Белая гвардия» Булгаков упоминает о *четырёхвершковых* (1 м 60 см) и *пятивершковых* (1 м 64 см) лошадях. И хотя известно, что в результате селекционной работы лошади в наше время стали более рослыми, чем прежде, но даже и по нынешним меркам упоминаемые в романе лошади должны быть отнесены к высокорослым.

Для ремонта (пополнения) кавалерийских лошадей существовали определенные стандарты. Гвардейская кирасирская лошадь должна была иметь рост 3,5–5 вершков (естественно, свыше двух аршин), гвардейская легкокавалерийская лошадь – 2–3 вершка, армейская легкокавалерийская лошадь – 1,5–3 вершка.

Интересно еще, что масть лошадей полагалась в гвардии одинаковой по полкам. В тяжелой гвардейской кавалерии гнедые лошади были у кавалергардов, вороные – у конногвардейцев, караковые и рыжие – в двух кирасирских полках. Следовательно, можно сделать вывод, что в романе Булгакова рыжие четырехвершковые лошади были кирасирскими, а гнедой пятивершковый жеребец – кавалергардским.

А. К. Ганулич ©

Тематический указатель статей,
опубликованных в журнале
«РУССКАЯ РЕЧЬ»
в 1989 году

ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. И. ЛЕНИНА

Матвеев Б. И. Крылатые слова у В. И. Ленина	2
Наумов К. В. Пародия в ленинской публицистике	2

К 120-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. К. КРУПСКОЙ

Ефимова Н. Ф. Н. К. Крупская о воспитательной силе слова	1
--	---

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Азадовский К. М. «Плач в родительскую субботу» Николая Клюева	6
Архангельский А. Н. Пир милосердия	3
Бабаев Э. Г. Борис Пастернак об Анне Ахматовой	4
Бабаев Э. Г. «Самая суть дела»	2
Бабаев Э. Г. Сокровенная речь	3
Богомолов Н. А. История одного замысла	5
Быстров В. Н. «Угрюмством множа красоту» (Об одном эпиграфе у А. Блока)	1
Вацуро В. Э. Из записок филолога. «Камень сглаженный потоком»	5
Вацуро В. Э. Из записок филолога. Почти неизвестный Тютчев	4
Вацуро В. Э. Из записок филолога. «Стансы винограду»	3
Ганулич А. К. «То в кибитке, то в карете...»	4
Гаспаров М. Л. Слово между мелодией и ритмом (Об одной литературной встрече М. Цветаевой и А. Белого)	4
Дилакторская О. Г. Что значит «куница» в «Шинели» у Н. В. Гоголя?	2
Иванова Т. А. Это притягательное «фру-фру»	5
Кипнис М. Ш. Стилистические особенности «Перламутровой Зинаиды» М. Рождина	6
Корованенко Т. А. «Воскрешение Белкина»	4
Кременцов Л. П. Слово в художественном тексте	2
Кременцов Л. П. Угадайка для посвященных	4
Левицкий Л. А. «Как ключ в замок...» (Виталий Семин в работе над языком)	1
Левонтина И. Б. «Выдумывай неведомый язык!» (Несколько замечаний о языке поэзии В. Г. Бенедиктова)	6
Магомедова Д. М. «О, Русь моя! Жена моя!..» (Родословная строки)	5

Немировская Ю. А. Штрихи к портрету писателя. «Заезжий фигляр» у Пушкина	3
Носов С. Н. О стилистике романа А. Платонова «Чевенгур»	1
Пустовойт П. Г. О языке романа А. Платонова «Чевенгур»	4
Симачева И. Ю. Гоголь и Андрей Белый	2
Тарланов Е. З. «У поэта два царства...»	1
Тименчик Р. Д. Чужие слова у Ахматовой	3
Уроки Леонида Леонова	3
Фомичев С. А. «Чудный город Миргород!»	2
Харджиев Н. И. Две эпиграммы Вячеслава Иванова	5
Чайковский Р. Р. «Мой Демон продолжает тосковать...»	5
Чистова И. С. «Кто там в малиновом берете...»	5
Чудаков А. П. О характере научной медитации и стиля В. В. Виноградова	6
Шитарева О. Г. «Я всегда был на кончике луча...»	2
Щербинина О. Г. «Не звукоподражание, а душепреображение...»	3

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Вагинов Константин. «Труды и дни Свистонова» (Отрывок)	2
Гумилев Николай. Из прозы	5
Замятин Евгений. Рассказы и заметки	3
Ремизов Алексей. Начало слов	4

АНТОЛОГИЯ АВТОРСКОЙ ПЕСНИ

Анчаров Михаил	2
Визбор Юрий	1
Высоцкий Владимир	6
Городницкий Александр	4
Матвеева Новелла	5
Окуджава Булат	3

БЕСЕДА НА АКТУАЛЬНУЮ ТЕМУ

Кириллов Игорь: «Я за то, чтобы люди меньше смотрели телевизор, а больше читали...»	5
Нерознак В. П.: «Всего лишь — вспомнить...»	4

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Аннушкин В. И., Муратова К. В. Как научиться владеть словом?	1
Бахтызин А. М. Из истории судебного красноречия	6
Бельская Л. Л. Об одном «темном» месте...	5
Земская Е. А., Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. О чем и как говорят женщины и мужчины	1
Из Нормативно-стилистического словаря русского языка	1-3
Лейчик В. М. Имя для науки	4
Луценко Н. А. Прошедшее как настоящее	5
Орлова Н. И. Можно ли прогнозировать слова?	2
Сергиевская Л. А. «Давайте говорить друг другу комплименты»	2
Труфанова В. Я. Как слово наше отзовется	1
Формановская Н. И. Беседы о речевом этикете	2, 6
Шкатова Л. А. Счастлив тот, кто счастлив в семье	3

ОРФОГРАФИЯ

Мейеров В. Ф. Мелочовка или мелочёвка?	3
Серебряная И. Б. Цыгане и цыганы	1

ТЕРМИНОЛОГИЯ

Даниленко В. П. По страницам словаря «Научно-технический прогресс»	2
Морозова Л. А. Что такое многозначность слова?	3

К УРОКУ РУССКОГО ЯЗЫКА

Сорокина Э. А. Вышеуказанный — указанный выше	2
Моисеев А. И. Из истории пунктуации: молчанка — черта — черточка — тире	1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ. ИЗ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Белашацкова В. А. Мир его мыслей — русский язык. (Страницы жизни В. В. Виноградова)	5
Добродомов И. Г. Знаменитый славист	3
Ефимов А. И. О культуре публичной речи	5
Костомаров В. Г. Путь в науку (Страницы жизни В. В. Виноградова)	5
Кузнецов П. С. К истории фонем [ф] и [ф'] в русском языке	6
Малышева-Виноградова Н. М. Страницы жизни В. В. Виноградова	4
Смирнов С. В. Поэтическое наследие А. Х. Востокова	1
Смирнов С. В. Свет вечной правды	3
Робинсон М. А. А. А. Шахматов и молодые ученые	5

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Багрянцева Г. И. «Генеральный регламент коллегий»	5
Богданов А. П. Летописцы рассказывают. «И сели насмерть»	4
Борисова Л. П., Отин Е. С. Жизнеописание, адресованное потомкам	3
Верещагин Е. М. «Душеполезная, апостольская»	5
Гребнева Э. Я. «...Сеяшется и ратяшеть усобицами»	6
Из Этнолингвистического словаря славянских древностей	1-5
Касимов Н. Л. Цветопись в «Слове о полку Игореве»	4
Князький И. О. Кто такие <i>толковины</i> ?	1
Лукина Г. Н. Русские названия сосудов	4
Макеев Л. Н. Древнерусские личные имена в надписях Новгородского Софийского собора	3
Макеев Л. Н. Древнерусское имя <i>Боян</i>	2
Пауткин А. А. «Созда градъ именем Холмъ» (Об архитектурных описаниях в Галицкой летописи)	1
Солодкин Я. Г. Кто он, летописец Иосиф?	6
Трофимова Н. В. «За правду ж чтить меня ты будешь...»	5
Ужанков А. Н. Кирилловская письменность на Руси	3
Фомина Л. Ф., Макаренко Н. З. Звездное небо поморов XVII-XVIII вв.	1
Яценко Б. И. Зачин в «Слове о полку Игореве»	2

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Коготкова Т. С. Из заметок диалектолога. «А в ошур сочи- лась тихо кровь...»	4
Коготкова Т. С. Из заметок диалектолога. «Нагнувшись под балчук...»	3

ОНОМАСТИКА

Житников В. Ф. Диалектизмы в фамилиях	1
---	---

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

Авбелев С. Н. Герои русского эпоса. Михаил Скопин-Шуйский	3
Авбелев С. Н. Добрыня-сват	1
Вакуров В. Н. Весна — красна	2
Вакуров В. Н. Обрядовое полотенце	5
Радунский В. Г. Изба, дом, дворец, терем	1
Топорков А. Л. Откуда у Бабы-Яги ступа?	4

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Арапова Н. С. Террикон	2
Борисова Е. Н. Девушка, девица, девочка	1
Голубева А. В. Из горнила испытаний	2
Горичева Т. В. «Автомедоны наши бойки...»	3
Дараган Н. Я. Почему рожок <i>английский</i> ?	4
Искрин М. Г. «...Гадатель, толкователь снов»	3
Касаркин В. В. Братья наши меньшие	2
Кулмамамов Д. С. Дьяк — визирь	4
Лисицына Т. А. От дроби к минутам и секундам	3
Макаров В. И., Матвеева Н. П. «Соревнование» — совместное усердие	5
Мокиенко В. М. Заведенные часы и нерезанные собаки	2
Мокиенко В. М. Какого рожна?	3
Насилова Н. Д. Сложить голову	6
Наумов О. П. Сколькo футoв под килем?	1
Сергеев В. Н. Колокольный звон	6
Шульгин А. В. Какой сон видела Марья Гавриловна?	1
Шустов А. Н. Мурич, арап, африканец	1
Шустов А. Н. Президент — значит: сидящий впереди	5
Юношева В. К. Полые двери — вода...	2

НА КАРТЕ РОДИНЫ

Боярин В. В., Рогалев А. Ф. Зовется местечко <i>Ленин</i>	2
Исторические названия — памятники культуры	5
Кослечкин Б. И. Над судовыми журналами «Святого Иоанна»	6
Масенко Л. Т. Не только возвращение...	6
Рубцова З. В. Названия деревень — часть народной культуры	6
Отин Е. С. Калитва	2
Фадеев В. В. Словом создавать города	6
Юрьева И. Ю. Топонимика пушкинских мест	6

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ

Белоусов В. Н. В поисках гармонии	2
Белоусов В. Н. О некоторых национально-языковых проб- лемах	3

Национально-языковые отношения в СССР: состояние и перспективы. На вопросы отвечали члены-корреспонденты АН СССР:

Салицев В. М.	6
Шведова Н. Ю.	5
Ярцева В. Н.	5

СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ 2, 3

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ЗА РУБЕЖОМ

Браво Утреро Соня. Русская литература на Кубе	4
Мамонтова А. С. На юге Вьетнама	1

СЛОВО МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

Алехина И. В. Стилистика рассказа И. А. Бунина «Клаша»	2
Бурова Г. П. «Земля зовет: спешите любить, творить...» (О стихотворении И. А. Бунина «Ночные циклады»)	6
Василенко И. А. «И звуки новые пришли...»	2
Кванов Н. Н. Символы в рассказе А. Н. Толстого «Ображки»	4
Игнатьева Л. И. Видео	6
Костромина М. В. Составные слова <i>школа-магазин, матч-турнир</i>	1
Кочубей Р. И. Дехис — «единительный» знак	6
Новинская Н. В. Термин и научное открытие	2
Понов В. П. Звукопись в поэзии С. Есенина	4
Хромов О. Р. Коломенские львы	1

СРЕДИ КНИГ

Будагов Р. А. Как мы говорим и пишем	5
Вомперский В. П. Риторика в России XVII—XVIII вв. . . .	5
Вомперский В. П. Словари XVIII века	1
Колесов В. В. Л. В. Щерба	1
Кохтев Н. Н., Розенталь Д. Э. Искусство публичного выступления	5
Малышева Н. М. О пении	5
Милославский И. Г. Зачем нужна грамматика?	6
Моисеев А. И. Звуки и буквы, буквы и цифры...	3
Никонов В. А. Ищем имя	4
Сергейч П. Искусство речи на суде	6
Словарь фразеологических синонимов	2
Слово в языке произведений В. И. Ленина	2
Толстой Н. И. История и структура славянских литературных языков	3

ПОСТУПАЮЩЕМУ В ВУЗ

Каламова Н. А. Безлично-предикативные слова, или слова категории состояния	1
Каламова Н. А. Имя числительное	3
Темы сочинений на вступительных экзаменах в Московский университет (1988)	3

ХРОНИКА

X Международный съезд славистов	2
Конференция по русской риторике	5

Праздник славянской культуры	3
ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»	
Жизнь — крутые «обороты»	3
Как появился <i>фломастер</i>	3
Лениниана, Пушкиниана	3
О пыльном мешке	1
О слове <i>вахта</i>	1
Пловцы земные или небесные?	4
Полушутя, полусерьезно	2
Прошлое и настоящее слова <i>коммерческий</i>	6
Так какого же роста были лошади?	6
Читатели пишут	4
Шалтай-болтай, шалая-валая	2
КРОССВОРД	2-5

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Что за слово такое — *жировка*?»

З. Иванова, с. *Кокосжино Московской обл.*

Жировка — документ на оплату квартиры, коммунальных услуг. Оно происходит от финансового термина *жиро* — «расчетная операция погашения взаимной задолженности клиентов кредитного учреждения, имеющих в нем кредитный счет». Термин этот — от итальянского *giro*, что значит «оборот, обращение». Слово *жировка* — неофициальное название, его употребляют лишь в разговорной речи.

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

«Скажите, пожалуйста, что означает вторая часть слов *аэродром*, *ипподром*, *автодром* и т. п.?»

И. Тертица, *Ростов-на-Дону*

Вторая часть сложных слов типа *аэродром* образована от греческого слова *drōmos* – место для бега.

На вопросы читателей в этом номере отвечали: кандидат филологических наук Г. И. Мисьяевич, сотрудник редакции Л. А. Макарова

Номер оформили художники: С. Жагин ©, В. Леонов ©

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. П. ВОМПЕРСКИЙ (главный редактор), Л. К. ГРАУДИНА, В. П. ГРЕБЕНЮК, В. П. ГРИГОРЬЕВ, А. Ф. ЖУРАВЛЕР, Ю. Н. КАРАУЛОВ, Л. М. ЛЕОНОВ, Л. Ю. МАКСИМОВ, И. Г. МИЛОСЛАВСКИЙ, Л. А. НОВИКОВ (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ, В. Ю. ТРОИЦКИЙ, А. П. ЧУДАКОВ, Е. Н. ШИРЯЕВ, Д. Н. ШМЕЛЕВ

Заведующая редакцией
Т. С. Колмакова

Художественный редактор
Е. Н. Сапожникова

Корректоры
В. В. Беляев, М. Б. Рыбина

Сдано в набор 18.08.89
Подписано к печати 09.10.89
Формат бумаги 84×108/32
Бумага типографская № 2.
Печать высокая. Усл. печ. л. 8,4.
Усл. кр.-отт. 408,9 тыс.
Уч.-изд. л. 7,9. Бум. л. 2,5.
Тираж 47 500.
Заказ 3334. Цена 50 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука».
Адрес редакции: 121019, Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25,
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6